

Уильям
ШЕКСПИР

Отелло
Макбет

проверено
временем

William
SHAKESPEARE

OTHELLO
MACBETH

Уильям
ШЕКСПИР

ОТЕЛЛО
МАКБЕТ

Трагедии

время

Москва

2018

УДК 821.111.1-2
ББК 84(2=432.1)
Ш41

Художник
Валерий Калныньш

Шекспир, У.

- Ш41 Отелло ; Макбет : трагедии / Уильям Шекспир ; пер. с англ. Бориса Пастернака, Владимира Гандельсмана ; сопроводит. статьи Александра Блока, Владимира Гандельсмана. — М. : Время, 2018. — 304 с. — (Проверено временем).

ISBN 978-5-00112-024-7

Вот уже пятое столетие знаменитые трагедии Шекспира остаются наиболее востребованными литературными произведениями, спектакли «Отелло» и «Макбет» идут на многочисленных театральных подмостках по всему миру, сделаны десятки экранизаций, написаны оперы, поставлены балеты. В чем секрет огромной популярности Шекспира? Известно, что сюжеты для пьес великий драматург заимствовал у своих предшественников, почему же именно шекспировские версии стали культовыми? Быть может, потому, что именно он смог показать высший накал низких страстей человеческих — будь то помутившая рассудок Отелло жгучая ревность или необузданная жажда власти тщеславного Макбета. Разбуженные и разбушевавшиеся эти страсти несут гибель, но сквозь ужас событий и судеб у Шекспира всегда проглядывает «скрытый в трагедии смысл» (А. Блок), понуждающий человека к познанию самого себя.

ББК 84(2=432.1)

ISBN: 978-5-00112-024-7

9

7 8 5 0 0 1 1 1 2 0 2 4 7

© Б. Л. Пастернак, наследники, перевод, 2018
© В. А. Гандельсман, перевод, сопроводительная
статья, 2018
© Состав, оформление, «Время», 2018

ОТЕЛЛО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дож Венеции.

Брабанцио, сенатор.

Другие сенаторы.

Грациано, брат Брабанцио.

Лодовико, родственник Брабанцио.

Отелло, родовитый мавр на венецианской службе.

Кассио, его лейтенант, то есть заместитель.

Яго, его поручик.

Родриго, венецианский дворянин.

Монтано, предшественник Отелло по управлению Кипром.

Шут, в услужении у Отелло.

Дездемона, дочь Брабанцио и жена Отелло.

Эмилия, жена Яго.

Бианка, любовница Кассио.

Моряки, гонцы, глашатаи, военные, чиновники, частные лица, музыканты и слуги.

Первое действие происходит в Венеции, остальные — на Кипре.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Улица в Венеции.

Входит Родриго и Яго.

Родриго

Ни слова больше. Это низость, Яго.
Ты деньги брал, а этот случай скрыл.

Яго

Но, черт возьми, вы не хотите слушать!
Такое мне не снилось и во сне!

Родриго

Ты врал мне, что его терпеть не можешь.

Яго

И можете мне верить — не терплю.
Три личности с влияньем предлагали
Меня на лейтенантство. Это пост,
Которого, ей-богу, я достоин.
Но он ведь думает лишь о себе:
Они ему одно, он им другое.
Не выслушал, пустился поучать,
Наплел, наплел и отпустил с отказом.
«Увы, — он говорит им, — господа,
Уже себе я выбрал офицера».
А кто он? Математик-грамотей,
Микеле Кассьо некий. Флорентинец,
Опутанный красоткой. Бабий хвост,
Ни разу не водивший войск в атаку.

Он знает строй не лучше старых дев.
Но выбран он. Я на глазах Отелло
Спасал Родос и Кипр и воевал
В языческих и христианских странах,
Но выбран он. Он — мавров лейтенант,
А я — поручиком их мавританства.

Родриго

Поручиком! Уж лучше б палачом!

Яго

Да, да. Он выдвигает лишь любимцев,
А надо повышать по старшинству.
У этого дождешься производства!
О нет, мне мавра не за что любить.

Родриго

Тогда б я бросил службу.

Яго

Успокойтесь.

На этой службе я служу себе.
Нельзя, чтоб все рождались господами,
Нельзя, чтоб все служили хорошо.
Конечно, есть такие простофили,
Которым полюбилась кабала
И нравится ослиное усердье,
Жизнь впроголодь и старость без угла.
Плетьми таких холопов! Есть другие.
Они как бы хлопочут для господ,
А на поверку — для своей наживы.
Такие далеко не дураки,
И я горжусь, что я из их породы.
Я — Яго, а не мавр, и для себя,
А не для их прекрасных глаз стараюсь.
Но чем открыть лицо свое — скорей

Я галкам дам клевать свою печенку.
Нет, милый мой, не то я, чем кажусь.

Родриго

У, толстогубый черт! Он с ней, увидишь,
Всего добьется!

Яго

Надо разбудить
Ее отца, предать побег огласке,
Поднять содом, воспламенить родню.
Как мухи, досаждайте африканцу.
Пусть в радости найдет он столько мук,
Что будет сам не рад такому счастью.

Родриго

Вот дом ее отца. Я закричу.

Яго

Вовсю кричите. Не жалейте глотки.
Кричите, точно в городе пожар.

Родриго

Брабанцио! Брабанцио, проснитесь!

Яго

Брабанцио, проснитесь! Караул!
Где ваша дочь? Где деньги? Воры! Воры!
Проверьте сундуки! Грабеж! Грабеж!

Наверху в окне появляется Б р а б а н ц и о.

Брабанцио

Что значат эти крики? Что случилось?

Родриго

Все ваши дома?

Яго

Заперта ли дверь?

Брабанцио

К чему расспросы ваши?

Яго

Ад и дьявол!

У вас разгром. Опомнитесь, дружок.

Наденьте плащ. Как раз сейчас, быть может

Сию минуту, черный злой баран

Бесчестит вашу белую овечку.

Спешите! Мигом! Надо бить в набат,

Храпящих горожан будить. Иначе

Вас дедушкой сделают. Живей!

Спешите, говорю.

Брабанцио

Вы помешались?

Родриго

Узнали вы мой голос, сударь?

Брабанцио

Нет.

Кто ты такой?

Родриго

Родриго я.

Брабанцио

Тем хуже.

Тебя добром просили: не ходи.

Тебе сказали коротко и ясно,

Что дочь не для тебя. А ты хорош:

Черт знает где напился и наелся

И нарушаешь ночью мой покой

В нетрезвом виде!

Родриго

Сударь, сударь, сударь!

Б р а б а н ц и о

Но я, поверь, сумею навсегда
Отбить охоту у тебя буянить.

Р о д р и г о

Постойте.

Б р а б а н ц и о

Для чего ты поднял шум?
Ведь мы в Венеции, а не в деревне:
Найдутся сторожа.

Р о д р и г о

Я разбудил
Вас с лучшими намереньями, сударь.

Я г о. Синьор, ради дьявола вспомните Бога! Мы вам делаем одолжение, а нам говорят, что мы буяны! Значит, вам хочется, чтоб у вашей дочери был роман с арабским жеребцом, чтобы ваши внуки ржали и у вас были рысаки в роду и связи с иноходцами?

Б р а б а н ц и о. Кто ты, нечестивец?

Я г о (*с бесстыдством*). Я пришел сообщить вам, сударь, что ваша дочь в настоящую минуту складывает с мавром зверя с двумя спинами.

Б р а б а н ц и о

Ты подлый негодяй!

Я г о

А вы — сенатор.

Б р а б а н ц и о

Родриго, ты ответишь мне за все.
А с этим я не знаюсь!

Р о д р и г о

И отвечу.
Но, может быть, и точно я не прав
И это с вашего соизволения

Отправилась так поздно ваша дочь
Одна, без подобающей охраны,
В сообществе наемного гребца
В сластолюбивые объятья мавра?
Тогда я извинения прошу:
Мы оскорбили вас без основанья.
Но если то, что мы вам говорим,
Вам неизвестно, вы несправедливы.
Я думаю, излишне уверять,
Что я б не смел подшучивать над вами.
Узнайте: ваша дочь себя ведет
Безнравственно, соединив без спросу
Свое богатство, честь и красоту
С безродным чужеземным проходимцем.
Взгляните, дома ль барышня. Тогда
Преследуйте меня за ложность слухов.

Б р а б а н ц и о

Огня скорее! Дайте мне свечу.
Эй, слуги, слуги! Как похоже это
На то, что видел я сейчас во сне!
Я начинаю думать — это правда.
Огня! Огня!

(Уходит.)

Я г о

Прощайте. Я уйду.
Я не могу показывать на мавра.
Я — подчиненный мавра. Мне влетит.
Ему простят ночное приключение.
Слегка на вид поставят, вот и все.
Сенат не может дать ему отставки,
Особенно сейчас, когда гроза
Объяла Кипр и никого не видно,

Кто мог бы заменить его в беде.
Хоть я его смертельно ненавижу, —
Вы сами понимаете теперь, —
Я вынужден выкидывать для виду
Пред генералом дружественный флаг.
Но это, разумеется, личина.
Когда они пойдут его искать,
Вы с ними направляйтесь к арсеналу.
Он там. Я буду тоже вместе с ним.
Но я иду. Прощайте.
(Уходит.)

Из дома выходят Бранцио и слуги с факелами.

Бранцио

Дело ясно.

Она ушла. Мне больше не житье. —
Итак, где эта девочка, Родриго?
Несчастливая! У мавра, говоришь? —
Считайтесь после этого отцами!
Ты видел сам ее? — Каков обман! —
Что говорит она? — Непостижимо!
Светите! И поболее людей! —
По-твоему, они уж обвенчались?

Родриго

Да, кажется.

Бранцио

О господи! Но как
Она наружу выйти умудрилась?
Отцы, не верьте больше дочерям,
Как ни были б невинны их повадки!

Приходится поверить в колдовство,
Которым совращают самых чистых.
Тебе, Родриго, ни о чем таком
Читать не приходилось?

Родриго

Приходилось.

Брабанцио

Сходите к брату. — Жаль, что за тебя
Не отдал я ее. — Куда ж вы кучей?
Часть в эту сторону, другая — в ту.
Ты знаешь, где искать ее и мавра?

Родриго

Я покажу, но надо запастись
Надежной стражей. Следуйте за мною.

Брабанцио

Веди. Идем. Я властью облечен
Снимать, где пожелаю, караулы.
Мы их с собой захватим. Ну, идем.
Я награжу за все тебя, Родриго.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Другая улица.

Входят Отелло, Яго и слуги с факелами.

Яго

Хоть на войне я убивал людей,
Убийство в мирной жизни — преступление.
Так я смотрю. Мне было б легче жить

Без этой щепетильности. Раз десять
Хотелось мне пырнуть его в живот.

О т е л л о

И лучше, что не тронул.

Я г о

Он такими

Словами обзывал вас, что хотя
Я мягок и покладист, чуть сдержался.
Так, значит, вы женились не шутя?
Отец ее, к несчастью, с влияньем,
И в этом деле голос старика
Окажется сильней, чем голос дожа.
Он разведет вас, истинный Господь,
Или в отместку истомит судами.

О т е л л о

Пускай. Его заставят замолчать
Мои заслуги перед синьорией.
А если старику не стыдно вслух
Кичиться родом, заявляю тоже:
Я — царской крови и могу пред ним
Стоять как равный, не снимая шапки.
Семьей горжусь я так же, как судьбой.
Не полюби я Дездемоны, Яго,
За все богатства моря б не стеснил
Женитьбой я своей привольной жизни, —
Кто это там с огнями? Посмотри.

Я г о

Они и есть. Отец со всей роднею.
Войдите в дом.

О т е л л о

Зачем? Я не таюсь,
Меня оправдывают имя, званье

И совесть. Но они ли это там?

Яго

Клянусь двуликим Янусом, что нет!

Входят Кассио и несколько военных
с факелами.

Отелло

Военные из свиты дожа, вижу,
И мой помощник. Здравствуйте, друзья.
Что нового?

Кассио

Нас дож послал с приветом.
Он требует к себе вас, генерал.
Скорее. Торопитесь.

Отелло

Что случилось?

Кассио

Всё Кипр, насколько я могу судить.
Какие-то неожиданные события.
Из флота вестовые без конца.
Сенаторы разбужены и в сборе.
У дожа совещанье во дворце.
Вас требовали, дома не застали
И даже в город выслали патруль,
Чтобы достать вас хоть со дна морского.

Отелло

Тем радостней, что вы меня нашли.
Я только в этот дом зайду и выйду.
(Уходит.)

Кассио

Зачем он тут?

Я г о

Он нынче захватил
Галеру с грузом и разбогатеет,
Лишь только узаконит свой захват.

К а с с и о

Я вас не понимаю.

Я г о

Он женился.

К а с с и о

На ком?

Я г о

Не угадаете.

Возвращается О т е л л о.

Итак,

Идемте, генерал.

О т е л л о

Готов. Идемте.

К а с с и о

Опять за вами люди из дворца.
Вы видите?

Я г о

Брабанцио, наверно.
Смотрите берегитесь. У него
Недоброе в уме.

Входят Брабанцио, Родриго и ночная стража
с факелами и оружием.

О т е л л о

Остановитесь!

Родриго

Вот мавр.

Брабанцио

Вот он, грабитель! Бей его!

С обеих сторон обнажают мечи.

Яго

К услугам вашим. Здравствуйте, Родриго!

Отелло

Долой мечи! Им повредит роса.

Ваш возраст действует на нас сильнее,
Чем меч ваш, благороднейший синьор.

Брабанцио

Презренный вор, скажи, где дочь моя?

Ты чарами ее опутал, дьявол!

Тут магия, я это докажу.

Действительно, судите сами, люди:

Красавица и ангел доброты

Не хочет слышать ничего о браке,

Отказывает лучшим женихам

И вдруг бросает дом, уют, довольство,

Чтоб кинуться, насмешек не боясь,

На грудь страшилища чернее сажу,

Вселяющего страх, а не любовь!

Естественно ли это? Посудите,

Случается ли так без колдовства?

Ты тайно усыпил ее сознание

И приворотным зельем опоил!

Закон велит мне взять тебя под стражу

Как чернокнижника и колдуна,

Который промышляет запрещенным. —
Арестовать его, а если он
Добром не дастся, завладейте силой!

О т е л л о

Подальше руки. Отойдите прочь!
И вы, и вы. Дойдет до крови дело, —
Я без подсказа знаю эту роль.
Куда идти мне, чтобы оправдаться?

Б р а б а н ц и о

Сперва в тюрьму. Немного посидишь.
Настанет время, вызовут — ответишь.

О т е л л о

А вдруг и правда я вам подчинюсь?
Что скажет дож? Вот несколько посыльных.
Они сию минуту из дворца
И требуют меня туда по делу.

П е р в ы й в о е н н ы й

Да, сударь, положение таково:
У дожа чрезвычайное собранье.
Вас тоже ждут туда наверняка.

Б р а б а н ц и о

Ночной совет у дожа? Очень кстати.
Туда с ним и пойдем. Моя беда —
Не мелочь повседневная, а случай,
Нас всех касающийся. Если мы
Начнем спускать такие покушенья,
В республике владыками судьбы
Окажутся язычники-рабы.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Зал совета.

Дожд и сенаторы за столом. Кругом военные,
чиновники и слуги.

Дожд

В вестях нет связи. Верить им нельзя.

Первый сенатор

В них заключаются противоречья.

Мне пишут, что сто семь галер.

Дожд

А мне,

Что их сто сорок.

Второй сенатор

У меня их двести.

Понятно, что подсчет разноречив.

Он сделан по догадкам, наудачу.

Но что турецкий флот плывет на Кипр,

На этом сходятся все сообщения.

Дожд

Да, это расхождение в числе

Не может нам служить успокоеньем.

В основе — правда, и она горька.

Матрос *(за сценой)*

Эй, эй, впустите!

Первый служитель

Вестовой из флота.

Входит матрос.

Дожд

Ну, как у вас дела?

М а т р о с

Турецкий флот
Плывет к Родосу. Это донесенье
От Анджело сенату.

Д о ж

Господа,
Как нравится вам эта перемена?

П е р в ы й с е н а т о р

Нелепость. Это для отвода глаз.
Какая-то тактическая хитрость.
Для турок Кипр важнее, чем Родос,
И Кипром овладеть гораздо легче.
Родос — твердыня, Кипр — не укреплен,
Не так наивны турки, чтоб не видеть,
Где вред, где польза, и не отличать
Полнейшей безопасности от риска.

Д о ж

Нет, нет, конечно, цель их не Родос.

П е р в ы й с л у ж и т е л ь

Еще один гонец.

Входит гонец.

Г о н е ц

Дож и собранье!
Свершивши на галерах переход
К Родосу, турки здесь соединились
С другой эскадрой.

П е р в ы й с е н а т о р

Вот вам, господа.
Я так и знал. Большое подкрепление?

Г о н е ц

Судов по тридцати. Все сообща

Опять открыто повернули к Кипру.
Синьор Монтано, верный ваш слуга,
Доносит вам, что не изменит долгу.

Д о ж

Конечно, к Кипру. Я вам говорил!
Что, Марк Лукезе в городе?

Пер в ы й с е н а т о р

В отъезде.

Он во Флоренции.

Д о ж

Послать за ним.

Потребовать письмом, пускай вернется.

Пер в ы й с е н а т о р

А вот Брабанцио и храбрый мавр.

Входят Брабанцио, Отелло, Яго, Родриго
и сопровождающие.

Д о ж

Отелло доблестный, мы вас должны
Немедленно отправить против турок.
Брабанцио, я не заметил вас.
Нам вашей помощи не доставало.

Б р а б а н ц и о

А я нуждаюсь в вашей, добрый дож.
Не обижайтесь, но, сказать по правде,
Я по другой причине во дворце.
Не должность подняла меня с постели.
Меня сейчас волнует не война.
О нет, совсем особая забота
Все мысли поглотила у меня,

Ни для чего не оставляя места.

До ж

Но что случилось?

Брабанцио

Дочь, о дочь моя!

До ж и сенаторы

Что с ней?

Брабанцио

Она погублена, погибла!

Ее сманили силой, увели

Заклятьем, наговорами, дурманом.

Она умна, здорова, не слепа

И не могла бы не понять ошибки,

Но это чернокнижье, колдовство!

До ж

Кто б ни был вор, вас дочери лишивший,

А вашу дочь — способности судить,

Найдите сами для него страницу

В кровавой книге права и над ним

Вершите приговор. Я не вмешаясь,

Хотя бы это был родной мой сын.

Брабанцио

Душевно благодарен. Вот виновник.

Тот самый мавр, который вызван к вам

По вашему приказу.

До ж и сенаторы

Очень жалко!

До ж (Отелло)

Что вы нам возразите?

Брабанцио

Ничего.

Он уличен.

О т е л л о

Сановники, вельможи,
Властители мои! Что мне сказать?
Не буду спорить, дочь его со мною.
Он прав. Я браком сочетался с ней.
Вот все мои как будто прегрешенья.
Других не знаю. Я не говорун
И светским языком владею плохо.
Начавши службу мальчиком в семь лет,
Я весь свой век без малого воюю
И, кроме разговоров о боях,
Поддерживать беседы не умею.
Однако вот бесхитростный рассказ
О том, при помощи каких заклятий
И тайных чар завлек я дочь его,
Как жаловался вам мой обвинитель.

Б р а б а н ц и о

Судите сами, как не обвинять?
Шагнуть боялась, скромница, тихоня,
И вдруг, гляди, откуда что взялось!
Все пóбоку — природа, стыд, приличье,
Влюбилась в то, на что смотреть нельзя!
Немыслимо такое утвержденье.
Здесь происки и козни налицо.
Ручаюсь, он ее поил отравой
И волю сонной одурью сковал.

Д о ж

Ручаться мало. Это голословно.
Упреки ваши надо доказать.
Для обвиненья я не вижу данных.

Первый сенатор

Отелло, говорите ж наконец!
Действительно ль тут были ухищренья,
Иль это безобидная любовь,
Как зарождается она в беседе
Души с душой?

Отелло

Пошлите в арсенал.

Пускай она сама даст показанье,
А надо будет — отберите чин
И жизнь мою распорядитесь.

Дож

Доставьте Дездемону, господу.

Отелло

Поручик, покажите им дорогу.

Яго с несколькими служителями уходит.

Пока они вернутся, не таясь,
Открыто исповедаюсь пред вами,
Как я достиг ее любви и как
Она — моей.

Дож

Отелло, говорите.

Отелло

Ее отец любил меня. Я часто
Бывал у них. Рассказывал не раз
События личной жизни, год за годом.
Описывал превратности судьбы,
Бои, осады, все, что я изведал.
Я снова пересматривал всю жизнь —

От детских дней до нынешней минуты.
Припоминал лишения и труды,
Испытанные на море и суше.
Рассказывал, как я беды избег
На волосок от смерти. Как однажды
Я в плен попал, и в рабство продан был,
И спасся из неволи. Возвращался
К местам своих скитаний. Говорил
О сказочных пещерах и пустынях,
Ущельях с пропастями и горах,
Вершинами касающихся неба.
О каннибалах, то есть дикарях,
Друг друга поедающих. О людях,
Которых плечи выше головы.
Рассказы занимали Дездемону,
И, отлучаясь по делам, она
Всегда старалась кончить их пораньше,
Чтоб вовремя вернуться и поймать
Утерянную нить повествованья.
Я рад был эту жадность утолять
И рад был просьбу от нее услышать,
Чтоб я ей как-нибудь пересказал
С начала до конца, что ей отчасти
Известно уж. Я начал. И когда
Дошел до первых горьких столкновений
Моей незрелой юности с судьбой,
Увидел я, что слушавшая плачет.
Когда я кончил, я был награжден
За эту повесть целым миром вздохов.
«Нет, — ахала она, — какая жизнь!
Я вне себя от слез и удивленья.
Зачем узнала это я! Зачем

Не родилась таким же человеком!
Спасибо. Вот что. Если бы у вас
Случился друг и он в меня влюбился,
Пусть вашу жизнь расскажет с ваших слов —
И покорит меня». В ответ на это
Я тоже ей признался. Вот и всё.
Я ей своим бесстрашьем полюбился,
Она же мне — сочувствием своим.
Так колдовал я. Вот и Дездемона.
Теперь вы обратитесь к ней самой.

Входят Дездемона и Яго со слугителями.

Д о ж

Перед таким рассказом, полагаю,
Не устояла бы и наша дочь.
Брабанцио, придется примириться.
Ведь вы стены не прошибете лбом.

Б р а б а н ц и о

Сперва ее послушаем, что скажет.
Конечно, если оба заодно,
То у меня нет к мавру притязаний. —
Поди поближе, госпожа моя.
Скажи, кому из этого собранья
Должна ты подчиняться больше всех?

Д е з д е м о н а

Отец, в таком кругу мой долг двойтся.
Вы дали жизнь и воспитанье мне.
И жизнь и воспитанье говорят мне,
Что слушаться вас — мой дочерний долг.
Но вот мой муж. Как мать моя однажды
Сменила долг перед своим отцом

На долг пред вами, так и я отныне
Послушна мавру, мужу моему.

Б р а б а н ц и о

Ну, бог с тобой. — Я кончил, ваша светлость.
Приступим к государственным делам. —
Я б лучше принял девочку чужую,
Чем породил и воспитал свою!
Будь счастлив, мавр. Моя бы воля — дочки
Ты не видал бы как своих ушей.
Тебе ж, мой ангел, вот что на прощанье:
Я рад, что ты единственная дочь.
Побег твой сделал бы меня тираном.
Я б в цепи заковал твоих сестер. —
Я кончил, ваша светлость.

Д о ж

Я прибавлю

Один совет для вас, чтоб молодым
Помочь опять подняться в вашем мненье.
Что миновало, то забыть пора,
И с сердца сразу свалится гора.
Все время помнить прошлые напасти,
Пожалуй, хуже свежего несчастья.
В страданиях единственный исход —
По мере сил не замечать невзгод.

Б р а б а н ц и о

Что ж туркам Кипра мы не отдаем,
Когда что минуло, то нипочем?
Учить бесстрастью ничего не стоит
Тому, кого ничто не беспокоит.
А где тому бесстрастье приобрести,
Кому что пожалеть и вспомнить есть?

Двусмысленны и шатки изречения.
Словесность не приносит облегченья.
И не ушные раковины — путь
В страданиями истерзанную грудь.
Поэтому я к вам с низжайшей просьбой:
Приступим к государственным делам.

Д о ж. Хорошо. Итак, турки большими силами двинулись к Кипру. Отелло, устройство крепости хорошо известно вам. Хотя островом управляет человек неоспоримых достоинств, но в военное время на таком посту нужен человек, пользующийся известностью. Все высказываются за вас. Приготовьтесь омрачить ваше молодое счастье этой хлопотливой поездкой.

О т е л л о

Всевластная привычка, господа,
Суровости походного ночлега
Мне превращает в мягкий пуховик.
Мне по душе лишенья. Я с охотой
Отправлюсь против турок, но прошу
Отвесть жене удобное жилище,
Дать содержанье и назначить штат,
Приличные ее происхожденью.

Д о ж

Пускай живет покамест у отца.

Б р а б а н ц и о

Я против этого.

О т е л л о

И я.

Д е з д е м о н а

Я тоже.

Я буду вновь напоминать отцу

О происшедшем. Есть удобный выход.
Я вам другое средство предложу.

До ж

Что вы сказать хотите, Дездемона?

Дездемона

Я полюбила мавра, чтоб везде
Быть вместе с ним. Стремительностью шага
Я это протрубила на весь мир.
Я отдаю себя его призванию,
И храбрости, и славе. Для меня
Краса Отелло — в подвигах Отелло.
Мой жребий посвящен его судьбе,
И мне нельзя в разгар его похода
Остаться мирной мошкой в тылу.
Опасности милей мне, чем разлука.
Позвольте мне сопровождать его.

Отелло

Сенаторы, прошу вас, согласитесь.
Тут не своекорыстье, видит бог!
Я не руковожусь влеченьем сердца,
Которое сумел бы заглушить.
Но речь о ней. Пойдемте ей навстречу.
Не думайте, что в обществе ее
Я отнесусь небрежнее к задаче.
Нет, если легкокрылый Купидон
Глаза настолько мне залепит страстью,
Что проморгаю я военный долг,
Пусть сделают домашние хозяйки
Из шлема моего печной горшок
И тем меня навеки опозорят.

До ж

Решайте как хотите меж собой,

Остаться ей иль ехать, но события
Торопят нас.

Первый сенатор

Вам надо выезжать

Сегодня ночью.

Отелло

Очень рад.

Дожд

Сойдемся

Здесь снова к девяти часам утра.

Оставьте нам кого-нибудь, Отелло,

Кто наш приказ вам следом отвезет.

Отелло

Тогда вот мой поручик, ваша светлость.

Он преданный и верный человек.

Я думаю послать с ним Дездемону.

Он сможет все, что надо, захватить.

Дожд

Прекрасно! Господа, спокойной ночи. —

Вот что, Брабанцио. Ваш темный зять

В себе сосредоточил столько света,

Что чище белых, должен вам сказать.

Первый сенатор

Отелло, берегите Дездемону.

Брабанцио

Смотри построже, мавр, за ней вперед:

Отца ввела в обман, тебе солжет.

Дожд, сенаторы и служители уходят.

Отелло

Я в ней уверен, как в самом себе.

Но к делу. Попеченью твоему
Я поручаю, Яго, Дездемону.
Вели своей жене ходить за ней.
Как только будет первая возможность,
Счастливо отплывайте тоже вслед.
В моем распоряжение меньше часу,
А дел, а мыслей — и не перечесть!
Пойдем, побудем вместе на прощанье.

Отелло и Дездемона уходят.

Родриго. Яго!

Яго. Что скажешь, благородная душа?

Родриго. Как ты думаешь, что я сейчас сделаю?

Яго. Пойдешь и ляжешь спать.

Родриго. Утоплюсь сию минуту.

Яго. Попробуй только это сделать, и я навсегда раз-
дружусь с тобою.

Родриго. Глупо жить, когда жизнь стала пыткой.
Как не искать смерти, своей единственной избавитель-
ницы?

Яго. Жалкий дурак! Я двадцать восемь лет живу на
свете и, с тех пор как научился отличать выгоду от убыт-
ка, не видал людей, которые умели бы позаботиться
о себе. Прежде чем я скажу, что утоплюсь из-за какой-ни-
будь юбки, я поменяюсь своей бессмертной сущностью
с павианом.

Родриго. Что же мне делать? Мне самому стыдно,
что я так влюбился, но поправить этого я не в состоя-
нии.

Яго. Не в состоянии! Скажите пожалуйста! Быть тем
или другим зависит от нас. Каждый из нас — сад, а садов-

ник в нем — воля. Расти ли в нас крапиве, салату, иссопу, тмину, чему-нибудь одному или многому, заглухнуть ли без ухода или пышно разрастись — всему этому мы сами господа. Если бы не было разума, нас заездила бы чувственность. На то и ум, чтобы обуздывать ее нелепости. Твоя любовь — один из садовых видов, которые хочешь — можно возделывать, хочешь — нет.

Родриго. Будто бы!

Яго. А то как же? Чистейшее поупущение крови с молчаливого согласия души. Будь мужчиной. Топиться! Лучше топи кошек и щенят. Я поклялся помочь тебе. Никогда мы не были так близки к цели. Набей потуже кошелек и отправляйся с нами. Измени внешность фальшивой бородой. Не может быть, чтобы Дездемона долго любила мавра. Набей потуже кошелек. Не может быть, чтобы мавр долго любил ее. Бурное начало будет иметь бурный конец. Набей потуже кошелек. Эти мавры переменчивы. То, что ему теперь кажется сладким, как стручки, скоро станет горше хрена. Она молода и изменится. Когда она будет сыта им по горло, она опомнится. Ей потребуется другой. Набей потуже кошелек. Если обязательно надо губить себя, придумай что-нибудь поумнее, чем воду. Набей потуже кошелек. С одной стороны бывалая, хитрая венецианка, с другой — неотесанный кочевник. И я поверю в прочность их чувств! Она твоя! Набей кошелек монетами. Топиться совершенно лишнее. Пусть лучше тебя повесят после того, как ты получишь удовольствие, чем потонуть, ничего в жизни не видев.

Родриго. Ты не обманешь, если я положусь на тебя?

Яго. Не беспокойся. Набей кошелек монетами. Я часто говорил тебе и повторяю: я ненавижу мавра. У меня

с ним свои счета, не хуже твоих. Сольем нашу ненависть воедино. Наставь ему рога. Для тебя это удовольствие, а для меня еще большее торжество. Ступай. Набей кошель монетами. Завтра поговорим подробнее. Прощай.

Родриго

Где встретимся мы утром?

Яго

У меня.

Родриго

Приду пораньше.

Яго

Ладно. Ну, Родриго?

Родриго

Что именно?

Яго

Топиться чтоб ни-ни!

Родриго

Я передумал. Заложу именье.

(Уходит.)

Яго

Мне этот дурень служит кошельком
И даровой забавою. Иначе
Я б времени не тратил на него.
Я ненавижу мавра. Сообщают,
Что будто б лазил он к моей жене.
Едва ли это так, но предположим.
Раз подозренье есть, то, значит, так.
Он ставит высоко меня. Тем лучше:
Удобней действовать. Какая мысль!
Ведь Кассио для этого находка!
Во-первых, с места я его сшибу,
А во-вторых... Ура! Ура! Придумал!

Начну Отелло на ухо шептать,
Что Кассио хорош с его женою,
Достаточно взглянуть: манеры, стан, —
Готовый, прирожденный соблазнитель.
Мавр простодушен и открыт душой,
Он примет все за чистую монету.
Водить такого за нос — сущий вздор.
Так по рукам! Кромешный ад и ночь
Должны мне в этом замысле помочь.
(Уходит.)

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Приморский город на Кипре. Крепостная площадка.

Входят Монтано и два горожанина.

Монтано

Не видно ли чего в морской дали?

Первый горожанин

Нет. Ровно ничего. Сплошные волны.

Ни паруса. Пустынный горизонт.

Монтано

Такого ветра просто не запомню.

У нас на укреплениях треск стоит.

Воображаю, в море что творится!

Какие брусья могут устоять,

Когда валы величиною с гору!

Небось крушений!..

Второй горожанин

Этот шторм вполне

Мог разнести турецкую эскадру.

Попробуйте-ка стать на берегу.

Он в пене весь, и бешенство прибоя

Заносит брызги на небо, гася

Медведицу с Полярною звездою.

Я равной бури в жизни не видал.

Входит третий горожанин.

Третий горожанин

Какие новости! Конец войне.
Расчеты турок лопнули. Галеры
Разбиты в щепки. В гавани корабль,
С которого видали их обломки
И место гибели.

Монтано

Не может быть!

Третий горожанин

Я только что слышал. Корабль причалил
Сию минуту. На берег сошел
Микеле Кассьо, лейтенант Отелло,
Который сам пока еще в пути
И губернатором на Кипр назначен.

Монтано

Достойный губернатор. Очень рад.

Третий горожанин

Приезжий этот, Кассио, в тревоге.
То Господа за шквал благодарит,
Сгубивший турок, то мольбы возносит,
Чтоб мавр остался цел и невредим.
Он по пути пропал из поля зренья.

Монтано

Дай Господи. Я у него служил.
Он властвовать умеет, как военный.
Пойдемте в порт, посмотрим на корабль
И подождем на пристани Отелло,
Когда он сам покажется вдали.

Третий горожанин

Он может быть с минуты на минуту.

Входит Кассио.

К а с с и о

Как любят здесь Отелло! Господа,
Спасибо за него. Да будет небо
Ему защитой. Он пропал вдали
В разгаре бури, в грозную минуту.

М о н т а н о

Каков его корабль?

К а с с и о

Вновь оснащен
И — крепкой стройки. С ним бывалый штурман.
Как я ни беспокоюсь, — убежден:
Все обойдется.

Г о л о с а з а с ц е н о й

Парус, парус, парус!

Входит четвертый горожанин.

К а с с и о

Что там кричат?

Ч е т в е р т ы й г о р о ж а н и н

Все на́ берег бегут,
И крик стоит, что парус увидали.

К а с с и о

Мне думается, это он и есть.

Пушечный выстрел.

В т о р о й г о р о ж а н и н

Вы угадали. Судя по салюту,
Корабль, по крайней мере, свой.

К а с с и о

Нельз я ль

Пойти узнать, кто это, поточнее?
Второй горожанин
Охотно.

(Уходит.)

Монтано

Он, как прежде, холостяк
Или женат?

Кассио

Женат, да как удачно!
На писаной красавице. Мечта,
Венец творенья, ангел, совершенство,
Не передать ни кистью, ни пером.

Возвращается второй горожанин.

Ну, вы узнали, кто?
Второй горожанин

Какой-то Яго,

Поручик генерала, я слышал.

Кассио

Подумайте, как скоро! Быть не может!
Неужто он? Вот это быстрота!
Похоже, пред красою Дездемоны
Смирились волны, камни под водой
И ураган и дали ей дорогу.

Монтано

Кому?

Кассио

Тому, о ком шла раньше речь.
Начальнице начальства, генеральше.
При ней поручик Яго. Я их ждал
Через неделю после нас, не раньше.

Теперь черед за мавром. Напряги
Дыханьем паруса его, Юпитер,
Чтоб, высадившись в бухте с корабля,
Он заключил в объятия Дездемону,
Вдохнул огонь и бодрость в гарнизон
И Кипр наполнил радостью. Смотрите!

Входят Дездемона, Эмилия, Яго, Родриго
и свита.

Богатство корабля на берегу!
Опустимся пред нею на колени.
Будь доброй гостьей Кипра, госпожа!
Благослови Господь тебя! С приездом!

Дездемона

Благодарю вас, Кассио. Что мне
Вы скажете о муже?

Кассио

Он в дороге.

Вот все, что знаю я. Но он здоров
И скоро сам прибудет.

Дездемона

Я тревожусь.

Но где, скажите, вы расстались с ним?

Кассио

В открытом море, средь великой схватки
Небес и волн. — Но слышите — кричат.
Корабль, наверно, виден.

Голоса за сценой

Парус, парус!

Пушечный выстрел.

Второй горожанин
Опять салют. Наверное, друзья.
Кассио
Пошлите разузнать.

Второй горожанин уходит.

Привет, поручик.
Привет, сударыня.
(Целует Эмилию.)
Я захожу
Далёко в знаках вежливости, Яго,
Но это — лишь воспитанности дань.
Яго
Порадуйтесь, что вас губами лижет, —
Меня отделяет языком.

Дездемона
Эмилия совсем не так болтлива.

Яго
Мне лучше знать. Я это изучил,
Когда ночами спать хочу смертельно.
При вас она, естественно, тиха
И к черту посылает только в мыслях.

Эмилия
Не заслужила я таких речей.

Яго
А разве нет? Все вы в гостях — картинки,
Трещотки — дома, кошки — у плиты.
Сварливые невинности с когтями,
Чертовки в мученическом венце.

Дездемона
Типун вам на язык! Неправда это!

Я г о

Нет, это правда. Я не клеветник.
С постели вы встаете для безделья,
А делом занимаетесь в постели.

Э м и л и я

Я оды от него не жду.

Я г о

Не жди.

Д е з д е м о н а

Что мне бы в похвалу вы сочинили?

Я г о

Не спрашивайте лучше. Не могу:
Я не хвалить привык, а придираюсь.

Д е з д е м о н а

Нет, все-таки. — Пошел ли кто-нибудь
Узнать на пристань?

Я г о

Да, пошли как будто.

Д е з д е м о н а

Какая грусть! Стараюсь обмануть
Себя притворным этим оживленьем. —
Так что б вы мне сказали в похвалу?

Я г о

Сейчас. Но мой экспромт пока ни с места.
Прирос к мозгам, как птичий клей к сукну.
Его я вместе с мясом отрываю.
Но вот он, плод моих родильных мук:
Красавица с умом тужить не будет:
Смекалка сыщет, красота добудет!

Д е з д е м о н а

Ну хорошо. А что сказать о той,
Которая дурна, но и не дура?

Я г о

Та, что красой не блещет, но с догадкой,
Приманку сделает из недостатка.

Д е з д е м о н а

Час от часу не легче!

Э м и л и я

Что ж ты скажешь

Про ту, что хороша, да не умна?

Я г о

Таких красавиц в мире глупых нет,
Чтоб не уметь детей рожать на свет.

Д е з д е м о н а. Плоские кабацкие шутки для уве-
селения старых дурней. Могу себе представить, как
вы отпотчуете несчастную, которая нехороша собой
и глупа!

Я г о

Куда краса, туда же и уродство.

Что женский разум, то и сумасбродство.

Д е з д е м о н а. Как глупо, как глупо! О худшей вы ска-
зали лучше всего. Но шутки в сторону. Как бы вы опреде-
лили действительно идеальную женщину, достоинства
которой признало бы само недружелюбие?

Я г о

Та, что без самохвальства хороша,
Учтива, краснобайством не греша,
Со средствами, но денег не мотает,
Все б взять могла, но нужным не считает,
Самолюбива, но смиряет гнев,
Собой в любое время овладев,
Та, что притом совсем не так невинна,
Чтобы с трескою спутать лососину,
К которой не проникли в тайники

Напрасные искатели руки,
Достойна, если только есть такая...

Дездемона
Чего, чего?

Яго
Рожать глупцов, в заботах погрязая.

Дездемона. О, как бездарно и глупо! Не слушай его, Эмилия, хоть он и твой муж. Ну скажите, Кассио, что с него возьмешь, кроме сальностей и нахальства?

Кассио. Он режет начистоту. Это человек военный, а не ученый.

Яго (*в сторону*). Он берет ее за руку. Так, так. Шепчитесь, пожалуйста. В эту маленькую паутину я поймаю такую большую муху, как Кассио. Ах ты, боже мой, как мы воспитанны! Улыбайся, сделай одолжение. Он целует кончики своих пальцев от удовольствия. Целуй, целуй. Как-то ты еще оближешься, когда это лишит тебя лейтенантства! Скажите пожалуйста, опять зачмокал! Твое несчастье, что это пальцы, а не клистирные наконечники.

Труба за сценой.

(*Громко.*) Это мавр, я знаю его сигнал.

Кассио. Да, это он.

Дездемона. Пойдемте к нему навстречу.

Кассио. Вот он и сам.

Входит Отелло со свитой.

Отелло

Моя воительница!

Дездемона

Мой Отелло!

Отелло

Я верить не могу своим глазам.
Ты здесь? Как ты меня опередила?
Всегда за бурями такой бы штиль,
Кто б не мечтал тогда о непогоде!
О, если б мог сейчас я умереть!
Счастливее я никогда не буду.

Дездемона

О нет! Избави бог! Наоборот:
Жизнь будет нас дарить все большим счастьем.

Отелло

Аминь! Да будет по твоим словам.
Я счастлив так, что говорить не в силах.

Обнимаются.

И сердце бьется чаще, чем твое, —
Единственное наше разногласье.

Яго *(в сторону)*

Какой концерт! Но я спущу колки,
И вы пониже нотой запоете.

Отелло

Пройдемте в замок. Новости, друзья:
Поход окончен. Турки потонули.
Ну, как на Кипре? Я ведь тут бывал.
Что старые знакомцы, Дездемона?
Тебя носить тут будут на руках,
Я заслужил расположение здешних.
Но я трещу без умолку и пьян
От радости. — Да, не забыть бы, Яго:

Пойди за сундуками на корабль
И приведи с собою капитана.
Чудесный, между прочим, человек! —
Так мы с тобой на Кипре, Дездемона.

Отелло, Дездемона и свита уходят.

Яго (*одному из слуг*). Ступай и жди меня в гавани. (*Родриго*.) Поди сюда. Если ты не баба — а любовь делает храбрыми даже трусов, — слушай. Ночью лейтенант командует караулом. Но раньше вот что: Дездемона без ума от Кассио.

Родриго. От Кассио? Что за вздор!

Яго. Без возражений! Слушай. Заметь, с какой силой она полюбила мавра. А, спрашивается, за что? За одно бахвальство и небылицы. Что же ты думаешь, она век сыта будет болтовней? Глаз нуждается в пище. Какая радость смотреть на дьявола? Когда кровь устанет от нежностей, сызнава воспалить ее могут только привлекательная внешность, общность возраста, сходное воспитание. Ничего этого нет у мавра. Ее запросы будут оставаться неудовлетворенными. Рано или поздно она это почувствует. Мавр набьет ей оскомину. Сама природа толкнет ее к другому. Тогда, если это неизбежно, кто подходит к этой роли больше, чем Кассио? Животное, каких свет не создавал, от которого так и разит беспутством. Не пропустит случая, чтобы не попользоваться, а нет случая, мигнет глазом — и будет случай. Красив, молод, и у него есть все, по чем может томиться мечтательная зеленая неискорченность. Отъявленное и совершенно законченное животное. И женщина уже выбрала его.

Родриго. Только не эта. Не поверю. Она слишком целомудренна.

Яго. Слишком целомудренна, божий человек! Вино, которое она пьет, из гроздьев, как твое. Слишком целомудренна! Как же она тогда полюбила мавра? Разве ты не видел, целомудренная размазня, как она играла его рукою?

Родриго. Ну так что же? Это одна любезность.

Яго. Распутство, вот это что. С пальца начинается, а бог знает чем кончается. Их губы так сблизились, что смешалось дыхание. Грязные помыслы, вот это что, Родриго. Когда уже пошла такая музыка, значит, недалеко до главного. Слушайте, сударь. Я привез вас из Венеции. Под видом солдата станьте ночью на часах в замке. Я это устрою. Кассио вас не знает. Выведите его чем-нибудь из себя. Громким разговором, развязностью. Я буду поблизости.

Родриго. Хорошо.

Яго. Он вспыльчив и от слов легко переходит к действиям. Вызовите его на них. Если он даст вам тумака, я изображу это всенародным оскорбленьем. Жители потребуют его смещения. Помните, он наш главный соперник.

Родриго. Я все сделаю, была бы надобность.

Яго. А она есть, что тебе говорят! Итак, приходи немного погодя в крепость. Прощай. Мне надо на берег за вещами Отелло.

Родриго. До свиданья. *(Уходит.)*

Яго

Я сам уверовал, что Дездемона
И Кассио друг в друга влюблены.
Хоть я порядком ненавижу мавра,
Он благородный, честный человек
И будет Дездемоне верным мужем,

В чем у меня ничуть сомненья нет.
Но, кажется, и я увлекся ею.
Что ж тут такого? Я готов на все,
Чтоб насолить Отелло. Допущенье,
Что дьявол обнимал мою жену,
Мне внутренности ядом разъедает.
Пусть за жену отдаст он долг женой,
А то я все равно заставлю мавра
Так ревновать, что он сойдет с ума.
Родриго я спущу, как пса со своры,
На Кассио, а Кассио — предлог,
Чтоб вызвать недоверчивость Отелло.
Всем будет на орехи: лейтенант
В долгу передо мной, наверно, тоже:
По женской части оба хороши.
Еще мне мавр за то спасибо скажет,
Что я сгублю его семейный мир
И на смех выставлю пред целым светом.
Но поначалу все мы молодцы.
Хвалиться рано. Надо свесть концы.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Улица.

Входит глашатай с приказом. За ним следует толпа.

Глашатай. Благородный и доблестный генерал Отелло объявляет. По последним сведениям, турецкий флот потерпел крушение. Пусть по этому случаю население пляшет, жжет потешные огни и забавляется как хо-

чет. Помимо благоприятной новости, празднуется также бракосочетание генерала. Доступ в залы дворца открыт с пяти часов вечера до одиннадцати. Да снизойдет благословение Господне на остров Кипр и на благородного нашего генерала Отелло. (*Уходит.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зал в замке.

Входят Отелло, Дездемона, Кассио и свита.

Отелло

За стражей, Кассьо, нужен строгий глаз.
Смотрите, чтоб они не загуляли.

Кассио

За часовыми Яго доглядит,
Но я и сам проверю караулы.

Отелло

Да, Яго верен долгу как никто.
Ну, доброй ночи. Утром потолкуем.
(*Дездемоне.*)

Пойдем, любовь. Окончены труды.
Торг заключен, пожнем его плоды.
Спокойной ночи.

Отелло, Дездемона и свита уходят.

Входит Яго.

Кассио. Очень кстати, Яго! Пойдемте в караул.

Яго. Рано, лейтенант. Еще нет десяти. Генерал потопился из любви к Дездемоне. Ничего не скажешь. Это

его первая брачная ночь. А на нее загляделся бы и сам Юпитер.

К а с с и о. Необыкновенная женщина!

Я г о. И верно, полная огня.

К а с с и о. Да, несомненно. Чистое, обворожительное создание.

Я г о. А взгляд! Так и манит объясниться.

К а с с и о. Располагающий взгляд! И однако, совершенно скромный.

Я г о. А голос! Не любовный ли сигнал?

К а с с и о. Да, она совершенство.

Я г о. Да будет благодатен их союз. Слушайте, лейтенант. Я припас вина. Там кое-кто из здешней знати предлагает выпить за черного Отелло.

К а с с и о. Только не сегодня, дружочек Яго. Мне вредно пить, у меня слабая голова. Жаль, что люди не придумали другого способа общения.

Я г о. Это друзья. Только бокал. Я выпью за вас.

К а с с и о. Я уже выпил один. И притом разбавленного. А видите, что оно делает со мной. Говорю вам, в этом отношении я неподходящий человек и не имею права шутить этим.

Я г о. А ну вас, ей-богу! Это ночь веселья. Люди требуют.

К а с с и о. А где они?

Я г о. За дверью. Позовите их.

К а с с и о. Хорошо. Но я это делаю через силу. *(Уходит.)*

Я г о

Мне б только влить в него еще бокал —

И он пойдет, как дамская собачка,

На всех кидаться, тявкать и ворчать.

А тут Родриго пропивает память

В честь Дездемоны и уже готов.
Я вместе с ним поставил на дежурство
Трех здешних, три бедовых головы,
Воинственных, как все у них на Кипре.
Не может быть, чтоб Кассио стерпел
И не сцепился с этим стадом пьяниц.
Не знаю, как все будет наяву, —
Подул попутный ветер, я плыву.

Возвращается Кассио с Монтано, гости и слуги
с вином.

К а с с и о. А мне опять навязали чарочку.
М о н т а н о. Пустяки. Не больше пинты, слово сол-
дата.

Я г о. Вина, вина!

(Поет.)

Бокалами, полными до ободка,
В бокалы ударим, ребята.
Солдат не младенец, а жизнь коротка.
За ваше здоровье, солдаты!

Вина, люди, вина!

К а с с и о. Чудная песня!

Я г о. Я ее выучил в Англии. Пить там первые мастера.
Датчане, немцы, голландцы — все это ерунда против них.

К а с с и о. Разве они такие пьяницы?

Я г о. Англичане? Да они питьем заморят датчанина
и шутя перепьют немца. Они еще раскачиваются, а гол-
ландца уже рвет.

К а с с и о. За здоровье нашего генерала!

М о н т а н о. Присоединяюсь, лейтенант. Я от вас не
отстану.

Я г о. О чудная Англия!

(Поет.)

Король Стефан был бережлив —
Шил из простого матерьяла.
За брюки крону заплатив,
Ругал портного обиралой.
Он был великим королем,
А ты не бог весть что за птица.
Так будь доволен миткалем,
Не в бархат же тебе рядиться.

Вина, вина!

К а с с и о. Эта песня еще лучше прежней.

Я г о. Хотите, я повторю?

К а с с и о. Нет, пожалуйста. Такое поведение несовместимо с нашим званием. Но, как говорится, все под Богом ходим. Есть души, которые спасутся. И есть души, которые не спасутся. Верно я говорю?

Я г о. Правильно, лейтенант.

К а с с и о. Например, я спасусь, не в обиду будь сказано генералу и всем вышестоящим.

Я г о. И я тоже.

К а с с и о. Нет, позвольте. Виноват. Сначала я. Помощник генерала должен спастись раньше поручика. Однако довольно. Вернемся к нашим обязанностям. *(Роняет платок. При попытке поднять его падает на колени.)* Господи, прости нам наши прегрешения. Вы думаете, я пьян? Ошибаетесь. Вот мой поручик. Значит, это моя правая рука. А вот это моя левая рука. Нет господя, я не пьян. Я тверд в речах и на ногах.

В с е. Разумеется!

К а с с и о. Ага, вы сами соглашаетесь? Значит, вы не имеете права говорить, что я пьян. *(Уходит.)*

Монтано

Пойдемте на площадку, господа.
Расставим часовых.

Яго

Минуту, сударь.

Видали вы? Вот этим молодцом,
Который вышел, Цезарь бы гордился,
Когда б его дурная сторона
Не перевешивала так хорошей.
Но что скрывать, несчастный малый пьет.
Со стороны Отелло безрассудно
Вверять ему за городом надзор.

Монтано

А что, с ним это часто?

Яго

Каждый вечер.

Бедняга проваливается без сна
Сплошные сутки, если не напьется.

Монтано

Отелло это надо сообщить.
Он, может быть, не знает или видит
В помощнике лишь доброе.

Входит Родриго.

Яго (*вполголоса Родриго*)

Назад!

Ходите по пятам за лейтенантом.

Родриго уходит.

Монтано

Напрасно он доверил этот пост

Несчастному с таким большим пороком.
Предупредите мавра.

Я г о

Нет, не я.

Пусть кто-нибудь другой. Он мой приятель.
Я все отдам, чтоб Кассио спасти.
Но что там?

К р и к и з а с ц е н о й

Помогите! Помогите!

Вбегает Кассио, гонясь за Родриго.

К а с с и о

Подлец! Болван!

М о н т а н о

Что с вами, лейтенант?

К а с с и о

Учить меня! Читать мне наставленья!
Да я его в бутылку загоню!

Р о д р и г о

Прочь кулаки!

К а с с и о

Еще ты рассуждаешь!
(Бьет Родриго.)

М о н т а н о *(останавливая его)*

Опомнитесь! Постойте, лейтенант!

К а с с и о

Я съезжу вас по голове! Не суйтесь!

М о н т а н о

Вы пьяны!

К а с с и о

Прочь!

Дерутся.

Яго (*вполголоса Родриго*)
Беги на бастион
И бей тревогу.

Родриго убегает.

Кассио! Монтано!
Опомнитесь! Оставьте, господа!
На помощь! Вы с ума сошли! На помощь!

Звон колокола.

Вот дьявол! Доигрались. Бьют в набат.
Какой позор! Вы город взбунтовали!

Входит Отелло со свитой.

Что тут за шум?

Монтано

Я ранен! Я в крови!
(*Падает.*)

Отелло

Ни с места, если жизнь еще мила вам!

Яго

Вы слышите? Постойте, лейтенант!
Монтано! Господа, остановитесь!
Опомнитесь! Пред вами генерал.
Да вы, никак, ослепли в самом деле?

Отелло

Вот зрелище! Что тут произошло?

Мы разве турки, чтобы обращаться
Друг с другом, как не стали б и они?
Сейчас же перестаньте! Душу выну
Из каждого, кто будет продолжать.
Скажите там, чтоб больше не звонили.
Так целый город можно всполошить.
Что тут случилось, господа? На Яго
От огорченья нет лица. Скажи,
Кто начал эту драку, честный Яго?

Яго

Не понимаю. Были тишь да гладь,
Как вдруг, не говоря худого слова,
Они рубиться начали. Позор!
Я б лучше в честной битве ног лишился,
Чтоб не присутствовать при их стыде.

Отелло

Как, Кассио, могли вы так забытья?

Кассио

Простите. Я не в силах говорить.

Отелло

Вы сдержанностью славились, Монтано.
Какая сила вас могла толкнуть
Свою степенность променять на имя
Ночного драчуна? Ответьте мне.

Монтано

Отелло, я, к несчастью, тяжело ранен.
Мне лучше помолчать. Вам скажет все
Поручик Яго. Он всему свидетель.
Ни в чем не грешен, или грех мой в том,
Что защищался я от нападения.

Отелло

Ну, видит бог, вся кровь во мне кипит

И ослепляет страстью! Горе, горе
Всем, на кого я руку подыму,
Хотя б зачинщик был родным мне братом!
Как ссора началась? Кто коновод?
Неслыханно! В военной обстановке,
Средь возбужденных жителей, самим
Завесть кровавый спор на карауле!
Чудовищно! Ну, Яго, говори.
Кто виноват?

Монтано

Не по-солдатски будет
Замалчивать или смягчать вину.

Яго

Оставьте. Я себе язык отрежу
Скорей, чем против Кассио скажу,
И если отвечаю, то в надежде,
Что мой ответ ему не повредит.
Как было дело? Мы стоим с Монтано.
Глядим: крича, вбегает человек.
За ним с оружием Кассио. Монтано
Стал, преграждая лейтенанту путь,
А я бегом пустился за кричавшим,
Чтоб крик его унять, но не догнал.
А позади уж стук мечей. Не верю
Своим ушам, бегу скорей назад —
И нахожу все то, что вы застали.
Вот, собственно, и все, что я видал.
Но я напомним. Люди — только люди.
Их свойство ошибаться. Признаю,
Что Кассио не прав перед Монтано,
Но тот, который скрылся и кричал,
Привел, как видно, лейтенанта в ярость,

И он вскипел.

Отелло

По доброте души
Ты, Яго, выгораживаешь друга.
Нет, Кассио вины простить нельзя.
Я, Кассио, любил тебя, но больше
Ты мне не офицер.

Возвращается Дездемона со свитой.

Но каково,
Они ведь Дездемону разбудили!
(Обращаясь к Кассио.)

Ты мне уроком будешь для других.

Дездемона

Что тут у вас?

Отелло

Все, милая, в порядке.
Монтано, я вас сам перевяжу,
И вас домой проводят.

Монтано уводят.

Слушай, Яго.
Понаблюдай за городом. Смотри,
Чтоб беспокойство не распространилось.
Знакомься, Дездемона, жизнь моя,
С удобствами солдатского житья.
Пойдемте спать.

Все, кроме Яго и Кассио, уходят.

Я г о. Вы ранены, лейтенант?

К а с с и о. Смертельно.

Я г о. Сохрани бог!

К а с с и о. Доброе имя, доброе имя, доброе имя! Я потерял свое доброе имя, бессмертную часть самого себя. Осталась одна животная. Где мое доброе имя, мое доброе имя!

Я г о. Ей-богу, я думал, что вы ранены! Вот это была бы история. А то — доброе имя! Подумаешь, какая важность! Доброе имя — выдумка, чаще всего ложная. Не с чего ему быть, не с чего пропадать. Ничего вы не потеряли, если сами себе этого не вдолбите. Есть много способов вернуть расположение генерала. Вас разжаловали для остратки. Это больше для виду. Попросите у него прощенья, и он опять растет.

К а с с и о. Я скорее попрошу его усилить строгости, чем потерплю у него на службе такую дрянь и пьяницу. Нарезался черт знает как и разошелся. Напыжился. Затрещал, как попугай, распетушился! Глубокомысленные разговоры с собственной тенью. Фу, какая гадость! О дух, скрытый в вине, ты оттого зовешься «спиритус», что ты сам дьявол!

Я г о. За кем вы гнались с оружием? Что он вам сделал?

К а с с и о. Понятия не имею.

Я г о. Не может быть!

К а с с и о. Помню какую-то кашу, а по порядку ничего не помню. Была драка, а почему — черт ее знает. Господи! Самим вливать в свой рот отраву, которая превращает тебя в дурака и скотину! И еще прыгать и радоваться по этому поводу!

Я г о. Сейчас у вас довольно ясная голова. Когда вы протрезвились?

К а с с и о. Дьяволу хмеля угодно было уступить меня дьяволу гнева. Один порок дал место другому, чтобы я полнее налюбовался собою.

Я г о. Вы слишком строги. По условиям военного времени, конечно, лучше бы этого не было. Сделанного не воротишь. Но это вещь поправимая.

К а с с и о. Если я попрошу его вернуть мне должность, он скажет, что я пьяница. Да ведь когда бы у меня было сто ртов, как у гидры, этот ответ зажал бы их все разом. Не странно ли! Вот ты здраво рассуждаешь, и вдруг ты полонумеешь, а в следующий миг звереешь! Каждый лишний глоток — проклятье, а его содержимое — сатана.

Я г о. Ну, ну, положим. Вино — хороший товарищ. Надо уметь пить. Довольно проповедовать. А теперь вот что. Надеюсь, вы знаете, как я вам предан.

К а с с и о. Еще бы! Я вас чудно отблагодарил: я пьян.

Я г о. Ну что же! Это может случиться со всяким. Теперь слушайте. Вот что вам надо сделать. Настоящий генерал сейчас у нас генеральша. Мавр весь ушел в созерцание ее прелестей. Доверьтесь ей. Пусть она за вас заступится. Она такая великодушная! Ей кажется преступлением не сделать больше, чем ее просят. Уговорите ее восстановить узы вашей порванной дружбы с ее мужем. Увидите, они еще окрепнут.

К а с с и о. Спасибо за совет!

Я г о. Он от любящего сердца.

К а с с и о. Верю. Завтра пораньше пойду к Дездемоне. Я пропал, если это не устроится.

Я г о. Желаю вам успеха. Доброй ночи, лейтенант. Пойду обойду караулы.

К а с с и о. Спокойной ночи, честный Яго. (*Уходит.*)
Я г о

Кто упрекнет теперь меня в подлоге?
Совет мой меток, искренен, умен.
Найдите лучший путь задобрить мавра,
Чем помощь Дездемоны. А она
Предрешена. Ее великодушье
Без края, как природа. Для нее
Умаслить мавра ничего не стоит.
Она его вокруг пальца обведет.
Все это можно разыграть по нотам.
Я рыцарь, если Кассио даю
Совет, как взять все эти нити в руки.
Но в том и соль: нет в мире ничего
Невиннее на вид, чем козни ада.
Тем временем, как Кассио пойдет
Надоедать мольбами Дездемоне,
Она же станет к мавру приставать,
Я уши отравлю ему намеком,
Что неспроста участлива она.
Чем будет искренней ее защита,
Тем будет он подозревать сильнее.
Так я в порок вменю ей добродетель,
И незапятнанность ее души
Погубит всех.

Входит Родриго.

Ну, как дела, Родриго?

Родриго. В этой травле я участвую не как охотничья собака, а как дворовая, для полноты своры. Я кругом издержался. Сегодня меня порядком отдули. Если так

пойдет дальше, я вернусь в Венецию с некоторым опытом и без копейки денег.

Я г о

Как жалки те, кто ждать не научился!
Ранения не заживают вмиг.
Мы действуем умом, а не колдуем.
Дай только срок. Дела идут на лад.
Что Кассио отдул тебя, прекрасно:
Побой он отставкой искупил.
Не всякий плод на свете скороспелка,
Но созревает все, что зацвело.
Смотри-ка, а ведь утро наступает!
И не заметили, как ночь прошла.
Ступай-ка, брат, домой. Где ты ночуешь?
Ступай, я говорю. Потом, потом.
Да что ты все торчишь?

Р о д р и г о уходит.

Еще два дела.

Эмилия попросит госпожу
За Кассио. Когда он там предстанет
С молящим видом, я к ним невзначай
С Отелло выйду как бы из засады.
Прекрасный план, и лишь зевать не надо!
(Уходит.)

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кирп. Перед замком.

Входит Кассио с музыкантами.

Кассио

Какой-нибудь короткий бодрый туш.
Я, господа, не поспею на плату.

Музыка. Входит шут.

Шут. Господа, эти дудки не из Неаполя? Что-то уж больно они поют в нос.

Первый музыкант. В каком отношении, сударь?

Шут. Это, извините за выражение, не духовые инструменты?

Первый музыкант. Духовые, духовые.

Шут. Отчего же они без хвостов?

Первый музыкант. В каком, сударь, отношении?

Шут. Обыкновенно трубы для испускания духа бывают прикрыты хвостами. Но не в этом дело. Вот от генерала деньги за музыку. Он так расчувствовался, что просит перестать.

Первый музыкант. Хорошо, мы больше не будем.

Шут. Или, может быть, у вас есть что-нибудь глухое, беззвучное. Потому что главная беда — что вас слышно.

Первый музыкант. Нет, глухой музыки не водится.

Ш у т. Ну, тогда дудки по мешкам — и марш. Чтобы духу вашего здесь не было.

Музыканты уходят.

К а с с и о. Сделай милость, послушай.

Ш у т. Милости не сделаю, а послушать можно.

К а с с и о. Чем острить, вот тебе лучше золотой. Если компаньонка генеральши встала, дай ей понять, чтобы она пришла сюда.

Ш у т. Она встала, сударь. Я ей дам понять.

К а с с и о. Пожалуйста.

Ш у т уходит. Входит Я г о.

В час добрый, милый Яго.

Я г о

Вы, видно, вовсе не ложились спать?

К а с с и о

Ведь мы расстались с вами на рассвете.

Послал за вашею женой и жду,

Чтоб на прием проситься к Дездемоне.

Я г о

Я вам ее немедленно пришлю

И уведу за чем-нибудь Отелло.

Вам будет легче говорить вдвоем.

К а с с и о

Премного благодарен вам за помощь.

Я г о уходит.

Любезней человека не встречал.

А как он бескорыстен!

Входит Эмилия.

Эмилия

С добрым утром.

Как мне вас жалко, милый лейтенант!
Но все, бог даст, уладится. Супруги
Все время говорят о вас. Она
Стоит за вас горой, а он нахмурен.
Он недоволен тем, что человек,
Которого вы ранили, на Кипре
Со связями и очень здесь любим.
По-моему, вас генерал отставил
Для вашей пользы. Он вас не забыл
И, только будет случай, восстановит.
Не вмешивайтесь, чтоб не повредить.

Кассио

Но я о том с самою Дездемоной
Хочу поговорить наедине.

Эмилия

Тогда со мной пойдемте. Я устрою.
Хоть душу всю выкладывайте ей.

Кассио

Весьма меня обяжете!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в замке.

Входят Отелло, Яго и представители Кипра.

Отелло

Пакеты капитану передай.
Пусть кланяется от меня сенату.
А сам на укрепленья приходи,
Там и найдешь нас в сборе.

Яго

Не замедлю.

Отелло

Угодно ли вам будет, господа,
Пожаловать со мной на батарею?

Представители

Мы вас сопровождаем, генерал.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Сад в замке.

Входят Дездемона, Кассио и Эмилия.

Дездемона

Поверьте, милый Кассио, для вас
Я сделаю, что в силах.

Эмилия

Постарайтесь.
Мой муж от огорченья сам не свой,

Как будто с ним беда, а не с другими.
Дездемона

Вот это доброта так доброта!
Но, Кассио, не сомневайтесь, милый:
Я знаю, я вас с мужем помирю.

Кассио

За это, что б со мною ни случилось,
Я буду вашим преданным слугой.

Дездемона

Благодарю. Отлично это знаю.
Вы любите Отелло. Вы давно
Его узнали. Верьте, ваша ссора
Продолжится не дольше, чем того
Потребует политика.

Кассио

А если

Политика продлится без конца?
Для этого всегда найдется пища.
Судите сами: должность заместят,
Отсутствие мое войдет в привычку
И о моем усердье генерал
Не вспомнит больше.

Дездемона

Этого не будет.

В присутствии Эмилии клянусь,
На вашу должность никого не примут.
Она за вами, слово вам даю.
Я раньше не отстану от Отелло.
Увидите, я в школу превращу
Его постель, а стол — в исповедальню.
Вы будете припевом ко всему,
О чем ни заведем мы разговора.

Приободритесь, Кассио. Скорей
Ходатай ваш умрет, а не отступит.

Э м и л и я

Сударыня, вернулся генерал.

К а с с и о

Я удалюсь, сударыня.

Д е з д е м о н а

Не надо.

Останьтесь. Мы поговорим при вас.

К а с с и о

Нет, я в неподходящем настроенье.

В другое время. Лучше не сейчас.

Д е з д е м о н а

Ну ладно, поступайте, как хотите.

Кассио уходит. Входит Отелло с бумагами и Яго.

Не нравится мне это.

О т е л л о

Ты о чем?

Что ты бормочешь?

Я г о

Ничего. Пустое.

О т е л л о

Не Кассио ли это только что

Ушел от Дездемоны?

Я г о

Быть не может!

Как пойманный воришка? Нет, не он.

Он вида вашего б не испугался.

О т е л л о

Я все же думаю, что это он.

Дездемона

Ну, как дела, мой друг? Я говорила
Сейчас с одним просителем. Бедняк
Томится тем, что ты его уволил.

Отелло

Какой проситель?

Дездемона

Как? Твой лейтенант.

Послушай, если что-нибудь я значу,
Сейчас же помирись с ним. Либо он
Вернейший из твоих друзей на свете,
Случайно оплошавший, либо я
Совсем не разбираюсь в честных лицах.
Пожалуйста, прими его назад.

Отелло

Так это он ушел сейчас отсюда?

Дездемона

Такой убитый, что со стороны
Подавлена и я его печалью.
Верни его на службу.

Отелло

Не сейчас.

Дездемона

Ну так когда же?

Отелло

Скоро, очень скоро.

Дездемона

За ужином сегодня?

Отелло

Нет еще.

Дездемона

Так завтра утром? Или за обедом?

О т е л л о

Я завтра ухожу. Я приглашен
Обедать к офицерам гарнизона.

Д е з д е м о н а

Так завтра вечером? Во вторник днем?
Ну вечером во вторник? В среду утром?
Ты только назови точнее день,
И чтобы срок не превышал трех суток.
Я знаю, надо показать пример,
Чтоб восторжествовала дисциплина.
Но он ведь сознает свою вину,
Которая, по совести, ничтожна.
Ну так скажи, когда ему прийти?
Я попросту удивлена, Отелло.
Не представляю, чтобы ты просил
О чем-нибудь, а я бы отказала
Или так долго мешкала в ответ.
А речь о ком? О Кассио! Том самом
Приятеле и дружке жениха,
Который так нас поженить старался,
И вспыхивал, и за тебя стоял,
Когда я осуждать тебя решалась.
И надо тратить столько слов и сил
На очевидность?

О т е л л о

Хорошо. Довольно.

Пускай приходит. Все равно когда.
Как отказать тебе?

Д е з д е м о н а

Не вздумай только,
Что это жертва. Дело не во мне.
Я попросить могла бы с тем же правом,

Чтоб ты надел перчатки, закусил
И, выходя, оделся потеплее.
Нет, если я когда-нибудь решу
Твою любовь подвергнуть испытанью,
Я что-нибудь назначу потрудней.
А это что!

Отелло

Я отказать не в силах.
Ну а теперь я занят. Извини.
Оставь меня, пожалуйста, на время.

Дездемона

Изволь. Не буду спорить. Будь здоров.

Отелло

Спасибо. Я приду сию минуту.
Будь счастлива.

Дездемона

Эмилия, пойдем.
Располагай собою как угодно.
Я подчиняюсь.
(Уходит с Эмилией.)

Отелло

Радость ты моя!
Пусть суждена мне гибель, скрыть не в силах:
Люблю тебя, и если разлюблю,
Наступит хаос.

Яго

Генерал, скажите...

Отелло

Да, Яго. Что?

Яго

Скажите, генерал,
Знал Кассио о вашем увлеченье

До вашей свадьбы?

Отелло

Знал. Конечно, знал.

А что такое?

Яго

Так. Соображенья.

Хочу сличить их, вот и всё.

Отелло

Сличить?

Яго

Он с нею был знаком до вас?

Отелло

Конечно.

И между нами выступал не раз

Посредником.

Яго

Посредником?

Отелло

Конечно.

А что дурного в этом? Разве он

Не стоил этого доверья?

Яго

Стоил.

Отелло

И оправдал, как видишь.

Яго

Оправдал.

Отелло

Так чем ты озабочен?

Яго

Озабочен?

Отелло

Да что с тобою? Что ты задолбил
И повторяешь все за мной, как эхо?
В чем дело? Так ли мысль твоя страшна,
Что ты ее боишься обнаружить?
Столкнулись с Кассио — нехорошо.
Меня он сватал к ней — опять неладно!
Что у тебя в уме? Ты морщишь лоб,
Как будто в черепе твоём запрятан
Какой-то ужас. Если ты мне друг,
Открой мне все.

Яго

Надеюсь, вам известно,
Как я вам предан?

Отелло

Именно затем,
Что мне известно, как ты прям и честен
И слов не стал бы на ветер бросать,
Пугают так меня твои намеки.
Полуслова — язык клеветника,
Но у порядочного человека
Такие недомолвки — крик души,
Которая не вынесла молчанья.

Яго

Мне Кассьо честным кажется.

Отелло

И мне.

Яго

Все быть должны, чем кажутся.

Отелло

Бесспорно.

Я г о

Вот Кассио и честный человек.

О т е л л о

Нет, так нельзя. На что ты намекаешь?
Ты что-то знаешь. Без обиняков!
Все худшее, что ты таишь, — наружу!

Я г о

Повиноваться старшим, генерал, —
Долг воина, но оглашать догадки
Не входит и в обязанность раба.
Сказать, что думаешь? А если мысли
Кошунственны и ложны, точно грязь
В святилище или в суде неправда?

О т е л л о

Ты губишь друга, если сознаешь,
Что он в беде, и не предупреждаешь.

Я г о

Оставьте. У меня несчастный нрав:
Повсюду в жизни чудятся мне козни.
Для вас спокойней будет и верней
Мои слова оставить без вниманья.
Несовместимо с совестью, умом,
Неосторожно, неблагоприятно
Вас посвящать во все, чем полон я
Из мнительности.

О т е л л о

Говори яснее.

Я г о

Нетронутое имя, генерал,
Для женщин и мужчин всего дороже.
Кто тащит деньги — похищает тлен.
Что деньги? Были деньги, сплыли деньги.

Они прошли чрез много тысяч рук.
Иное — незапятнанное имя.
Кто нас его лишает, предает
Нас нищете, не сделавшись богаче.

О т е л л о

Во имя неба, говори ясней!

Я г о

Хотя б вы сердце мне руками сжали,
Не буду, не могу и не хочу.

О т е л л о

Так вот как!

Я г о

Ревности остерегайтесь,
Зеленоглазой ведьмы, генерал,
Которая смеется над добычей.
Блаженны потерпевшие мужья,
Которые всё знают и остыли
К виновницам позора. Но беда,
Когда догадываешься и любишь,
Подозреваешь и боготворишь.

О т е л л о

Да, это ад.

Я г о

Бедняк, довольный жизнью,
Владеет состояньем. Но богач,
Который ждет все время разоренья,
Раздет до нитки. Господи спаси
От ревности моих друзей и близких!

О т е л л о

Постой. Зачем ты это говоришь?
Ты думаешь, я жизнь бы мог заполнить
Ревнивыми гаданьями? О нет.

Я все решил бы с первого сомненья.
Что я, козел, чтоб вечно вожделеть
И, растрavляясь призраком измены,
Безумствовать, как ты изобразил?
О нет, меня не сделает ревнивцем
Признанье света, что моя жена
Красива, остроумна, хлебосольна,
Умеет общество занять, поет
И пляшет. Если хороша основа,
То и придатки эти хороши.
Я также не страдал бы от сравненья
Моей невзрачности с ее красотой:
Видала, думаю, что выбирала.
Нет, Яго, я сначала посмотрю,
Увижу что-нибудь, еще проверю,
А выясню, до ревности ли тут?
Тогда прощай, любовь, прощай, и ревность.

Яго

Я очень рад и докажу теперь
Вам преданность свою гораздо шире.
Улик покамест нет, но мой совет —
Следите за женой и лейтенантом,
Без вспышек страсти, трезво, вот и все.
Я б не хотел, чтоб вашей доброю
Играли за спиною вам во вред.
Я вдоволь изучил венецианок!
Лишь небу праведному видно то,
Чего мужья их не подозревают.
Стыда в них нет, лишь след бы замести.

Отелло

Ты вот о чем?

Яго

А что ж, супруга ваша

Другая, полагаете? Она
Отца ввела пред свадьбой в заблуждение:
Сгорала к вам любовью, а сама
Прикидывалась, что терпеть не может.

О т е л л о

Да, это так.

Я г о

Вот я и говорю:
Когда до брака так она хитрила,
Что дело представлялось колдовством,
Что ж после брака? Впрочем, извините.
Куда меня признанья завлекли!

О т е л л о

Нет, нет, спасибо!

Я г о

К сожаленью, вижу,
Я этим вас немного огорчил.

О т е л л о

Ничуть, нисколько.

Я г о

Огорчил, конечно.
Но сделал это, слепо вас любя.
Во всяком случае, не забывайте:
В моих словах нет ровно ничего,
Что позволяло б делать заключенья
И придавать им слишком точный смысл.

О т е л л о

Не бойся.

Я г о

Это было бы ошибкой.
Прошу заметить, Кассио — мой друг.
Нет, генерал, вас это огорчило.

О т е л л о

Что, собственно? Я в чистоте жены
Еще не усомнился.

Я г о

Слава богу.

Пошли Господь здоровья ей и вам!

О т е л л о

И все же, уклоненья от природы...

Я г о

Вот именно. Примеры под рукой.
Естественно ли это отчужденье
От юношей ее родной страны?
Не поражают ли в таких примерах
Черты порока, извращения чувств?
Я это отношу не к Дездемоне,
О ней определенных данных нет.
Но есть опасность, как бы, отрезвевши
И сравнивая вас и земляков,
Она не пожалела.

О т е л л о

До свиданья.

Ступай. Узнаешь больше, сообщи.
Вели жене следить за Дездемоной.
Прощай, прощай.

Я г о (уходя)

Прощайте, генерал.

О т е л л о

Зачем женился я? Мой сторож чести
Гораздо больше знает, чем сказал.

Я г о (возвращаясь)

А главное, не надо углубляться
В вопросы эти дальше, генерал.

Все предоставьте времени. Взысканья
Я с Кассио пока бы не снимал.
Он превосходный офицер, конечно,
Но я его держал бы в стороне,
Чтоб наблюдать за ним на расстоянии.
Следите, как проявит госпожа
Свое участие в судьбах лейтенанта.
А в заключенье должен повторить:
Я по натуре склонен к ложным страхам.
Наверно, я хватаю через край.
Не думайте о Дездемоне плохо.

Отелло

Не беспокойся, я себя сдержу.

Яго

Еще раз до свиданья.

(Уходит.)

Отелло

Этот малый

Кристалльной честности и знает толк
В вещах и людях. Если это правда
И будут доказательства, что ты
Дичаешь, мой неприрученный сокол,
Прощай, лети, я пути разорву,
Хотя они из нитей сердца сшиты.
Я черен, вот причина. Языком
Узоров не плету, как эти франты.
Я постарел. Но что я говорю!
Я потерял ее, и я обманут.
Мне может только ненависть помочь.
О ужас брачной жизни! Как мы можем
Считать своими эти существа,
Когда желанья их не в нашей воле?

Я б предпочел быть жабою на дне
Сырого подземелья, чем делиться
Хоть долею того, что я люблю.
Чувствительность — высоких душ несчастье.
Кто чувствует грубей, тот защищен
От этих ран, как смерть неотвратимых
И будущий позор которых всем
Сужден от самых первых дней рожденья.

Возвращаются Дездемона и Эмилия.

Но вот и Дездемона. Если так
Глядит притворство, небеса притворны.
Я этому поверить не могу.

Дездемона

Отелло, что с тобой? Пора обедать.
Все собрались, и гости ждут тебя.

Отелло

Прости меня.

Дездемона

Ты говоришь так тихо!

Ты нездоров?

Отелло

Да, голова болит.

Дездемона

Все оттого, что ты недосыпаешь.
Дай обмотаю голову платком,
И все пройдет.

Отелло

Он слишком мал. Не надо.

Отстраняет платок, она роняет его.

Пойдем.
Дездемона
Жаль, что тебе нехорошо.

Отелло и Дездемона уходят.

Эмилия
Я рада, что нашла ее платок,
Который подарил ей мавр на свадьбу.
Мой муж все просит — укради его,
Но госпожа, по настоянию мавра,
Платок все время держит при себе,
И говорит с ним, и его целует.
Вот я теперь сниму с него узор,
По просьбе Яго. Небесам известно,
Какая до платка ему нужда.
Пусть радуется. В этом нет труда.

Возвращается Яго.

Яго
Ты тут одна? Зачем ты тут торчишь?

Эмилия
Оставь ворчать. Есть для тебя вещица.

Яго
Уж я воображаю!

Эмилия
Угадай.

Яго
Вещица эта — глупая супруга.

Эмилия
Вот как? И это все? А что ты дашь

За этот вот платок в вознаграждение?

Я г о

Какой платок?

Э м и л и я

Какой платок? Платок,
Подаренный Отелло Дездемоне,
Который ты просил меня украсть.

Я г о

И ты украла?

Э м и л и я

Нет, он, видно, выпал
У ней из рук. Я с полу подняла.

Я г о

Давай сюда скорее. Молодчина!

Э м и л и я

Скажи, зачем ты требовал его
Без отступа?

Я г о *(вырывая платок)*

Тебе какое дело?

Э м и л и я

Не трогай лучше, знаешь. Госпожа
Сойдет с ума, узнавши о пропаже.

Я г о

Помалкивай, что ты его нашла.
Он мне для дела очень нужен. Выйди.

Э м и л и я уходит.

Подброшу Кассио. Пусть свой платок
Увидит мавр в квартире лейтенанта.
Ревнивца убеждает всякий вздор,
Как доводы Священного Писанья.

Сразит и этот. Мавра не узнать,
Так действует уже моя отравка.
Сомнения разгораются не вдруг,
А медленно, как сера под землю.

Возвращается Отелло.

Вот он идет. Уже ему ни мак,
Ни сонная трава, ни мандрагора,
Ничто, ничто не восстановит сна,
Которым спал он нынешнюю ночью.

Отелло

Как! Изменять!

Яго

Довольно, генерал.

Оставьте эти мысли.

Отелло

Сгинь! Исчезни!

Ты жизнь мою в застенки обратил.
Пускай меня и больше б обманули,
Да я б не знал.

Яго

Нет, что вы, генерал!

Отелло

Часы, когда она принадлежала
Другому, не заботили меня.
Я их не видел и о них не ведал
И в следующую за ними ночь
Спал сладко с ней, спокоен был и весел.
Я на губах у ней не находил
Осадка Кассиевых поцелуев.
Тот не ограблен, кто не сознает,

Что он ограблен.

Я г о

Это грустно слышать.

О т е л л о

Я был бы счастлив, если б целый полк
Был близок с ней, а я не знал об этом.
Прощай, покой! Прощай, душевный мир!
Прощайте, армии в пернатых шлемах,
И войны — честолюбье храбрецов,
И ржущий конь, и трубные раскаты,
И флейты свист, и гулкий барабан,
И царственное знамя на парадах,
И пламя битв, и торжество побед!
Прощайте, оглушительные пушки!
Конец всему — Отелло отслужил.

Я г о

Неужто, генерал!

О т е л л о

Мерзавец, помни:

Ее позор ты должен доказать!
Вещественно, мерзавец, помни это!
А то, клянусь бессмертием души,
Собакой лучше бы тебе родиться,
Чем гневу моему давать ответ.

Я г о

Вот до чего дошло!

О т е л л о

Дай мне увидеть

Ее вину, иль так в ней убеди,
Чтоб места не осталось для сомненья.
Удостоверь, не то беда тебе.

Я г о

Мой генерал...

О т е л л о

А если ты порочишь

Ее безвинно, мучая меня,
То больше не молись. Греси без страха
И не раскаивайся. Громозди
Злодейство на злодейство. Перед этим
Должно все побледнеть, и уж ничто
Твоих грехов не увеличит больше.

Я г о

Вы слышите, святые небеса!
Вы человек иль нет? Где ваше сердце!
Бог с вами и со службой. Ухожу.
Дурак я, что полез с своею правдой,
Чтоб град упреков выслушать в ответ.
О лживый мир! Полезная наука.
Опасно людям правду говорить.
Я больше мыслей никогда не выдам,
Когда они ведут к таким обидам.

О т е л л о

Постой. На вид ты должен быть правдивым.

Я г о

На вид мне следовало б быть умней.
Правдивостью спасибо не заслужишь.

О т е л л о

Должно быть, Дездемона мне верна,
А может, нет. Ты мне не лгал, должно быть,
А может, лгал. Я требую улики.
Ее безукоризненное имя
Луны белее было, а теперь

Черно, как я, от твоего доноса.
Я жажду ясности. На свете есть
Ножи, костры, колодцы, петли, яды.
Я не прощу. Но мне недостает
Уверенности.

Я г о

Вижу, вы в волнении.
Душой скорблю, что я тому виной.
Так вы хотите ясности, сказали?

О т е л л о

Хочу? Нет, больше: я ее добьюсь.

Я г о

Но как, скажите? Что такое ясность?
Хотите ли вы подглядеть тайком,
Когда он с нею будет обниматься?

О т е л л о

Смерть и проклятье!

Я г о

Нелегко людей
Застать за этим делом. Пожелаем,
Чтоб, кроме них, ничей досужий взгляд
Не падал никогда на их объятья.
Тогда как быть? Как их поймать? Они
Не пара обезьян, не волк с волчицей.
Таких улик в моем запасе нет,
Но косвенные данные в наличье,
И вы всегда их можете иметь.

О т е л л о

Они должны быть неопровержимы!

Я г о

Невыгодная роль, но я креплюсь.
Я сам зашел из дружбы так далёко.

Так вот. Я как-то с Кассио лежал
На койке. У меня болели зубы.
Я спать не мог. Беспечный ветрогон
Во сне всегда выбалтывает тайны.
Таков и Кассио. И слышу я:
«Поосторожней, ангел Дездемона.
Нам надобно таить свою любовь».
Он крепко сжал мне руку и со страстью
Стал целовать, как будто с губ моих
Срывал он с корнем эти поцелуи,
И положил мне ногу на бедро.
Потом, вздохнув, пролепетал: «О горе!
Зачем ты в руки мавра отдана!»

О т е л л о

Чудовищно! Чудовищно!

Я г о

Ведь это

Во сне происходило.

О т е л л о

Но в каком!

Как уличает это сновиденье!

Я г о

Особенно в ряду других улик.

О т е л л о

Я разорву злодейку!

Я г о

Хладнокровней.

Еще мы не наткнулись ни на что.

Быть может, наши подозренья ложны.

Вы не видали у нее платка,

Расшитого цветами земляники?

Отелло

Я ей его на свадьбу подарил.

Яго

Ах, вот как? Я не знал. Но дело вот в чем:
Я видел, Кассио ее платком
Сегодня утирал свой подбородок.

Отелло

О, если это тот...

Яго

Тот иль не тот,
Платок — ее, и это лишний довод
В придачу к тем, которые слабей.

Отелло

О, если б раб жил тысячею жизней!
Для полной мести мало мне одной.
Теперь я вижу, это правда, Яго.
Гляди, я дую на свою ладонь
И след любви с себя, как пух, сдуваю.
Развеяна. Готово. Нет ее.
О ненависть и месть, со мною будьте
И грудь раздуйте мне шипеньем змей!

Яго

Спокойней. Тише.

Отелло

Крови, крови, крови!

Яго

Еще вы передумаете.

Отелло

Нет.

Нет, Яго, никогда! Как в Черном море
Холодное течение день и ночь
Несется неуклонно к Геллеспонту,

Так и кровавым помыслам моим
До той поры не будет утоленья,
Пока я в мщенье их не изолью.

(Становится на колени.)

Клянусь тобой, мерцающее небо:
В святом сознание этих страшных слов,
Даю обет расплаты.

Я г о

Не вставайте.

(Тоже становится на колени.)

Вы все свидетели, огни планет,
Кружащиеся в небесах, что Яго
Себя, свой ум и руки отдает
На службу оскорбленному Отелло.
Я все беспрекословно совершу,
Что скажете, вплоть до пролитья крови.

Оба встают.

О т е л л о

Союзник мой, я не благодарю,
Но сразу же ловлю тебя на слове:
Чтобы в три дня, не позже, я узнал
О смерти Кассио.

Я г о

Мой друг погублен.

Приказ свершен. Но ей оставьте жизнь.

О т е л л о

О нет, проклятье ей, гулящей твари!
Проклятье ей! Не покидай меня.
Пойдем обсудим, как бы поскорее
Прикончить дьяволицу. Ты теперь

Мне будешь лейтенантом.
Я г о

Ваш навеки.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Перед замком.

Входят Дездемона, Эмилия, шут.

Дездемона. Не скажешь ли, голубчик, где живет лейтенант Кассио?

Шут. Не скажу.

Дездемона. Что так?

Шут. Он человек военный, а это народ бедовый. Поди узнай, как на него потрафить. Это военный секрет.

Дездемона. Что же тогда делать?

Шут. Не скажу. Это тоже военная тайна.

Дездемона. Не возьмешься ли ты разыскать его и передать ему кое-что на словах?

Шут. Отчего же! Это в пределах человеческих возможностей.

Дездемона. Скажи, чтобы он пришел сюда. Я склонила генерала в его пользу, и есть надежда, что все уладится.

Шут уходит.

Куда, Эмилия, могла девать
Я свой платок?

Э м и л и я

Сударыня, не знаю.

Д е з д е м о н а

Охотней потеряла б кошелек,
Набитый золотыми. Но, по счастью,
Отелло — умница и не похож
На пошляков-ревнивцев. Что б иначе
Подумал он?

Э м и л и я

Отелло не ревнив?

Д е з д е м о н а

Конечно, нет. Тропическое солнце
Все эти недостатки выжгло в нем.

Э м и л и я

Вот он идет.

Д е з д е м о н а

Не дам ему покоя,
Покамест Кассио он не простит.

Входит О т е л л о .

Ну, как тебе?

О т е л л о

Мне лучше.
(В сторону.)

Я не в силах

Притворствоваться. — Как поживаешь ты?

Д е з д е м о н а

Спасибо, превосходно.

О т е л л о

Дай мне руку.

Какая влажная!

Дездемона

Ее пока

Ни годы, ни заботы не сушили.

Отелло

Такая влажность — несомненный знак
Уступчивости и любвеобилья.

Горячая, горячая рука

И — влажная. Такую руку надо

Смирять молитвой, строгостью, постом

И умерщвлением плоти. В ней есть дьявол.

Он бесится и выделяет пот.

Рука, которая готова сыпать

Подарками.

Дездемона

Ты вправе так сказать:

Я сердце в ней свое тебе вручила.

Отелло

Хорошая и щедрая рука!

Встарь руку отдавали вместе с сердцем,

А в наши дни лишь руки отдают.

Дездемона

Мне трудно продолжать в подобном духе.

Как обещание твое, скажи?

Отелло

Какое обещание, голубка?

Дездемона

Я Кассию велела разыскать

И привести к тебе для примиренья.

Отелло

Меня сегодня насморк одолел.

Дай мне платок.

Дездемона

Пожалуйста.

Отелло

Не этот.

Ты знаешь, тот.

Дездемона

Его со мною нет.

Отелло

Действительно?

Дездемона

Действительно.

Отелло

Печально.

Платок достался матушке моей
В подарок от ворожеи-цыганки.

Та уверяла, что, пока платок

У матери, он к ней отца привяжет

И сохранит ей красоту. Когда ж

Она его отдаст иль потеряет,

Отец к ней должен будет охладеть

И полюбить другую. Перед смертью

Мать отдала платок мне, завещав

Дать в будущем его своей невесте.

Я так и сделал. Береги платок

Заботливее, чем зеницу ока.

Достанься он другим иль пропади,

Ничто с такой бедою не сравнится.

Дездемона

Неужто?

Отелло

Правда. Он из волокна

С магическими свойствами. Сивилла,
Прожившая на свете двести лет,
Крутила нить в пророческом безумье.
Волшебная таинственная ткань
Окрашена могильной краской мумий.

Дездемона

Неужто это правда?

Отелло

Говорят.

Дездемона

Так лучше бы его я не видала!

Отелло

Ага! А что так?

Дездемона

Что ты говоришь

Со мною так стремительно и дико?

Отелло

Платок потерян? Где он? Говори.

Дездемона

О боже!

Отелло

Говори.

Дездемона

Нет, не потерян.

А если потеряла, что тогда?

Отелло

Как, что тогда?

Дездемона

Платка я не теряла.

Отелло

Так принеси его и покажи.

Дездемона

Могу, но после. Это отговорки,
Чтобы о Кассио не говорить.
Прими обратно Кассио на службу.

Отелло

Так принеси платок. Мне в этом всем
Мерещится недоброе.

Дездемона

Послушай,
Ты никого достойней не найдешь.

Отелло

Платок!

Дездемона

Давай о Кассио сначала.

Отелло

Платок!

Дездемона

Он трудности делил с тобой
И на слепой любви к тебе построил
Всю жизнь свою.

Отелло

Платок!

Дездемона

Нет, так нельзя!

Отелло

Прочь с глаз моих!

(Уходит.)

Эмилия

И это не ревнивец?

Дездемона

Таким его я вижу в первый раз.

В платке, наверно, правда что-то скрыто.
Я просто вне себя, что он пропал.

Э м и л и я

Живешь два года с мужем, не узнаешь.
Мужчина — брюхо, женщина — еда.
Он жрет тебя и жрет, и вдруг отрыжка.
Вот Кассио и Яго.

Входят Кассио и Яго.

Я г о

Без нее

Не обойтись. Вот, лёгки на помине,
Немного понастойчивее с ней.

Д е з д е м о н а

Что скажете мне, Кассио?

К а с с и о

Все то же.

Пожалуйста, вступитесь, госпожа.
Мне не житье, пока я не оправдан
Единственным, кто мне дороже всех.
Ужасна неизвестность. Если грех мой
Так тяжек, что его не искупить
Ни прошлою, ни будущею службой,
Пускай мне скажут. Твердо это знать
Мне будет некоторым облегченьем.
Я волею-неволей примирюсь
И счастья поищу в другом призванье.

Д е з д е м о н а

Мой благородный Кассио, увы!
На мавра потеряла я влиянье.
Мой муж с недавних пор не прежний муж.

Он изменился. Это превращенье
Так велико, что только внешний вид
Еще мне говорит, что он — Отелло.
Пусть ангел мой хранитель за меня
Так молится, как мужа я молила
За вас, но он лишь гневался в ответ.
Немного потерпите. Все, что можно,
Я сделаю, и больше, чем могу.
Я думаю, что этого довольно.

Я г о

Он сердится?

Э м и л и я

Он только что ушел

В каком-то непонятном раздраженье.

Я г о

Он сердится? Я видел, как пред ним
Взлетело несколько солдат на воздух
И в десяти шагах от нас ядро
Ударило в его родного брата.
Но духа он и тут не потерял.
И если он не стал владеть собою,
То, видимо, на то причины есть.
Пойду поговорю с ним.

Д е з д е м о н а

Сделай это.

Я г о уходит.

Быть может, из Венеции письмо
Или на Кипре заговор открылся,
Но неприятности или дела
В нем облаком затмили ясность мысли.

Мы раздражаемся по пустякам,
Когда задеты чем-нибудь серьезным.
Бывает, палец заболит, и боль
Передается остальному телу.
Мужья не боги, требовать от них
Вниманья, как от женихов, нет смысла.
Брани меня, Эмилия, за то,
Что я его напрасно осуждала.
Я ошибалась. Он не виноват.

Э м и л и я

Дай бог, чтоб это были в самом деле
Заботы службы, а не ревность к вам.

Д е з д е м о н а

Я повода ему не подавала.

Э м и л и я

Ревнивым в этом надобности нет.
Ревнуют не затем, что есть причина,
А только для того, чтоб ревновать.
Сама собой сыта и дышит ревность.

Д е з д е м о н а

Да обойдет Отелло этот бич!

Э м и л и я

Помилуй бог!

Д е з д е м о н а

Пойду его проведать.
Вы, Кассио, тут будьте под рукой.
Как раз, быть может, подвернется случай,
Я наконец его уговорю.

К а с с и о

Покорнейше вам благодарен.

Дездемона и Эмилия уходят. Входит Бианка.

Бианка

Здравствуй,

Дружище Кассио!

Кассио

Какими ты

Судьбами здесь, красавица Бианка?

Я собирался только что к тебе.

Бианка

А как тебе. Но слыханное ль дело?

Исчезнуть на семь дней и семь ночей!

Ушел и как сквозь землю провалился.

А шутка ли — сто шестьдесят часов!

Кассио

Прости меня, Бианка. Я был занят.

Живу не сладко. Чуть освобожусь,

Мы это наверстаем. Вот, Бианка,

(давая ей платок Дездемоны)

Пожалуйста, такой же вышей мне.

Бианка

Откуда это? Новая подруга?

Так вот ты с кем неделю пропадал?

Теперь мне все понятно, все понятно.

Кассио

Брось тотчас к черту свой ревнивый бред.

Платок от женщины, уж ты решила?

Нет, Бьянка, нет.

Бианка

Откуда ж он тогда?

Кассио

Не знаю сам. Он у меня валялся.

Мне нравится узор. Сними его,

Пока платка обратно не спросили.
Ну а теперь оставь меня.

Б и а н к а

Зачем?

К а с с и о

Да я тут дожидаюсь генерала
И в женском обществе бы не хотел
Ему попасться.

Б и а н к а

Это что за новость?

К а с с и о

Не думай, что тебя я не люблю.

Б и а н к а

Вот именно, как этого не думать?
Пройдись со мною несколько шагов.
Ты вечером придешь ко мне сегодня?

К а с с и о

Далёко проводить я не могу.
Мне встреча здесь назначена по делу.
А вечером приду.

Б и а н к а

Не обмани.

Я скромная, довольствуюсь, чем можно.

Уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Купр. Перед замком.

Входят Отелло и Яго.

Яго

Вы так считаете!

Отелло

А как же, Яго?

Яго

Что поцелуй тайком...

Отелло

Обман и грязь.

Яго

И голый с другом полежать в постели
В границах добродетели нельзя?

Отелло

В границах добродетели раздевшись!
Зачем так сложно и так тяжело
Хитрить пред чертом и морочить небо!

Яго

Когда не происходит ничего,
То это все простительная вольность.
Но перейдемте к случаю с платком.

Отелло

Да, да.

Яго

Он мой. Я дал его жене в подарок.

Отелло

Ну, ну.

Яго

Теперь он стал ее. Она вольна
Отдать его кому-нибудь другому.

Отелло

Честь — это тоже собственность ее.
Она вольна располагать и этим?

Яго

Честь — это призрак. Честь — другой вопрос.
Честь — то, чего у многих не бывает
Из хвастающих ею. Но платок...

Отелло

Хочу забыть, а ты напоминаешь!
Как ворон над жилищем, где чума,
Так это слово в памяти витает.
Ты говоришь, платок мой у него?

Яго

В том нет беды.

Отелло

Но в этом нет и счастья.

Яго

Зачем значенье придавать тому,
Что без стыда наглец и соблазнитель,
У женщины добившись своего,
Трубит повсюду о своей победе?

Отелло

Он вслух о ней болтал?

Яго

Болтал.

Отелло

Что? Что?

Я г о

То, от чего всегда он отречется.

О т е л л о

Но все-таки.

Я г о

Он говорил...

О т е л л о

Итак?

Я г о

Что он лежал...

О т е л л о

С кем? С ней?

Я г о

Да. Нет. Увольте.

О т е л л о. Лежал. Прижимался. Он ее бесславит. И в каких выражениях! Прижимался. Это мерзость. Платок. Заставить сознаться. Платок. Заставить сознаться и повесить. Нет, сначала повесить, а потом заставить сознаться. Я весь дрожу. Не поддаваться этой помрачающей боли без проверенных сведений! Боже, как я подумаю!.. Носы, уши, губы. Тьфу! Я падаю. Заставить сознаться. О, дьявол!
(Падает без чувств.)

Я г о

Хвалю, мое лекарство. Действуй, действуй!

Так ловят легковерных дураков.

Так женщин незапятнанных порочат. —

Очнитесь, успокойтесь, генерал!

Входит К а с с и о.

Любуйтесь, лейтенант.

К а с с и о

Что с ним случилось?

Я г о

Да видите, падучая опять.
Второй припадок в продолжение суток.

К а с с и о

Виски потрите.

Я г о

Нет, избави бог.
Болезнь должна идти своим порядком,
А то несчастный с пеной на губах
Начнет беситься. Он пошевелился.
Ступайте. Он сейчас придет в себя.
Чуть я освобожусь, мне надо с вами
Потолковать.

К а с с и о уходит.

Что с вами, генерал?

Вы шишки не набили?

О т е л л о

Ты смеешься?

Я г о

Нет. Я — над вами? Боже упаси!
Переносите по-мужски обиду.

О т е л л о

Рога — отличие чудищ и зверей.

Я г о

Немало же тогда зверей и чудищ
Средь наших населенных городов.

О т е л л о

Так это правда? Он не отрицает?

Я г о

Мужайтесь, генерал. Вы не одни.
Любой женатый — в вашем положении.
Миллионы спят на проходных дворах,
Которые зовутся брачным ложем.
Вам легче: вы без розовых очков.
Какое издевательство природы —
С развратницами нас соединять
И заставлять нас верить в их невинность!
Нет, если так, то я желаю знать
Про свой позор и что с женой мне делать.

О т е л л о

Ты умница. Ты совершенно прав.

Я г о

Я вот что вам придумал. Я вас спрячу,
Но хватит ли у вас на это сил?
Во время вашего припадка, — к слову,
Нехорошо так распускать себя, —
Явился Кассио. Я догадался
Услать его и объяснил, как мог,
Ваш обморок. Но он сейчас вернется.
Хотите, заведу с ним разговор?
Хотите, незаметно посмотрите
На выражение его лица,
Улыбочки, злорадство и презренье
К той, о которой будет речь? Я вновь
Его заставлю повторить сначала,
Давно ль и сколько раз, где и когда
Бывал он близок с вашею женою.
Увидите ужимки. — Черт возьми,
Нельзя ли поспокойнее, однако!
Ведь если это дальше так пойдет,

Я просто уважать вас перестану.
Отелло
Я обещаю все перенести,
Зато потом не буду знать пощады.
Яго
Всему свой срок. Вам прятаться пора.

Отелло прячется.

Под видом рассказней о Дездемоне
Я Кассио про Бьянку расспрошу.
Особа эта шлюха по призванью
И этим зарабатывает хлеб.
Она пылает к Кассио любовью
По роковой судьбе таких девиц.
Всю жизнь она обманывала многих,
Чтоб быть теперь обманутой одним.
О ней без смеха он не может слышать.
Вот он идет.

Входит Кассио.

Когда дурак заржет,
Отелло просто на стену полезет,
В ревнивом ослепленье отнеся
Смех и развязность Кассьо к Дездемоне. —
Что слышно, лейтенант?
Кассио
Одна печаль.
И я не лейтенант, как вы сказали.
Яго
Но будете. Просите госпожу.

Вот если б званья возвращала Бьянка,
Ждать не пришлось бы.

К а с с и о

Ждать бы не пришлось.

О т е л л о *(в сторону)*

Скажи пожалуйста, уже смеется!

Я г о

Она в вас до безумья влюблена.

К а с с и о

Да, влюблена, мне кажется, безумно.

О т е л л о *(в сторону)*

Не отрицает и не может скрыть.

Я г о

Скажите правду, Кассио...

О т е л л о *(в сторону)*

Он просит

Порассказать подробней. Хорошо.

Я г о

Вы собираетесь на ней жениться?

Она так уверяет.

К а с с и о

Ха-ха-ха!

О т е л л о *(в сторону)*

Смеешься? Торжествуй. Ты пожалеешь.

К а с с и о

Жениться? Вот умора! На такой!

Еще я, слава богу, не рехнулся.

Ха-ха-ха-ха!

О т е л л о *(в сторону)*. Так, так, так. Дорого тебе обойдется этот смех.

Я г о. Ей-богу, ходит слух, что вы на ней женитесь.

К а с с и о. Какое вранье!

Я г о. Зачем мне врать?

О т е л л о (*в сторону*). Словно меня нет на свете!

К а с с и о. Дура сама это распространяет. Она в это верит на основании своих собственных чувств. Я ей ничего не обещал.

О т е л л о (*в сторону*). Яго делает мне знаки. Сейчас он перейдет к делу.

К а с с и о. Да вот она была тут недавно. Она меня просто преследует. Как-то разговариваю я на берегу с несколькими венецианцами. Откуда ни возьмись, эта краля, и прыг ко мне на шею. Вот так! Ха-ха-ха! И вот так!

О т е л л о (*в сторону*). Наверно, он передразнивает, как она визжит: «О мой Кассио!»

К а с с и о. И плачет, и обнимает, и тащит с собой. Ха-ха-ха!

О т е л л о (*в сторону*). Теперь он показывает, как она увлекает его в мою спальню. О, я хорошо вижу твой нос, но пока еще не вижу собаки, которой я брошу его на съеденье!

К а с с и о. Надо будет поскорее расстаться с нею.

Я г о. Смотрите, ей-богу, вот она!

К а с с и о. Хорек ненасытный! И как надушилась!

Входит Б и а н к а.

Долго ты будешь бегать за мною?

Б и а н к а. Нет уж, извини. Побегают за тобой черт и его бабушка. Получай назад свой платок, окаянный! Дура я, что взяла его. Вышей ему такой же! Вы слышали что-нибудь подобное? Нашел у себя в комнате и не знает чей. Так я и поверила! Какой-нибудь шлюхи память, а я буду снимать с него узор! Нет уж, пожалуйста!

К а с с и о. Что ты, ненаглядная Бианка! Что ты, что ты!
О т е л л о (*в сторону*). Праведное небо, это мой платок!

Б и а н к а. Если хочешь, приходи сегодня ужинать со мной. А если не сегодня, приходи когда вздумаешь. (*Уходит.*)

Я г о. Бегом, бегом за ней!

К а с с и о. Пожалуй, правда. Еще поднимет шум на улице.

Я г о. Вы действительно пойдете ужинать к ней?

К а с с и о. Да, я думаю.

Я г о. В таком случае я приду тоже. Надо поговорить.

К а с с и о. Прекрасно! Только наверняка.

Я г о. Посмотрим. Догоните ее.

К а с с и о уходит.

О т е л л о (*выступает вперед*). Яго, как мне убить его?

Я г о. Как он гордится своей низостью! Вы заметили?

О т е л л о. О Яго!

Я г о. А вы узнали платок?

О т е л л о. Это действительно мой?

Я г о. Разумеется, ваш. Видите, как мало он ценит эту сумасбродку, жену вашу. Она дарит ему платок, а он отдает его своей сударушке.

О т е л л о. Я хотел бы убивать его девять лет подряд. Действительно, сумасбродка. Обольстительная! Божественная!

Я г о. Вам пора было бы забыть об этом.

О т е л л о. Да, Яго. Я хочу, чтобы она сгнила, пропала и была осуждена сегодня же ночью. Я не дам прожить ей дня. Сердце мое обратилось в камень. Ударить —

ушибешь об него руку. Все это так. Но не было на свете создания более неотразимого. Ее место рядом с каким-нибудь повелителем мира, чтобы делить с ним жизнь и вдохновлять его.

Я г о. Нет, думать так вам больше не годится.

О т е л л о. Чтoб ee черт побрал! Это верно. Я только вспоминаю. Какая это рукодельница! А как понимает музыку! Ее пеньем можно приручить лесного медведя. Женщина неистощимого ума и воображения.

Я г о. Тем, стало быть, хуже.

О т е л л о. О, в тысячу раз! И притом с такой способностью нравиться!

Я г о. Даже слишком большою.

О т е л л о. Справедливо. Но ведь жалко, Яго! О, какая жалость, какая жалость!

Я г о. Ну, если вам так жалко, выдайте ей доверенность на совершение дальнейших низостей. Дело только в вас. Никого это не касается.

О т е л л о. Я изрублю ее на мелкие кусочки. Обманывать меня!

Я г о. Безобразница.

О т е л л о. И с кем! С моим подчиненным!

Я г о. Тем более.

О т е л л о. Какой-нибудь отравы, Яго, сегодня же. Я не буду вступать с ней в объяснения, чтоб не поддаться ее обаянью. Так помни, сегодня же. Достанешь, Яго?

Я г о. Зачем яд? Лучше задушите ее в постели, которую она осквернила.

О т е л л о. Хорошо. Хорошо. Знаешь, это справедливая мысль. Это мне нравится.

Я г о. А расправиться с Кассио предоставьте мне. Ночью кое-что услышите.

Отелло

Великолепно!

Труба за сценой.

Что там за труба?

Яго

Известье из Венеции, наверно.

Вон Лодовико с вашей женой.

Входят Лодовико, Дездемона и свита.

Лодовико

Душой рад встрече, генерал.

Отелло

И я.

Лодовико

Привет вам от сенаторов и дожа.

(Подает ему письмо.)

Отелло

Почтительно целую их печать.

(Прикладывает к губам письмо, распечатывает и читает.)

Дездемона

С какими новостями, Лодовико?

Яго

Большое удовольствие и честь

На Кипре вас приветствовать.

Лодовико

Спасибо.

Как лейтенанта Кассио дела?

Яго

Он жив.

Дездемона

У лейтенанта с генералом
Большой разрыв. Надежда вся на вас.
Вы сблизите их.

Отелло

Ты такого мнения?

Дездемона

Не слышу.

Отелло (*читает*)

«В исполнение привести
Немедленно».

Лодовико

Он к вам не обращался,
А погружен в приказ. Так между ним
И Кассио размолвка?

Дездемона

Да, к несчастью.
Я все б дала, чтоб вновь их помирить,
Таковую к Кассио любовь питаю.

Отелло

Огонь и сера!

Дездемона

Что ты говоришь?

Отелло

Ты что, в своем уме?

Дездемона

Какой сердитый!

Лодовико

Его расстроило письмо. Сенат
Велит ему в Венецию вернуться
И назначает Кассио на Кипр.

Дездемона

О, как я рада!

Отелло

Рада?

Дездемона

Что, мой милый?

Отелло

Я рад, что ты забыла всякий стыд.

Дездемона

Забыла стыд. Отелло милый?

Отелло

Дьявол!

(Ударяет ее.)

Дездемона

Ничем не заслужила!

(Плачет.)

Лодовико

Генерал,

В Венеции откажутся поверить!

Уж это слишком! Надо попросить

У ней прощенья. Дездемона плачет.

Отелло

О дьявол, дьявол! Если бы земля

Давала плод от женских слез, то эти

Плодили б крокодилов. Сгинь, уйди!

Дездемона *(уходя)*

Уйду, чтоб не сердить тебя.

Лодовико

Какая

Послушная! Верните, генерал,

Ее назад.

Отелло

Сударыня!

Дездемона

Мой милый?

Ну вот она, распорядитесь ею.

Лодовико

Распорядитесь?

Отелло

Да. Ведь вы просили

Вернуть ее назад. Ну вот. Она

Умеет уходить и возвращаться,

И уходить, и снова приходить,

И может плакать, сударь, может плакать.

Послушная, послушная жена. —

Малеванное, грубое притворство!

Лей слезы, лей. — Я прочитал приказ

О возвращенье. — Скройся. Будет надо,

Я позову. — Я к выезду готов

В любое время. — Говорят, исчезни!

Дездемона уходит.

Дела сдам Кассио. Ну а теперь

Прошу откусать вас сегодня с нами.

Добро пожаловать, желанный гость,

На остров Кипр. — Козлы и обезьяны!

(Уходит.)

Лодовико

И это мавр, который восхищал

Сенат уравновешенностью духа,

Которого ни бури, ни труды,

Ни страсти, ни опасности не брали?

Я г о

Он очень изменился.

Л о д о в и к о

Он здоров?

Он не в бреду?

Я г о

Судить о нем не смею.

Он то, что есть. А если он не то,

Чем должен быть, пусть Бог ему поможет

Стать тем, чем надо.

Л о д о в и к о

Бить свою жену!

Я г о

Как это ни противно, я желал бы,

Чтоб это было худшим из всего.

Л о д о в и к о

Что, эта грубость у него в привычке

Или его так взволновал приказ?

Я г о

Не спрашивайте. Мне не подобает

О том распространяться, что видал.

Успеете понаблюдать и сами.

Мне не придется много прибавлять.

Л о д о в и к о

Мне жаль, что в мавре так я ошибался.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в замке.

Входит Отелло и Эмилия.

Отелло

Вам не бросалось ничего в глаза?

Эмилия

Дурного ничего не замечала.

Отелло

Вы Кассио видали вместе с ней?

Эмилия

Что ж тут такого? Все их разговоры

Я слышала до слова.

Отелло

И они

Друг с другом не шептались?

Эмилия

Не шептались.

Отелло

И вас за дверь не посылали?

Эмилия

Нет.

Отелло

За веером, перчатками и маской?

Эмилия

Ни разу.

Отелло

Удивительная вещь!

Эмилия

За честность Дездемоны, генерал,

Я душу прозакладывать готова.

А вам иначе думать — стыд и грех.
А если эти пакостные мысли
Вам нашептал какой-нибудь подлец,
Пусть ползает, проклятый, в наказанье
Навек в пыли, как искуситель-змей.
Уж если Дездемона не образчик
Правдивой, верной, любящей жены,
На свете браков нет, одна подделка.

Отелло

Скажите ей, что я ее зову.

Эмилия уходит.

Святая простота! На то и сводня.
Расспрашивать ее — могила, гроб.
А не поверят — бухается наземь
И руки к небу. Знаем, знаем вас!

Входит Дездемона с Эмилией.

Дездемона

Ты звал меня?

Отелло

Да. Подойди поближе.

Дездемона

Что ты желаешь?

Отелло

Прямо посмотреть

В глаза тебе.

Дездемона

Что за причуда, право?

Отелло (Эмилиа)

Теперь оставьте парочку, кума,
Заприте дверь и караульте выход.
Пройдет кто, кашлем подавайте знак.
Займитесь промыслом своим, хозяйка.

Эмилиа уходит.

Дездемона

Взываю на коленях, объясни,
Что это значит? До меня доходит
Какой-то ураган в твоих словах,
Но не слова.

Отелло

Кто ты?

Дездемона

Твоя супруга,

Тебе и долгу верная жена.

Отелло

Попробуй подкрепить все это клятвой
И душу в тот же миг свою сгуби.
Решись поклясться, что не изменила.

Дездемона

Клянусь, и это знают небеса!

Отелло

Они тебя изменницею знают.

Дездемона

Кому я изменяла? С кем? Когда?

Отелло

Нет, Дездемона. Прочь! Прощай! Развейся!

Дездемона

Ужасный день! Ты плачешь? Отчего?

Скажи мне, я ли этих слез причина?
Ты, верно, думаешь, что мой отец
Виновен в том, что ты отозван с Кипра?
Все может быть, но ведь терплю и я.
Он также ведь и от меня отрекся.

О т е л л о

Пускай я чем-то Бога прогневил.
Над непокрытой головой моею
Он мог излить несчастье и позор,
По горло утопить меня в лишениях,
Сгноить в бездействии. Среди этих мук,
Мне верится, в углу душевном где-то
Я б силы почерпнул все это снести.
Иное дело быть живой мишенью
Насмешек, чтоб кругом смотрели все
И каждый тыкал пальцем. Но и это
Я вынес бы. И это. Без труда.
Но потерять сокровищницу сердца,
Куда сносил я все, чем был богат...
Но увидеть, что отведен источник
Всего, чем был я жив, пока был жив...
Но знать, что стал он лужею, трясиной
Со скопищем кишмя кишущих жаб...
Терпенье, херувим светлейший рая,
Стань ада грозной фурией теперь!

Д е з д е м о н а

Надеюсь, ты в меня, как прежде, веришь?

О т е л л о

О да, как в мух на бойне в летний день,
Которые кладут яички в мясо!
Чарующая сорная трава,
Благоухающая так, что больно,

Зачем ты есть, зачем ты родилась?!

Дездемона

Скажи, в чем грех мой? Что я совершила?

Отелло

Ты для того ль бела, как белый лист,
Чтоб вывести чернилами «блудница»?
Сказать, в чем грех твой, уличная тварь,
Сказать, отребье, что ты совершила?
Стыдом я щеки раскалю, как горн,
Когда отвечу. Выговорить тошно.
Нет сил. На небе зажимают нос,
И месяц закрывается, и ветер,
Целующий все вещи на земле,
Так он распутен, прячется от срама,
А ты не знаешь, шлюха без стыда,
Что совершила ты, что совершила?

Дездемона

Ты не имеешь права, видит бог,
Так обижать меня!

Отелло

Так ты не шлюха?

Дездемона

Христом клянусь, что нет! Когда беречь
Себя от посторонних посягательств
Для мужа в непорочной чистоте
Не значит шлюхой быть, то я не шлюха.

Отелло

Не шлюха?

Дездемона

Нет, пускай погибну я!

Отелло

Не может быть.

Дездемона

Вступишь, святое небо!

Отелло

Ну, виноват. А я предполагал,
Что ты — дитя венецианских улиц
В супружестве с Отелло.

(Громким голосом.)

Ну, кума,

Привратница греха, входите, можно.

Входит Эмилия.

Вы угадали, речь о вас, о вас.
Довольно. Выпустите нас наружу.
Вот за молчанье вам и за труды.

(Уходит.)

Эмилия

Что он сказал? Сударыня, что с вами?
Что с вами, госпожа?

Дездемона

Я как во сне.

Эмилия

Что с господином?

Дездемона

С кем?

Эмилия

Что с господином?

Дездемона

Кто господин твой?

Эмилия

Тот же, что и ваш.

Дездемона

Нет у меня на свете господина.
Не спрашивай, Эмилия. Нет слов.
Не в силах говорить, не в силах плакать.
Нет слез, и нет ответа, кроме слез.
Застелешь свадебными простынями
Постель сегодня. Яго позови.

Эмилия

Какая перемена!

(Уходит.)

Дездемона

Заслужила!

Так мне и надо. Но за что, за что?
Что я себе позволила такого,
Чтоб так меня жестоко оскорблять?

Возвращаются Эмилия и Яго.

Яго

Вы звали, госпожа? Что тут случилось?

Дездемона

Сама не знаю. Взрослые с детьми
Должны быть ласковыми и простыми.
Он мог меня помягче пожурить:
В сравнение с ним ведь я еще ребенок.

Яго

Но суть-то в чем?

Эмилия

Ты б сам послушал. Мавр
Ругал ее последними словами.
И всё сносить? Ты шлюха, говорит.

Дездемона

Скажи, я заслужила это имя?

Яго

Какое?

Дездемона

То, что ты сейчас слышал

Из уст Эмилии. Я заслужила?

Эмилия

Ты шлюха, говорит. Карманный вор
Сожительницу так честить не станет.

Яго

За что ж он так?

Дездемона

Ума не приложу!

Но что не заслужила, это знаю.

Яго

Не плачьте. Что за новая напасть!

Эмилия

Затем ли бросила она знакомых,
Отца, родимый край и женихов,
Чтоб шлюхой угостили? Как не плакать!

Дездемона

Судьба, как видно.

Яго

Постыдился б он!

Откуда это?

Дездемона

Небесам известно.

Эмилия

Увидите, что эту клевету
Взвел на нее своей корысти ради
Какой-нибудь отъявленный подлец.

Увидите, что это подтвердится.
Хоть вешайте, на этом я стою.

Я г о

Таких людей не водится на свете.
Куда хватила!

Д е з д е м о н а

Если есть такой,
Прости ему, Господь.

Э м и л и я

Прости, веревка,
И кости у чертей в зубах, прости!
Еще жалеть! За что ее звать шлюхой?
Кто ходит к ней? Когда? Каким путем?
Клянусь, какой-то плут морочит мавра,
Какой-то баснословный негодяй!
Я выследила бы его, поймала,
Да всем дала бы в руки по хлысту,
Да погнала б по всей земле каналью
С восхода до заката.

Я г о

Не ори!

Э м и л и я

Хлестать таких! Такой же ведь молодчик
Насчет меня свихнул тебе мозги,
Что будто бы гуляю я с Отелло.

Я г о

Ступай-ка, дура!

Д е з д е м о н а

Яго, научи,
Как мне вернуть расположение мужа.
Поговори с ним. Светом дня клянусь,
Не знаю, как его я потеряла.

Я на коленях... Если хоть на шаг
Я отступила от любви к Отелло
Или заглядывалась на других
И если было, есть и будет время,
Что я смогу Отелло разлюбить,
Хотя б он брак со мной расторг и бросил,
Пусть я лишусь спасенья. Неприязнь —
Большое зло, но он своей враждою
Мне может жизнь разбить, а не любовь.
Мне тошно выговорить слово «шлюха»,
А быть взаправду женщиной такой
Я б не могла за все богатства мира.

Я г о

Оставьте, успокойтесь. Все пройдет.
Политика, заботы. Он не в духе,
Вот вам и попадает.

Д е з д е м о н а

Дай-то бог!

Я г о

Уж вы поверьте.

Труба за сценой.

Трубные сигналы.

Вам ужинать пора и приглашать
К столу венецианское посольство.
Ступайте к ним. Не плачьте. Все пройдет.

Дездемона и Эмилия уходят.

Входит Родриго.

Ну что, Родриго?

Родриго. Не видно, чтобы ты поступал со мной благородно.

Яго. Например?

Родриго. Каждый день ты хитришь со мной и приносишь мне больше вреда, чем пользы. Довольно! Больше этого не будет. Кроме того, я еще не решил, прощу ли тебе все, что вытерпел из-за тебя до сих пор.

Яго. Выслушайте меня.

Родриго. Я слишком долго слушал тебя! Твои слова несоединимы с делом.

Яго. Неправда, неправда.

Родриго. Правда, и, к сожалению, слишком горькая. Я разорился. За половину драгоценностей, которые я передал тебе для Дездемоны, можно было совратить монахиню. Ты говорил, что, принимая их, она подавала мне надежды. Но пока ничего не видно.

Яго. Прекрасно. Дальше.

Родриго. Вот именно, что не дальше и не прекрасно. Дальше некуда, и это отвратительно. Я прихожу к заключению, что ты вымогатель.

Яго. Прекрасно.

Родриго. Тебе сказано, что совсем это не прекрасно! Я пожалуюсь Дездемоне. Если она вернет мне драгоценности, я откажусь от своих притязаний и искуплю их раскаянием. Если нет, я сдеру с тебя полностью их стоимость.

Яго. Вы кончили?

Родриго. Да. Все это будет исполнено.

Яго. Ага! Задело за живое! Вот это я понимаю! Теперь я буду о тебе лучшего мнения. Руку, Родриго! Ты сказал правду. Все правда, до последнего слова. И при всем том никто бы не мог постараться для тебя лучше, чем я.

Родриго. Что-то не видно.

Я г о. И опять твоя правда. Не видно. И ты прав, что не веришь мне. Но давай говорить прямо, Родриго. Если ты действительно то, чем показался мне сейчас, и у тебя есть сила, отчаянность и удаля, выкажи их сегодня ночью. Если в следующую Дездемона не будет твоя, можешь зарезать меня на улице или прикончить как тебе угодно.

Р о д р и г о. Да, но что ты предлагаешь? Это осуществимо? Приведет ли оно к чему-нибудь?

Я г о. Чрезвычайным приказом из Венеции Кассио предложено сменить Отелло.

Р о д р и г о. Это правда? Тогда, значит, Отелло и Дездемона уедут назад в Венецию?

Я г о. Нет. Он едет в Мавританию и увезет с собою Дездемону, если только не помешает какая-нибудь непредвиденность. Например, можно было бы вывести из употребления Кассио.

Р о д р и г о. Что это значит?

Я г о. Это значит, что его надо сделать неспособным занять место Отелло, разможжив ему голову.

Р о д р и г о. И ты это предлагаешь мне?

Я г о. Да, если ты себе желаешь добра. Сегодня он ужинает с одной девчонкой, я тоже к ним пойду. Он еще не слышал о своем повышении. Хочешь подстеречь его? Тогда я устрою, что он пойдет домой между двенадцатью и часом, а ты напади. Я буду поблизости и подоспею. С двумя ему не справиться. Что ты разинул рот? На улице я представлю тебе такие доводы в пользу его смерти, что ты сочтешь своим долгом убрать его. Я опаздываю на ужин. Идем.

Р о д р и г о. Идем. Послушаю, что ты скажешь.

Я г о. И ты согласишься, что я прав.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Другая комната в замке.

Входят Отелло, Лодовико, Дездемона,
Эмилия и свита.

Лодовико

Пожалуйста, не надо провожать.

Отелло

Позвольте, нет. Мне хорошо размяться.

Лодовико

Сударыня, спасибо за прием.

Спокойной ночи.

Дездемона

Вы наш гость желанный.

Отелло

Итак, идем? О Дездемона!

Дездемона

Да?

Отелло. Тотчас ложись в постель. Я сейчас приду.

Отпусти Эмилию. Слышишь, сделай это.

Дездемона. Хорошо, господин мой.

Отелло, Лодовико и свита уходят.

Эмилия

Ну, как дела? Он с виду стал добрей.

Дездемона

Он говорит, пройдет ко мне с прогулки,

Велел мне лечь и отпустить тебя.

Эмилия

И отпустить меня?

Дездемона

Так он желает.

Поэтому достань ночной наряд,
Простись со мной, Эмилия, и выйди.
Перечить нам теперь ему нельзя.

Эмилия

Он лучше б в жизни вам не попадался.

Дездемона

О, что ты! Нет, я так его люблю,
Что даже эти резкости, упрямство, —
Вот тут, пожалуйста, мне отстегни,
Спасибо! — для меня имеют прелесть.

Эмилия

Постель я застелила тем бельем,
Как вы просили.

Дездемона

Если бы случилось,
Что я из нас бы первой умерла,
Ты в эту простыню меня закутай,
Как в саван.

Эмилия

Перестаньте! Это вздор!

Дездемона

У матери моей была служанка
Варвара. Друг ее, гулявший с ней,
Был ветрогоном и Варвару бросил.
Была у ней излюбленная песнь,
Старинная, под стать ее страданью,
Про иву, с ней она и умерла.
Вот эта ива у меня сегодня
Весь вечер не идет из головы.
Вот словно сяду, подопрусь рукою,

И, как Варвара, зятяну. — Скорей.

Э м и л и я

Достать ночное платье?

Д е з д е м о н а

Нет, не надо.

Еще вот тут булавку отколи.

Неплох собою этот Лодовико.

Э м и л и я

Красавец!

Д е з д е м о н а

Интересно говорит.

Э м и л и я. Я знаю одну даму в Венеции, которая бо-
сиком спаломничала бы в Палестину за одно прикосно-
венье его нижней губы.

Д е з д е м о н а *(поет)*

Несчастливая крошка в слезах под кустом

Сидела одна у обрыва.

Затянемте ивушку, иву споем.

Ох, ива, зеленая ива.

У ног сиротинки плескался ручей.

Ох, ива, зеленая ива.

И камни смягчались от жалости к ней.

Ох, ива, зеленая ива.

Все это убери. И поскорей.

Сейчас придет он.

(Поет.)

Обидчика я...

Я что-то пропустила. Чу, стучат!

Э м и л и я

Нет, это ветер.

Дездемона (*поет*)

Обиды его помяну я добром.

Ох, ива, зеленая ива.

Сама виновата, терплю поделом.

Ох, ива, зеленая ива.

Не плачь, говорит он, не порть красоты.

Ох, ива, зеленая ива.

Я к женщинам шляюсь, шатайся и ты.

Ох, ива, зеленая ива.

Ну хорошо, ступай. Спокойной ночи.

Не знаю, что-то чешутся глаза.

К слезам, наверно?

Эмилия

Что вы!

Дездемона

Есть поверье.

Мужчины, ах, мужчины чудачки!

Скажи, Эмилия, ты допускаешь,

Что среди замужних женщин могут быть

Обманщицы такие?

Эмилия

Допускаю.

Дездемона

Могла бы ты в обмен на целый мир

Так поступить?

Эмилия

А вы бы не поступили?

Дездемона

Как перед Богом, я бы не могла!

Э м и л и я

Я тоже не могла бы перед Богом.

Но где-нибудь в потемках — отчего ж!

Д е з д е м о н а

Ты б изменила?

Э м и л и я

За такую плату?

За целый мир? Нешуточная вещь!

Огромный мир — не малость

За крошечную шалость.

Д е з д е м о н а

Нет, неправда,

Ты б не могла.

Э м и л и я. Ей-богу бы, могла! Сама пала бы, сама поднялась. Конечно, я бы этого не сделала за какое-нибудь жалкое колечко, два-три куска батиста, платье там какое-нибудь, юбку, шляпу и тому подобный вздор. Но за целый мир! Какая из нас не захотела бы украсить мужа рогами и положить потом целый мир к его ногам! Ради этого я пошла бы в чистилище.

Д е з д е м о н а

Проклятье мне, когда б могла я пасть

Хотя б за все сокровища вселенной!

Э м и л и я. Да вы сообразите, этот грех был бы частью вселенной, а вся она была бы вашей. В вашей воле было бы выдать это дело за что угодно другое.

Д е з д е м о н а

Я думаю, таких изменниц нет.

Э м и л и я. Дюжины, и сколько хотите в придачу. Можете не беспокоиться, этого добра хватит.

Мне кажется, в грехопаденьях жен

Мужья повинны. Значит, не усердны,

Или расходуются на других,
Или неосновательно ревнуют,
Или стесняют волю, или бьют,
Или распоряжаются приданым.
Мы не овечки, можем отплатить.
Да будет ведомо мужьям, что жены
Такого же устройства, как они,
И точно так же чувствуют и видят.
Что кисло или сладко для мужчин,
То и для женщин кисло или сладко.
Когда он нас меняет на других,
Что движет им? Погоня за запретным?
По-видимому. Жажда перемен?
Да, это тоже. Или слабоволье?
Конечно, да. А разве нет у нас
Потребности в запретном или новом?
И разве волей мы сильнее их?
Вот пусть и не корят нас нашим злом.
В своих грехах мы с них пример берем.

Д е з д е м о н а

Спокойной ночи. Я другого взгляда.
Пусть корят, я исправляться рада.

Уходят.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кирп. Улица.

Входят Яго и Родриго.

Яго

Стань за колонну. Он сейчас пройдет.
Внь меч и действуй разом, без раздумья.
Не унывай. Я буду за углом.
Смелее. Все поставлено на карту.
Мы выиграем или пропадем.

Родриго

Не уходи на случай неудачи.

Яго

Я буду рядом. Стань, где я сказал.
(Отходит в сторону.)

Родриго

Влеченья нет убить его. А надо —
Так Яго убедил меня. Ну что ж,
На свете будет меньше человеком.
(Становится за колонну.)

Яго

Родриго я, как прыщик, расчесал.
Он распалился. Кто кого заколет?
Он Кассио, иль Кассио его,
Или друг друга оба? Всё на пользу.
Останется Родриго жив — изволь
Обратно отдавать ему подарки
Для Дездемоны. Этому не быть.

А уцелеет Кассио — любуйся
Век на его счастливую звезду
И на свое уродство. Так не будет.
К тому же мавр расскажет как-нибудь,
Как я оклеветал его. Опасно.
Он должен умереть. Вот он идет.

Входит К а с с и о.

Р о д р и г о

Его походка. Смерть тебе, бездельник!
(Бросается на Кассио.)

К а с с и о

Действительно пришел бы мне конец,
Когда б на мне не этот прочный панцирь.
Каков, посмотрим, твой.
(Ранит Родриго.)

Р о д р и г о

О, я убит!

Из засады выбегает Я г о, наносит Кассио сзади удар в ногу
и скрывается.

К а с с и о

Я искалечен навсегда. Убийство!
Убийство!

(Падает.)

В глубине показывается О т е л л о.

О т е л л о

Это Кассио кричит,

И Яго исполняет обещанье.

Родриго

О, я подлец!

Отелло

Да, ясно, это он.

Кассио

Огня! Врача! На помощь!

Отелло

Он, конечно!

Поборник чести, неподкупный друг,
Ты мне пример, суровый мститель Яго,
Как тверд в решеньях должен быть и я.
Лебедушка, любовник твой заколот.
Пора тебе за ним. Я не смягчусь
От вида твоего и все, тобою
Совершенное, твою кровью смою.

(Уходит.)

Входят Лодовико и Грациано.

Кассио

Неужто ни живой души кругом?
Ни караульчиков, ни пешеходов?
Сюда! Скорей!

Грациано

Какая-то беда.

Ужасный крик.

Кассио

На помощь!

Лодовико

Вы слышали?

Родриго
О негодяй!

Лодовико

По звуку голосов,
Здесь двое или трое. Без подмоги
Не подходите. Может быть, кричат,
Чтоб заманить нас в темноте в ловушку.

Родриго

Как, никого? Я кровью истеку!

Лодовико

Слыхали?

Возвращается Яго с факелом.

Грациано

Вот вооруженный кто-то,
С огнем, полураздетый.

Яго

Кто кричал?

Кто призывал на помощь? Где убийство?

Лодовико

Не знаем.

Яго

Вы не слышали?

Кассио

Сюда!

Сюда! Во имя неба! Помогите!

Яго

В чем дело?

Грациано

Кажется, я узнаю

Поручика Отелло.
Лодовико Угадали.
Он молодец. Не струсит.
Яго Кто кричал?
Откликнись!
Кассио Яго, это ты? Я гибну.
Ночной разбой какой-то! Помогите!
Яго О боже! Лейтенант? А где злодеи?
Удрали?
Кассио Кажется, один из них
Лежит, не встанет.
Яго Что за безобразье!
Где негодяи? Я им покажу!
(Лодовико и Грациано.)
А вы кто? Помогите.
Родриго Помогите!
Кассио Вот нападавший.
Яго Подлый душегуб!
(Наносит Родриго удар кинжалом.)
Родриго Предатель Яго! Лютый пес смердящий!
Яго Подкалывать прохожих в темноте!

А где другие? Город словно вымер.
Убили человека! Вы-то кто?
С благими умыслами или злыми?

Лодовико

Всмотритесь лучше.

Яго

Лодовико, вы?

Лодовико

Я.

Яго

Виноват. На Кассио напали
Грабители.

Грациано

На Кассио?

Яго

Ну как?

Кассио

Мне ногу раздробили.

Яго

Боже правый!

Огня! Рубашкою перевяжу.

Входит Бианка.

Бианка

Кто звал на помощь? Что тут происходит?

Яго

Вот потерпевший.

Бианка

Кассио родной!

Мой Кассио! Мой Кассио родимый!

Яго

Заведомая уличная тварь.

У вас ни на кого нет подозрений?

К а с с и о

Ни на кого.

Г р а ц и а н о

Мне жалко, лейтенант,
Что застаю вас в этом положенье.
Я вас как раз разыскивал.

Я г о

Никто

Не даст мне лоскутка для перевязки?
Достать носилки б и отнести домой.

Б и а н к а

Он в обмороке! Кассио!

Я г о

Уверен,
Что эта дрянь — сообщница убийц.
Хочу исследовать другое тело.
Огня сюда. Кто это предо мной?
Никак, согражданин мой и приятель
Родриго? Мыслимо ли? Это он!

Г р а ц и а н о

Родриго из Венеции?

Я г о

Он самый.

Вы знаете его?

Г р а ц и а н о

Да.

Я г о

Виноват.
Грацьяно? Как же! Что за близорукость!
В переполохе я вас не узнал.

Г р а ц и а н о

Рад видеть вас.

Я г о

Ну, Кассио, очнулись?

Носилки очень надо бы сюда.

Г р а ц и а н о

Родриго? Неужели?

Я г о

К сожаленью.

А вот носилки.

Вносят носилки.

Милые друзья,

Снесите кто-нибудь поосторожней

Домой его, а я приду с врачом.

(Бианке.)

Сударыня, вам вредно волноваться.

Лежащий тут убитый, господа,

Был другом мне. — Что, Кассио, скажите,

Произошло меж вами?

К а с с и о

Ничего.

Я человека этого не знаю.

Я г о *(Бианке)*

Вы побледнели? — Унесите труп.

Вниманье, господа. — Бледнеть не надо. —

Заметьте, как растеряна она.

Наверно, не с добра глаза тарачит,

И скоро мы узнаем кое-что.

Винодность отражается во взгляде.

Дурная совесть говорит без слов.

Входит Эмилия.

Эмилия

Что тут случилось? Что случилось, Яго?

Яго

На Кассио напали в темноте
Родриго с кем-то. Все они бежали.
Он ранил Кассио, а сам убит.

Эмилия

Ах, бедный Кассио! Бедняк Родриго!

Яго

Смотри, вот плод распутства. Расспроси
У Кассио, где ужинал он нынче.

(Бианке.)

Трепещете?

Бианка

Он ужинал со мной,
Однако я не трепещу нисколько.

Яго

Он с вами был? Вас надо задержать.

Эмилия

Бессовестная шлюха!

Бианка

Я не шлюха,
А женщина такая же, как вы.
А вы крикунья.

Эмилия

Этакая наглость!

Яго

Друзья, пойдемте лучше последим

За перевязкой Кассио.

(Бианке.)

Пойдемте,

Потребуется показанья дать.

Эмилия, голубка, сбегай в замок,

Скажи им про ночной переполох.

(В сторону.)

Вперед! Сегодняшняя ночь, быть может,

Меня возвысит или уничтожит.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Спальня в замке.

Дездемона в постели. Горит свеча. Входит Отелло.

Отелло

Таков мой долг. Таков мой долг. Стыжусь

Назвать пред вами, девственные звезды,

Ее вину. Стереть ее с земли.

Я крови проливать ее не стану

И кожи не коснусь, белей чем снег

И глаже алебастра. И однако,

Она умрет, чтоб больше не грешить.

Задую свет. Сперва свечу задую,

Потом ее. Когда я погашу

Светильник и об этом пожалею,

Не горе — можно вновь его зажечь,

Когда ж я угашу тебя, сиянье

Живого чуда, редкость без цены,

На свете не найдется Прометея,
Чтоб вновь тебя зажечь, как ты была.
Должна увянуть сорванная роза.
Как ты свежа, пока ты на кусте!

(Целует Дездемону.)

О чистота дыханья! Пред тобою
Готово правосудье онеметь.
Еще, еще раз. Будь такой по смерти.
Я задушу тебя — и от любви
Сойду с ума. Последний раз, последний.
Так мы не целовались никогда.
Я плачу и казнь, совсем как небо,
Которое карает, возлюбив.
Она проснулась.

Дездемона

Это ты, Отелло?

Отелло

Да, Дездемона.

Дездемона

Ты не ляжешь спать?

Отелло

Ты перед сном молилась, Дездемона?

Дездемона

Да, дорогой мой.

Отелло

Если у тебя

Есть неотмоленное преступленье,

Молись скорей.

Дездемона

Что хочешь ты сказать?

Отелло

Молись скорее. Я не помешаю.

Я рядом подожду. Избави бог
Убить тебя, души не подготовив.
Дездемона
Ты о моем убийстве говоришь?
Отелло
Да, об убийстве.
Дездемона
Господи помилуй!
Отелло
Аминь всем сердцем!
Дездемона
После этих слов,
Я верю, ты губить меня не станешь.
Отелло
Гм!
Дездемона
Но ты меня пугаешь. Ты зловец,
Когда возвращаешь в бешенстве глазами,
И как я ни чиста перед тобой,
Мне страшно.
Отелло
О грехах своих подумай.
Дездемона
Единственный мой грех — любовь к тебе.
Отелло
За это ты умрешь.
Дездемона
Бесчеловечно
Отплачивать убийством за любовь!
Что ты кусаешь губы в исступленье?
Недобрый знак, но я его отнесть
К себе никак, никак не в состоянье.

Отелло
Молчи!
Дездемона
Молчу. Но что произошло?

Отелло
Ты подарила Кассио на память
Подарок мой, платок.
Дездемона
Неправда, нет.
Спроси у Кассио. Души спасеньем
Клянусь, что нет!

Отелло
Опомнись! Берегись!
Не будь клятвопреступницею. Это
Твой смертный одр.
Дездемона
Увы, как всякий одр
Когда-нибудь.

Отелло
Нет, ты умрешь сегодня.
Сейчас же исповедай все грехи.
Не отрицай их. Это не поможет.
Я знаю все. Хоть это свыше сил,
Но ты умрешь.
Дездемона
Тогда о сжался, небо!

Отелло
Аминь, скажу я.
Дездемона
Пожалей и ты.
Я в жизни пред тобой не провинилась

И к Кассио питала только то,
Что чувствовать нас заповеди учат.

Отелло

Я видел сам платок в его руках.
Меня обман твой превращает в камень,
А эту искупительную смерть —
В закоренелой грешницы убийство.

Дездемона

Тогда он где-нибудь его нашел.
Платка ему я в жизни не давала.
Спроси, он подтвердит.

Отелло

Он подтвердил.

Дездемона

Что он сказал?

Отелло

Что был с тобой в сношеньях.

Дездемона

Как! В незаконном?

Отелло

Да.

Дездемона

Не может быть!

Он повторить не сможет.

Отелло

Да. Не сможет.

Он смолк навек. Труд этот на себя
Взял честный Яго.

Дездемона

Оправдались страхи!

Я чувствовала! Кассио убит?

Отелло
Ему б не помогло, когда бы жизнью
В нем было больше, чем волос.

Дездемона
Беда!
Он ложно оклеветан, я погибла.

Отелло
Распутница, как смеешь ты при мне
Рыдать о нем?

Дездемона
Сошли меня в изгнание,
Но жить оставь!

Отелло
Обманщица, умри!

Дездемона
Дай эту ночь прожить! Отсрочь на сутки!

Отелло
Спротивляться?!

Дездемона
Только полчаса!

Отелло
Нет. Поздно. Решено.

Дездемона
Еще минуту!
Дай помолиться!

Отелло
Поздно чересчур.
(*Душит ее.*)

Эмилия (*за сценой*)
Впустите, генерал, меня! Впустите!

Отелло
За дверью шум. Жива! Еще жива?

Я — изувер, но все же милосерден
И долго мучиться тебе не дам.
Так. Так.

(Закалывает ее.)

Эмилия *(за сценой)*

Впустите, генерал, меня! Впустите!

Отелло

Кто там?

Эмилия *(за сценой)*

Словечко только, генерал!

Отелло

Эмилия! Наверно, с сообщением
О смерти Кассио! Сейчас. Сейчас.
Теперь она не вздрагивает больше.
Прошелестело что-то. Тишина.
Теперь она недвижна, как могила.
Впустить ли мне Эмилию иль нет?
Мне кажется, опять пошевелилась.
Нет, показалось. Лучше не впускать.
Едва она войдет, как обратится
К моей жене. Жене? Какой жене?
Нет больше у меня жены на свете.
Какой доселе небывалый час!
Как будто в мире страшное затмение,
Луны и солнца нет, земля во тьме
И все колеблется от потрясения.

Эмилия *(за сценой)*

Пожалуйста, впустите, генерал!

Мне срочно сообщить вам что-то надо.

Отелло

Эмилия. О ней я и забыл.

Сию минуту. Я задерну полог.

(Открывает дверь.)

Пожалуйста, войдите.

Входит Эмилия.

Эмилия

Генерал,

На улице убийство.

Отелло

Быть не может!

Когда? Сейчас?

Эмилия

Недавно, генерал.

Отелло

Влияние Луны. Она, как видно,
Не в меру близко подошла к Земле
И сводит всех с ума.

Эмилия

Венецианец,

По имени Родриго, умерщвлен
Рукою Кассио.

Отелло

Убит Родриго

И Кассио?

Эмилия

Нет, Кассио не убит.

Отелло

Он жив? Напрасное кровопролитье!

Дездемона

Убили неповинно, без вины!

Эмилия

Чей это крик?

Отелло

Какой? Кричали разве?

Эмилия

О ужас! Это голос госпожи!
На помощь! Помогите! Помогите!
Скажите, Дездемона, что-нибудь!

Дездемона

Безвинно умираю.

Эмилия

Кто убийца?

Дездемона

Никто. Сама. Пускай мой муж меня
Не поминает лихом. Будь здорова.
(Умирает.)

Отелло

Кто это сделал?

Эмилия

Это скрыто тьмой.

Отелло

Вы слышали, никто, она сказала.

Эмилия

Да, госпожа сказала, что никто.

Отелло

За эту ложь ее сожгут в геенне.
Ее убийца я.

Эмилия

Тогда она

Тем больший ангел, чем ты больший дьявол.

Отелло

Она развратничала и лгала.

Эмилия

Нет, сам ты лжешь и на нее клеветешь!

Отелло

Она была коварна, как вода.

Эмилия

А ты безумен и горяч, как пламя.

Она была до святости верна.

Отелло

Ее любовник Кассио. Ты можешь
Спросить у мужа. Разве я б посмел
Расправиться без важных оснований?
За это ада было б мало мне
И глубочайшей бездны бездн. Все это
Установил твой муж.

Эмилия

Мой муж?

Отелло

Твой муж.

Эмилия

Сказал, что Дездемона изменяла?

Отелло

Да, с Кассио. Не эта бы беда,
Так я б на целый мир из хризолита
Не променял ее.

Эмилия

Мой муж?

Отелло

Ну да.

Он первый мне открыл глаза. Твой Яго
Высокой нравственности человек,
Враг мерзости.

Эмилия

Мой муж?

Отелло

Какая польза

В несчетном повторенье? Да, твой муж.

Эмилия

Ах, подлость насмеялась над любовью!

Мой муж приписывал неверность ей?

Отелло

Ты этих слов не понимаешь, что ли?

Ее проделки мне разоблачил

Твой муж и друг мой верный, верный Яго.

Эмилия

Ну, если сам ты на него не врешь,

Пускай его поганая душонка

Гниет века по полкрупинки в день.

Он страшный лжец! Она ценила слишком

Тебя, свое сокровище.

Отелло

Ха-ха!

Эмилия

Что ж, смейся и язви, любитель правды.

Ты так же мало понимаешь в ней,

Как оценить жены не в состоянье.

Отелло

Помалкивайте.

Эмилия

Ты мне не грози!

Ты мне не в состоянье сделать больше,

Чем я уже и так переношу.

Глупец, болван! Бесчувственный, как камень!

Что мне твой меч? Хоть двадцать раз убей,

Я обличу тебя. Сюда! На помощь!

На помощь! Мавр убил свою жену!
Убийство! Люди добрые, убийство!

Входят Монтано, Грациано, Яго и другие.

Монтано

В чем дело, генерал?

Эмилия

Ты подоспел

Удачно, Яго. Что ж ты позволяешь
Другим валить убийство на тебя?

Грациано

В чем дело?

Эмилия

Яго, если ты мужчина,

То опровергни выдумки лжеца.

Он говорит, что ты его уверил

В измене Дездемоны. Это ложь.

Ты на такую подлость не способен.

Изобличи при всех клеветника.

Яго

Я то сказал, что думал, и не больше,

Чем он потом проверил.

Эмилия

Ты сказал,

Что Дездемона изменяет браку?

Яго

Сказал.

Эмилия

Так ты сказал сплошную ложь,

Заведомую ложь, как перед Богом!

Она — и Кассио! Ты не шутя
Любовником к ней Кассио припутал?

Я го

Да, Кассио. Язык свой прикуси!

Э м и л и я

Не прикушу. Мой долг — сказать вам правду.
Не шутка это. Госпожа моя.
Лежит убитая в своей постели.

М о н т а н о и Г р а ц и а н о

Помилуй бог!

Э м и л и я

И твой навет виной.

О т е л л о

Не стойте в изумленье. Это правда.

Г р а ц и а н о

Чудовищная правда!

М о н т а н о

Страшный сон!

Э м и л и я

Какая подлость, низость! Неотступно
Все время мысль одна меня сверлит.
Я что-то вспоминаю, вспоминаю,
Так точно я и думала тогда.
Мне жить не хочется, такая подлость!

Я го

Ты очумела? Уходи домой!

Э м и л и я

Вступитесь, господа! Бывало, мужа
Я слушалась, но больше не должна.
Я все скажу. Домой, быть может, Яго,
Я больше никогда не попаду.

Отелло

О! О! О! О!

(Падает на постель.)

Эмилия

Кричи, катайся, падай.

Ты умертвил чистейшую из всех,

Кого знал мир.

Отелло *(поднимаясь)*

Она была распутна. —

Вы это, дядя? Я вас не узнал.

Вот мертвая племянница пред вами.

Я задушил ее. Я знаю сам,

Как это страшно и невероятно.

Грациано

Бедняжка Дездемона! Хорошо,

Что умер твой отец. Твой выход замуж

Свел в гроб его. И если б он был жив,

Он перед этим зрелищем от горя

Наговорил таких бы богохульств,

Что умер бы, забытый Провиденьем.

Отелло

Смертельная тоска! Нельзя глядеть!

Но Яго выяснил. Она без счету

Распутничала с Кассьо. Лейтенант

Признался сам. Я знак ее вниманья

Видал в его руках. Тот самый знак,

Который я ей подарил на свадьбу, —

Платок отца, дар матери моей.

Эмилия

О силы неба!

Яго

Замолчи, ты слышишь?

Э м и л и я

Не замолчу! Скажу все до конца.
Пусть речь моя шумит, как вольный ветер.
Теперь уже ни человек, ни зверь,
Ничто, ничто меня не остановит!

Я г о

Опомнись! Уходи!

Э м и л и я

Я не уйду!

Яго пытается заколоть Эмилию.

Г р а ц и а н о

Позор! С мечом на женщину бросаться!

Э м и л и я

Пустоголовый мавр, я на полу
Нашла платок и показала Яго.
Он все просил меня его украсть,
Вот я и отдала ему находку.

Я г о

Бесстыжая, молчи!

Э м и л и я

А ты решил,
Что у него платок от Дездемоны?
Ошибся. Я нашла, а Яго взял.

Я г о

Ты лжешь, мерзавка!

Э м и л и я

Нет, не лгу, неправда.
Все это так и было, господа.
Ах, черт слепой! Но что и было делать
С такой женой такому дураку?

О т е л л о

Как терпит небо? Нет громов в запасе?
Какой неописуемый злодей!

Отелло пытается заколоть Яго, но Монтано обезоруживает его.
Яго убивает Эмилию и убегает.

Г р а ц и а н о

Упала. Он убил свою жену!

Э м и л и я

Кончаюсь... С госпожою положите...

Г р а ц и а н о

Убил и в суматохе убежал.

М о н т а н о

Невиданный подлец! Вооружитесь
Мечом, который я у мавра взял,
И охраняйте выход. Не пускайте
Его за дверь, хотя б пришлось убить,
Я брошусь за разбойником в погоню.

В с е , к р о м е О т е л л о и Э м и л и и , у х о д я т .

О т е л л о

Я присмирел. Любой молокосос
Теперь меня обезоружить может.
Но можно ль честь блюсти без правоты?
Не стало правды, пусть и все уходит.

Э м и л и я

Вот почему ты пела, госпожа!
Я тоже кончусь с лебединой песнью
И тоже иву-ивушку спою.
Она была чиста, кровавый мавр.

Она тебя любила, мавр жестокий.
Душой клянусь, я правду говорю
И с этим умираю, умираю.
(Умирает.)

Отелло

Был в комнате другой в запасе меч.
Он закален в ручье, как лед холодном.
Вот он. Пустите, дядя. Я пройду.

Грациано (за сценой)

И не пытайся. Дорого заплатишь.
Ты без оружия и покорись.

Отелло

Тогда войдите, я скажу вам что-то.
А то и безоружный я прорвусь.

Входит Грациано.

Грациано

Ну, что ты скажешь?

Отелло

Я не безоружен.
Вы видите, вот меч, из всех мечей,
Бывавших у солдата, наилучший.
Бывало, я прокладывал им путь
Сквозь лес препятствий пострашнее ваших.
Но что же я хвалюсь? Теперь не то.
Кто управляет собственной судьбою?
Я не опасен, хоть вооружен.
Все пройдено, я у конечной цели.
Зачем вы в страхе пятитесь назад?
Тростинкой преградите путь Отелло,
И он свернет. Куда ему идти?

О девочка с несчастною звездою!
Ты сделалась бледнее полотна.
Когда-нибудь, когда нас в день расплаты
Введут на суд, один лишь этот взгляд
Меня низринет с неба в дым и пламя.
Похолодела. Холодна как лед.
Как чистота сама. Убийца низкий!
Плетьми гоните, бесы, прочь меня
От этого небесного виденья!
Купайте в безднах жидкого огня!
О горе! Дездемона! Дездемона!
Мертва! О! О! О! О!

Входят Лодовико и другие.
Кассио вносят на носилках, вводят арестованного Яго.

Лодовико

Где этот пылкий бедный человек?

Отелло

Который был Отелло? Я пред вами.

Лодовико

А где ехидна эта? Подвести

Сюда злодея.

Отелло

Я копыт не вижу.

Наверно, сказки. Если это черт,

Убить его мечом мне не удастся.

(Ранит Яго.)

Лодовико

Взять у него оружие.

Яго

Я в крови,

Но жив еще.

Отелло

Об этом не жалею.

Живи в мученьях. Счастье умереть.

Лодовико

Такой когда-то доблестный Отелло,

Который стал игрушкой подлеца,

Как мне назвать тебя?

Отелло

Как вам угодно.

Убийцей честным... Я не в гневе мстил,

А жертву чести приносил, как думал.

Лодовико

Я знаю. Этот изверг все сказал.

Вы также Кассио убить хотели?

Отелло

Да.

Кассио

К чему я повода не подавал.

Отелло

Простите. Вижу, как я ошибался.

А этому исчадью сатаны

Нельзя ль задать вопрос, с какой он целью

Моей душой и телом овладел?

Яго

Все сказано. Я отвечать не стану

И не открою рта.

Лодовико

И для молитв

В последний час?

Грациано

Мы пыткой рот откроем.

Отелло

Вот именно.

Лодовико

Узнайте, генерал,
Подробности. В кармане у Родриго
Нашли письмо от Яго. Совершить
Убийство Кассьо должен был Родриго
По наущенью Яго.

Отелло

Негодяй!

Кассио

Немыслимый!

Лодовико

А вот письмо другое.
Его писал Родриго. В нем отказ
От покушенья и других проделок,
Внушенных Яго. Данное письмо
Осталось неотосланным. Мошенник
Уговорил Родриго.

Отелло

Демон зла!

Скажите, Кассио, как очутился
У вас в руках платок моей жены?

Кассио

Платок нашел я у себя в квартире,
А, как признался Яго, он ко мне
Платок подбросил, с тем чтоб он попался
Потом вам на глаза.

Отелло

О я глупец!

О я глупец!

К а с с и о

В своем письме Родриго
Пеняет Яго, для чего в ту ночь
Он к соре подстрекал его со мною, —
За что я и уволен. А сейчас
Лежавший долго замертво Родриго
Очнулся и пред смертью показал,
Что Яго же его и уничтожил.
Навел на грех, а после заколол.

Л о д о в и к о

Оставьте этот дом, Отелло, с нами
Пойдемте. Знайте, вы отрешены
От должности. Правителем на Кипре
Назначен Кассио. Что до раба
До этого, он будет предан казни,
Какую только можно изобрести,
Чтоб долго мучить и убить не скоро.
Вас нам придется взять под караул
На весь тот срок, пока мы не доложим
О вашем преступлении в сенат.
Пойдемте. Выведите заключенных.

О т е л л о

Сперва позвольте слово или два,
Потом пойдем. Я оказал услуги
Венеции. Но это знают все.
Речь не о том, я вот с какою просьбой:
Когда вы будете писать в сенат
Об этих бедах, не изображайте
Меня не тем, что есть. Не надо класть
Густых теней, смягчать не надо красок.
Вы скажете, что этот человек

Любил без меры и благоразумья,
Был не легко ревнив, но в буре чувств
Впал в бешенство. Что был он, как дикарь,
Который поднял собственной рукою
И выбросил жемчужину, ценней,
Чем край его. Что, в жизни слез не ведав,
Он льет их, как целебную смолу
Роняют аравийские деревья.
Прибавьте к сказанному: как-то раз
В Алеппо турок бил венецианца
И поносил сенат. Я подошел,
За горло взял обреза-ца-собаку
И заколол. Вот так.

(Закалывается.)

Л о д о в и к о

Всему конец.

Г р а ц и а н о

Я потрясен!

О т е л л о

С прощальным поцелуем

Я отнял жизнь твою и сам умру,

Пав с поцелуем к твоему одру.

(Падает на постель и умирает.)

К а с с и о

Я опасался этого, но думал,

Что он разоружен. Он был во всем

Большой души.

Л о д о в и к о *(Яго)*

Спартанская собака,

Что буря, мор и голод пред тобой?

Взгляни на страшный груз постели этой.

Твоя работа. Силы нет смотреть!

Укройте их. Займите дом, Грацияно.
Вступите во владенье всем добром,
Оставшимся от мавра. Вы наследник.

(Кассио.)

Вам, господин правитель, отдаю
Судить злодея. Выберите кару,
Назначьте день и совершите казнь.
А я про эту горькую утрату
С тяжелым сердцем доложу сенату.

Уходят.

Александр Блок

Тайный смысл трагедии «Отелло»

(К постановке в Большом
драматическом театре)

Шекспировская трагедия «Отелло» считается у многих совершеннейшим из творений Шекспира. Ее склонны были считать иногда совершеннейшим драматическим творением в мире.

Не потому ли очень распространено такое мнение, что нет в этой трагедии ничего существенного, что не могло бы произойти во все века, при всех условиях, в любой среде? Не стоит принимать во внимание милых всем нам шекспировских архаизмов, вроде того, что действующие лица поминают римских богов. Независимо от этого, мы замечаем, что психологический чертеж трагедии идеально точен, необычайно верен; нет потребности убавить, как нет нужды и прибавить что-нибудь к этому чертежу для того, чтобы он стал понятнее и ближе людям иных столетий.

Александр Александрович Блок (1880—1921) — великий русский поэт. Статья написана в 1920 году к первой годовщине создания в Петрограде Большого драматического театра. Александр Блок был первым председателем дирекции (аналог сегодняшнего совета директоров) БДТ. Блок стал «душой и идеологом» БДТ («История советского драматического театра»). Он считал необходимым «выработать и продиктовать государственным театрам свой репертуар». И этот репертуар должен быть классическим, такую тенденцию «надо навязывать, надо проводить упрямо и неуклонно».

В одних эпохах, в одних людях эти страсти действуют, выступают на поверхность, дают знать о себе с неудержимой силою; в других — они дремлют, может быть и вовсе умолкают; но они неизменно присутствуют в человеке, и извержение этих страстей начнется — только стоит их разбудить. Отрицание их было бы отрицанием жизни; оно было бы равносильно отрицанию природных явлений, отрицанию того факта, что земная кора еще не отвердела, существуют на земле вулканы с открытыми кратерами, вулканы приходят в действие.

Шекспировский «Отелло» устареет в те времена, когда изменимся мы; когда мы улетим от Солнца, когда мы начнем замерзать, когда на Земле вновь начнется другое, не наше движение — поползут с полюса зеленоватые, похрустывающие, позвякивающие глетчерные льды.

Для чего же было изображать движения человеческой души с такой фотографической верностью, с такой страшной правильностью? Зачем обезьянить? Неужели правда, что художник — только жалкая обезьяна природы, *scimia della natura*? Неужели, наконец, спрашиваем мы, у самих нас не хватает потрясений и катастроф в наших сумасшедших годах и днях, чтобы будить этот хаос еще и на сцене, совать в руки зеркало, где мы увидим собственное обожженное, обугленное, обезображенное гримасой страдания лицо?

Или мы надеемся увидеть какой-то свет сквозь эту черную ночь? Сквозь ночь жизни мы этого света не видим; жизнь — сумасшедшая, она и нас хочет свести с ума. Если художник подражает ей, — проклятие этому художнику! Проклятие бездарному врачу, который роется скальпелем в открытых ранах человека, все равно обреченного смерти!

Или, в самом деле, этот старый Шекспир не только подражает жизни, не только воспроизводит действительность, но как-то преображает жизнь, показывает, что она, черная, бессмысленная, проклятая, — проникнута каким-то тайным смыслом?

Приступая к работе над «Отелло», мы говорим свое *да* этому старому произведению человеческого художественного творчества. Если мы говорим ему *да*, если мы думаем, что его надо сейчас вновь и вновь вводить в сознание людей, если мы видим в нем острую, режущую молнию, которая способна пронизать и озарить эту тупую, серую, мягкую, дряблую темноту и черноту облаков, нависших над ленивой, праздной, недостойной русской душой, — то мы сами себе, прежде всего, должны отдать отчет — для чего и во имя чего мы это делаем и на что надеемся?

Мы должны показать воочию, что весь тот ужас, который мы изображаем, открывает безмерные и светлые дали. Мы должны показать, что не омерзительна, не постыла, не гнусна вся эта история о стареющем, некрасивом мавре, который полюбил прекрасную женщину, почти девочку, бесконечно моложе себя, наделенную всеми добродетелями, что не спасло ее, однако, от бессмысленной и жестокой смерти: стоило какому-то низкому мерзавцу оклеветать прекрасную женщину — и вот она уже задушена в мягких подушках черной рукой озверевшего, сошедшего с ума солдата; подлецу-клеветнику связали руки, его повесят; мавр зарезался сам; «грустное событие»*, — говорит автор устами какого-то среднего человека в заключение рассказанного им происшествия.

Мы об этом читаем и рассуждаем, а в эту минуту, конечно, это самое и происходит где-нибудь. На свете сейчас больше, чем когда-либо, бессмысленных солдат со здоровыми кулаками, а также и клеветников и мерзавцев, которые по малому поводу, больше «ради искусства», клеветают и творят свои мерзости. На свете немало также и честных и прекрасных женщин.

Таким был бы натуралистический подход к трагедии «Отелло». Она допускает и его, но нам он не нужен, нам нужен подход романтический.

Отчего мерзость, которая творится где-то сейчас, в эту минуту, есть мерзость и уголовщина, а то, о чем думаем мы, не есть мерзость и уголовщина?

* Перевод П. И. Вейнберга.

Как легко, как страшно легко, мало того, как заманчиво для художника сделать одно похожим на другое! Какой для этого под руками богатый материал! Посмотрите на толстую морду, налитую кровью, на улице — и вы уловите черты, которые были и в Отелло; посмотрите на сухое лицо прохожего, глаза которого избегают ваших глаз, — и вы уловите черты Яго; посмотрите на розовую, белокурую девушку с удивительно ясными глазами — вы вспомните об иве Дездемоны. Вечная троица, непреходящее, неизбывное.

Какой же тайный смысл во всем этом? Об этом я и хочу сказать — сказать о том, что мне видится, что хотелось бы увидеть на сцене.

Отелло полюбил Дездемону не только потому, что ее белокурая красота взбунтовала его черную кровь; не потому, что расовая, родовая, кровная противоположность бросила его к ней; не потому, что она полна всех добродетелей — чистоты, невинности, доброты, благородства. Лучше сказать так, что все эти причины налицо, их не уберешь, они слишком несомненны для того, чтобы за ними не искать одной, главной, первой причины. Причина эта в том, что в Дездемоне Отелло нашел *душу свою*, впервые обрел собственную душу, а с нею — гармонию, строй, порядок, без которых он — потерянный, несчастный человек. «Когда я перестану любить тебя, наступит опять хаос». Отелло стоял на том пути, конечной целью которого было обретение души, обретение Дездемоны. Он свою беспутную душу опутал службой чужому народу; он заковал в латы свои вены, в которых билась безрассудная черная кровь. Наградой за это долгое сдерживанье стихийных страстей, почти безудержных сил, была душа, была Дездемона. Награда безошибочная, ничем, казалось бы, не смутимая. Дездемона вырвала его из «адских бездн», которые иначе неминуемо поглотили бы его. Встреча их была предопределена высшей силой. Шекспир поднимает занавес над Отелло тогда, когда он уже встретился с Дездемоной, когда он обрел свою душу. Поэтому с первой минуты мы хотим видеть Отелло окруженным каким-то сиянием, пронизанным, светящимся изнутри каким-то необычайным светом и потому

непохожим на обыкновенных рядовых людей, толпящихся вокруг него.

Дездемона увидела мавра в доме своего отца. Он рассказывал, очевидно, с восточным красноречием, со всей страстью, какой наделила его природа, о необыкновенных опасностях, которые гнались за ним по пятам в течение его долгой, страшной, боевой жизни. Конечно, она сразу женственным чутьем узнала и поняла, чем будет для нее он, что для него она. Оттого она слушала с таким жадным участием, оттого она и плакала. Она сразу снизила на него и осенила его Духом Святым. Все остальное необходимое и прелестное психологическое прибавление к несказанному и необъяснимому, к той единственной, первой и главной причине его любви, о которой он так наивно и так верно сказал:

Она меня за муки полюбила,
А я ее — за состраданье к ним*.

Поэтому не добродетель, не чистота, не девичья прелесть Дездемоны отличают ее от окружающих; ее отличает, прежде всего, то необыкновенное сияние, которым она озарила и своего жениха. Я отказываюсь говорить поэтому о добродетелях, которыми обладает Дездемона; она — сама добродетель, она сама и есть та несказанная сущность, которая снизошла на мавра. Дездемона — это гармония, Дездемона — это душа, а душа не может не спасти хаоса. Много человеческой воли употребила Дездемона на то, чтобы уйти от отца, отправиться на Кипр вслед за Отелло и так далее, но не по своей воле она полюбила, и это — главное, что надо показать для того, чтобы тайный смысл трагедии был явлен.

Трагедия не была бы трагедией, она была бы мистерией (в ней есть все элементы мистерии), если бы в ней не участво-

* Перевод П. И. Вейнберга.

вало третье, столь же необходимое, как первые два, лицо; лицо это — Яго.

Яго завидует Отелло? — Да, это так. Яго ненавидит Отелло за то, что им командует менее достойный его Кассио? — Да, так. Яго подозревает, что его жена изменяла ему с Отелло? — Да. Яго мстит? — Бесспорно. Неудачник? — Да, и это.

Чем бесспорнее все это, чем это более похоже на действительность (а все это — чудовищно похоже на нее), — тем яснее, что главная причина, причина единственная, автором опять не указана. Причина кроется в том, что Яго не может действовать иначе, чем он действует, потому что не своею волей действует он. Оттого такая удивительная удача — вплоть до мелочей — следует за этим неудачником, оттого так стремительно воплощается весь его адский план, что план его — действительно адский, что не в переносном смысле руководят действиями Яго темные силы; оттого, что мир устроен так, что не могут не выступить на сцену темные силы там, где началась мистерия; оттого, что на путях, уготованных Господу, не может не начаться дьявольская работа, «страшней» которой «свершить ничего нельзя». Дьявол не может не будить хаоса.

Вот почему нет в Яго этих нарочито отвратительных черт, нет в его наружности ничего гнусного, что грубо бросилось бы в глаза; это — не простой мерзавец, это — «дорогой мерзавец». «Честный Яго» — так зовут его все, и это — правда, остающаяся правдой до конца, ибо честно стоит Яго на своем черном и дьявольском пути, честно служит он черту, честно отдает ему всю силу своего недюжинного ума и таланта. Потому хотелось бы видеть и Яго так же непохожим на всех окружающих, как непохожи Отелло и Дездемона. Только он светится изнутри иным, темным огнем, какое-то черное сияние окружает его, и кажется все время, что если неожиданно ночью осветить его фонарем, то на стене заплывет не тень поручика Яго, а какая-то другая, бесконечно уродливая и страшная тень.

Вот три действующих лица, которые ведут трагедию. Все остальные — удивительно живые, очень важные, очень ин-

тересные, одни больше, другие меньше, — стоят бесконечно далеко от этих трех. Они — пассивные жертвы происходящего, они в существе трагедии не участвуют, как не участвуют в существе жизни большинство людей; злые они или добрые, честные или плутоватые, — их не окружает никакое сияние; они — обыватели; их — много, а этих — всего три.

Если бы нам удалось должным образом поставить этот треугольник, вскрыть тот тайный смысл, которого не уберешь из трагедии Шекспира, мы, думаю, достигли бы многого, и достижения наши превзошли бы все ожидания, о которых мы только можем гадать и на которые можем надеяться.

Обнаружив тайный, скрытый в трагедии Шекспира смысл, мы достигнем того очищения, того катарсиса, который требуется от трагедии; тогда по-новому прозвучит нам заключительное слово о «грустном событии». Ужас озарится улыбкой грусти, как хотел этого Шекспир.

12 октября 1919

Впервые опубликовано: «Жизнь искусства», 19 и 21 октября 1919 года.
Было прочитано актерам БДТ 15 октября 1919 года.

МАКБЕТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дункан, король Шотландский.

Малькольм
Дональбайн } его сыновья.

Макбет, родственник короля } полководцы
Банко } Дункана.

Макдуф
Ленокс
Росс
Ментис
Ангус
Кэтнес } шотландские вельможи.

Флинс, сын Банко.

Сивард, граф Нортумберлендский,
английский полководец.

Молодой Сивард, его сын.

Сейтон, оруженосец Макбета.

Сын Макдуфа.

Английский врач.

Шотландский врач.

Сержант.

Привратник.

Старик.

Леди Макбет.

Леди Макдуф.

Придворная дама при леди Макбет.

Геката.

Три ведьмы.

Призрак Банко и другие призраки.

Лорды, знать, офицеры, солдаты,
убийцы, слуги и гонцы.

Место действия — Шотландия и Англия в середине XI века.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Пустошь. Гром и молния.
Появляются три ведьмы.

Первая ведьма

Когда слетимся на бузу
Под гром и молнию, в грозу?

Вторая ведьма

Когда утихнет лязг и визг,
А битву выиграют вдрызг.

Третья ведьма

Слетимся в час закатных брызг.

Первая ведьма

Куда?

Вторая ведьма

На пустошь.

Третья ведьма

Там из тьмы

Позырим на Макбета мы.

Первая ведьма

Уже мяучит Жмурка!

Вторая ведьма

Чу,

Жабенция зовет.

Третья ведьма

Лечу!

Все вместе
Уродство с красотой заквась
И когти рви сквозь мрак и мразь!

Исчезают.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Лагерь около Форреса. Шум битвы за сценой.

Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн,
Ленокс и свита; навстречу — окровавленный
сержант.

Дункан

Кто этот раненый? По виду он
О положение дел осведомлен.

Малькольм

Благодаря ему я не пленен.
Неустрашим в бою. Салют, мой друг!
Король хотел бы знать из первых рук
Об этой заварухе.

Сержант

Мертвой хваткой,
Как тонущие два пловца, друг в друга
Вцепившись, дрались мы. Жестокосердый
Макдональд (он мятежник — поискать, —
Вся мерзость, множась, вокруг него роилась)
Привел с собой ирландскую пехоту.
Фортуна, на его усилья глядя,
Ему подмахивала вроде шлюхи.

Но черта с два. Макбет Бесстрашный (имя
Бесстрашного он заслужил недаром)
Презрел Фортуну и мечом разящим,
Дымящимся горячей кровью, путь
Расчистил — друг отваги! — и предстал
Перед рабом лоб в лоб;
Затем, не мешкая, наотмашь
Раба располовинил, а его
Башкой украсил крепостную башню.

Д у н к а н

О доблестный кузен! Достойный муж!

С е р ж а н т

Но только луч рассветный глянул,
Как шквальный шторм и гром небесный грянул.
Заметь, король Шотландии, покой
С изнанки — буря. Лжив его покрой.
Удача с мужеством наперевес
Шла, наступая бунтарям на пятки,
Которые мелькали все быстрее, —
И тут норвежский принц пошел в атаку
Со свежей силой.

Д у н к а н

Испугав кого

Угодно, только не Макбета с Банко.

С е р ж а н т

Так воробья пугается орел
И зайца лев. По правде, мой король,
Сказать, они как два орудья рядом,
И каждое с двойным зарядом.
Заставят ли врага вонючей
Умыться кровью, чтобы эта буча

Ему голгофой стала... Мой король,
Мне худо, к помощи взывает боль.

Дункан

Что ж, честь ранению твоему, как и речам
Прекрасным. — Отвести его к врачам!

Сержанта уводят.

Кто это там?

Входят Росс с Ангусом.

Малькольм

Росс, досточтимый тан.

Ленокс

С необычайной, не иначе, вестью — столь
Взгляд тороплив!

Росс

Бог в помощь, мой король!

Дункан

Откуда ты, достойнейший?

Росс

Из Файфа.

Норвежские знамена были там
Пощечиною небесам и нам.
Король их с войском и Кавдорский тан,
Предатель из предателей, всюю
Теснили нас, пока жених Беллоны,
Во всеоружье, с ними не вступил
В единоборство, зуб за зуб и око
За око, обуздав спесивый пыл
Бунтовщиков. И снизошла победа.

Дункан

Великолепно!

Росс

Свено, их король,
Теперь печется об условиях сдачи;
Но мертвых он не ранее предал
Земле, чем заплатил нам десять тысяч
На острове Святого Кольма.

Дункан

Что ж,
А верностью платить отныне будет
Кавдорский тан. Ступай и прикажи
Его казнить. И пусть известье это
Поздравит с новым титулом Макбета.

Росс

Исполним все, как мой король сказал.

Дункан

Тот обронил, а этот подобрал.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Гром.

Появляются три ведьмы.

Первая ведьма

Сестричка, ну? Как время проводила?

Вторая ведьма

Свинью забила.

Третья ведьма

А ты?

Первая ведьма

С каштанами в подоле
Моряцкая жена
Каштан жрала, мусоля,
Жопаста и жирна.
«Поделишься?» — спросила.
«Пошла, — орет, — не дам,
Нечистая ты сила!
Сама хочу ням-ням!»
А муженек на «Тигре»
Уплыл в Алеппо, но
Бесхвостой крысой прыгну
И в решете настигну,
И в решете настигну
Я на море его!

Вторая ведьма

Я ветерок устрою.

Первая ведьма

Давай.

Третья ведьма

А я удвою.

Первая ведьма

Все прочие — со мною.
Каждый порт, куда несет их,
Все пути на всех широтах
Мне укажет мой компас.
Шкипер высохнет, как сено,
И ни ночью и ни денно
Не сомкнет бессонных глаз.
Ночь-темночь умножь на ночь
Девять раз! Ему невмочь:
Истощен, иссох, зачах,

Вверх штормашками в ночах.

Смотри, что у меня!

Вторая ведьма

А ну-ка, ну-ка!

Первая ведьма

Мой палец — румпель — во! Я этой штукой

Корабль пущу на дно, когда мужлан

Поворотит назад...

Третья ведьма

Слышь? Барабан!

Идет Макбет, Кавдорский тан.

Все

Сестрички, в путь, бок о бок, в путь,

Никто не сможет улизнуть

От нас: мы их судьба!

Есть три и три, тебе и мне,

А перемножь — возьмешь втройне.

Да сбудется волшба!

Входят Макбет и Банко.

Макбет

Уродство с красотой, обычно ссорясь,

Сегодня в странной дружбе.

Банко

Эй, где Форрес?

Что за иссохше-одичавший вид

И что за одеяния у бестий?

Вы существа земли? Земных предместий?

Вам речь людская что-то говорит?

Похоже, говорит, раз вы мгновенно

Морщинистые пальцы к впалым ртам

Прижали. Были б женщинами, верно,
Когда б не эти бороды.

Макбет

Эй, там!

Первая ведьма

Почет и честь тебе, Гламисский тан!

Вторая ведьма

Почет и честь тебе, Кавдорский тан!

Третья ведьма

Почет и честь тебе, король грядущий!

Банко

Любезный, что ты вздрогнул, как от страха,

От слов благих? — Скажите-ка по чести,

Вы птахи плоти или праха?

Мой друг от ваших праздничных предвестий

И пышных обращений, точно он

Король, — обескуражен и смущен.

Коль вашим ясновиденьем измерен

Всход времени — из зерен тех, что есть,

Которое взойдет? Молчите? Лесть

Мне в тягость. Ну, я жду и не намерен

Бояться вас иль с подаяньем лезть.

Первая ведьма

Почет и честь!

Вторая ведьма

Почет и честь!

Третья ведьма

Почет и честь!

Первая ведьма

Громче, чем Макбет, но тише.

Вторая ведьма

Счастья нет, но выше крыши.

Третья ведьма

Ты королей родишь, хоть ты и рода
Не королевского. Почет Макбету с Банко!

Первая ведьма

Почет и честь вам, Банко и Макбет!

Макбет

Что ж, растолкуйте, скрытницы, свой бред!
По смерти Синела я тан Гламисский, но
При чем тут Кавдор? Сколько знаю,
Он жив. Я не Кавдорский тан, равно
И королем я быть не помышляю
При жизни короля. Какими снами
Нелепыми вы вскормлены? Прошу,
Скажите мне, я вас вознагражу,
Зачем на пустоши возникли перед нами?

Ведьмы исчезают.

Банко

Подобно пузырям воды, есть пузыри земли.
Их сдули или сдулись сами?

Макбет

Воздушней, чем дыхание, вдали
Исчезли вдруг за облаками.

Банко

То явь была иль призрак разговора?
Как если б мандрагора
Своими криками свихнула нам мозги.

Макбет

Ты предок королей.

Банко

А ты вот-вот
Король.

Макбет

И Кавдор. Иль мой слух мне врет?

Банко

Не врет... Но чьи-то, кажется, шаги...

Входят Росс и Ангус.

Росс

Ты осчастливил короля, Макбет.
Когда узнал он, как блистал ты в битве
И как поверг врага, его восторг
Превосходил возможность выраженья
Восторга. Он следил, не проронив
Ни слова до скончания дня, за ходом
Сраженья и за тем, как ты в рядах
Норвежцев сеял страх, не зная страха.
И странные виденья смерти шли,
Покуда шли связные, в донесеньях
Бесчисленных перевозноя тебя,
Защитника и гордость королевства.

Ангус

Король велел тебя благодарить
И пригласить к нему, чтоб наградить.

Росс

В залог же будущей награды он
Тебе присваивает титул тана
Кавдорского. Почет и честь, Макбет!

Банко *(в сторону)*

В речах чертовок не было обмана?

Макбет

Но Кавдор жив. Я не хочу с чужого
Плеча доспех.

Ангус

Он тяжек для живого.

И приговор его освободит
От непосильной ноши. Был ли сговор
С норвежцами, иль тайно мятежу
Содействовал по собственной он воле,
Иль разучил на случай обе роли, —
Не знаю, но родному рубежу
Он изменил и потому низвергнут.

Макбет (*в сторону*)

Гламисский тан, за ним Кавдорский тан,
А там грядет и высочайший сан.

(*Россу и Ангусу.*)

Благодарю вас.

(*В сторону, Банко.*)

Почему бы детям

Твоим не унаследовать корону,
Когда пророчествует тот же, кто
Мне Кавдора пророчил?

Банко (*Макбету*)

Если верить

Посулам, почему бы и тебе
Не тронуться, отныне бредя троном?
Ах, зачастую из соблазна мы
Выходим не с победой, а с уроном.
Кто возвестил нам правду? — слуги тьмы;
Чтобы, играя в поддавки,
Склонить нас к роковому ходу.

(*Россу и Ангусу.*)

На пару слов прошу вас, ради бога.

Макбет (*в сторону*)

Две правды как бравурных два пролога
К владычеству.

(*Россу и Ангусу.*)

Благодарю, друзья.
(В сторону.)

О баснословности посулов их нельзя
Сказать ни хорошо, ни плохо. Зло?
Но почему так началось правдиво
И титул Кавдора мне принесло?
Добро? Но что за диво —
Пророчество, когда тебя влекут
К греху, и этой сбыточностью страшной
Срывают сердце с привязи всегдашней
В галоп, и дыбом волосы встают?
Воображение страшней, чем явь.
Убийца-мысль, хотя убийство мнимо,
Дрожбой все существо мое объаяв
И подавив, сама собой гонима,
Как если б ноль был вычтен из ноля.

Б а н к о

Наш друг в раздумье.

М а к б е т (в сторону)

Если случай ловкий

Подсовывает в прикуп короля —

Пусть так; я не участник подтасовки.

Б а н к о (Россу и Ангусу)

Похоже, почести ему — лишь бремя,

Как если бы его чужой костюм,

Седлая, объезжал.

М а к б е т (в сторону)

Все то, что ум

Решить не может, пусть решает время.

Б а н к о

Почтенный тан, мы ждем тебя.

Макбет

Прости,

Я в туповатом забытьи
Читал в себе то, что забыл. Друзья,
Как на строке, на вашей вести я
Остановил свой взгляд. Теперь в дорогу.

(Банко.)

Еще раз все обдумай, друг, и взвесь,
Чтоб нам начистоту с тобой, ей-богу,
Обговорить случившееся здесь.

Банко

Я буду рад тебе помочь.

Макбет

Уходим. Прочь отсюда, прочь.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Форрес. Дворец. Трубы.

Входят Дункан, Ленокс, Малькольм,
Дональбайн и свита.

Дункан

Казнен ли Кавдор? Или те, кому
Поручено, еще не возвратились?

Малькольм

Мой государь, их нет пока. Но мне
Все рассказал один из тех, кто видел
Казнь: перед смертью тан чистосердечно

Признал свою измену и в глубоком
Раскаянье просил его простить.
Уход был благородней пребывания,
Как если б он учился умирать
Всю жизнь, — он драгоценный дар отбросил,
Как безделушку.

Д у н к а н

Душу не прочесть
В чертах лица. Я думал, он и честь —
Одно и то же.

Входят Макбет, Банко, Росс и Ангус.

О достойный брат,
Как не нагнать тебя в твоих победах
И самой быстrokрылой из наград,
Так благодарности и похвалы,
Какие б ни были, тебе малы.
Мне тяжела моя нещедрость, право.

М а к б е т

Служение и преданность — вот слава!
Они награда сами по себе.
Монарху — принимать их благосклонно,
А им, в их верноподанной судьбе, —
Пребыть детьми и слугами у трона.
Желанный долг — служить, как я служу,
К любви и чести короля.

Д у н к а н

Прошу!
Я за тобой, как за цветком, с рассвета
Ухаживал и буду ждать расцвета.
Друг Банко, ты не меньшего достоин

Почета, благородный воин,
Дай к сердцу я тебя прижму.

Банко

Возросший в сердце — жатва своему
Хозяину.

Дункан

Я преисполнен счастья
Настолько, что оно себя скрывает
За драпировкой скорби. Дети, слуги
И вы, кто всех верней и ближе, знайте,
Что унаследует корону старший,
Сегодня принцем Камберленда ставший,
Малькольм, мой первенец; не он один
Почтен — заблещут титулы, как звезды,
На всех достойных. С богом, в Инвернесс,
Чтоб дружества загустевал замес.

Макбет

Мне отдых без служенья — тяжкий труд.
Позвольте вас опередить и вестью
Счастливою обрадовать жену,
А потому — раскланяться!

Дункан

О Кáвдор!

Макбет *(в сторону)*

Принц Камберлендский — вот рубеж, на нем
Мое паденье или мой подъем.
Сгинь, звездный свет, ты сердцу безотраден,
Когда желанья вроде черных впадин.
Сам ослепив себя, пусть глаз прозреет,
Когда свершится то, что в страхе зреет.

(Уходит.)

Д у н к а н

Воистину, друг Банко, он бесстрашен!
Хвалой ему, как пиром пышных брашен,
Я утолен. Последуем за ним,
В своем раденье о визите нашем
Он несравним!

Трубы. Все уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Инвернесс. Замок Макбета.

Входит леди Макбет, читая письмо.

Л е д и М а к б е т. «Они встретили меня в день триумфа и дали понять с совершенной ясностью, что обладают большим знанием, чем человеческое. Когда, сгорая от нетерпения, я хотел выпросить свою судьбу, они взвились в воздух и исчезли. Я был ошеломлен и еще не успел прийти в себя, когда доставили королевский указ о пожаловании мне титула Кавдорского тана, которым чуть раньше меня окрестили эти вещуньи, возгласившие следом: “Почет и честь тебе, король грядущий!” Думаю, это добрая весть для тебя, драгоценная сопричастница моего могущества, ведь ты не поделила бы мою радость, не узнав их прорицаний. Проникнись этой вестью и прощай».

Что ж, Гламис, титул Кавдора — предтеча
Обещанного. Но боюсь, что ты,
Раскормлен молоком добросердечья,
Не ведаешь кратчайшего пути.
Уж если славы блеск горит во взоре,

То не чурайся славного подспорья:
Жестокости. Ты хочешь и величья
И святости? неправедных побед
И праведных путей? — их вместе нет;
Ты хочешь обладать? — забудь приличья;
«На!» говорят? — бери, но страх поступка
(Скорее, чем желанье отступить)
Тебя томит. Поторопись подставить
Мне ухо, чтоб влила в него свой дух, —
Все, что мешает в золото оправить
Твою судьбу, отважу я, мой друг.
Да будет свита призраков с тобой —
Ты коронован ею и судьбой.

Входит гонец.

Есть новости?

Гонец

Да, к вечеру сюда

Пожалует король.

Леди Макбет

Ты не свихнулся?

Не с ним ли господин твой? Если так,
Он дал бы знак, чтоб подготовить встречу.

Гонец

Поверьте, это так. Макбет в пути.

Слуга, опередив его, примчался

Сию секунду и, едва дыша,

Все ж выдохнул, что едут.

Леди Макбет

Позаботься

О нем. Он славный вестник.

Г о н е ц уходит.

Не иначе
Как роковой визит Дункана к нам
Накаркал ворон. Духи черных мыслей,
Испепелите женщину во мне,
Чтоб, полуя, заполнить вероломством
От головы до пят. Сгустите кровь,
Чтоб жалость не текла по этим жилам,
Чтоб угрызенья не терзали душу,
Колебля, и мутя, и усыпляя
Зло помысла в его стремленье к цели.
Пусть молоко моей груди, свернувшись
В желчь, напитает вас, где б ни сновали
Вы, призраки беды. Сгущайся, ночь,
Обволокнись клубами преисподней,
Чтоб стал неуязвим разящий нож
Для потаенной зоркости Господней
И окрика «Не сметь!»

Входит М а к б е т.

Достойный Гламис
И Кавдор! Много большего достойный —
Грядущего! Твое письмо меня
Из скудной повседневности до срока
Туда перенесло в мгновенье ока.

М а к б е т

Любовь моя, Дункан на склоне дня
Прибудет.

Л е д и М а к б е т

А убудет?

Макбет

Вроде завтра.

Леди Макбет

О, никогда! Или не быть восходу!
Мой тан, твоё лицо подобно книге
С невнятным содержанием. Подыграй
Моменту и затем его лови,
Придай повадке аромат любви,
Благоухай невиннейшим цветком,
Таящим яд змеи под лепестком.
Дай только эту ночь мне во владенье —
И остальные дни и ночи в наше
Владенье перейдут, став полной чашей.

Макбет

Давай поговорим потом.

Леди Макбет

Пребудь

Спокойным, чтоб добычу не спугнуть.
А с прочим разберусь я как-нибудь.

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Перед замком Макбета. Гобой и факелы.

Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн,
Банко, Ленокс, Макдуф, Росс, Ангус и свита.

Дункан

В прекрасном месте замок. Воздух свеж
И услаждает мягким дуновеньем

Покой души.

Банко

Наперсник лета, стриж
Не вил бы гнезд вокруг церковных спиелей
С такой любовью, если б небеса
Сей край не миловали. Что ни выступ
И что ни фриз, то брачная постель
Иль подвесная колыбель
И птичий щебет. Их семейный роздых
И нежности — лишь там, где нежен воздух.

Входит леди Макбет.

Дункан

А вот и досточтимая хозяйка!
Любовь, столь тяготящая порой,
Нам в радость. Так и вы — обузу встречи
Считите Божьим промыслом, а нас
За беспокойство поблагодарите.

Леди Макбет

Когда бы мы в два раза превзошли
Самих себя, да нет, в два раза дважды,
Мы б все равно не утолили жажды
И в почитанье вас мы б не смогли
Поспорить с тем, как вы наш кров почтили.
За вас мы Бога молим, как молили.

Дункан

А где Кавдорский тан? Мы по пятам
Неслись и обогнать его хотели,
Представ глашатаями, но любовь его
Пришпоривала так же рьяно,
Как он коня. Любезная хозяйка,
Мы ваши гости нынче.

Леди Макбет

Ваши слуги —

Мой муж и я, и слуги ваших слуг,
И все вокруг, — взыскав высшей власти,
Себя вверяют ей.

Дункан

Так дайте ж руку

И проводите к вашему супругу.
Он нами высоко ценим,
Продолжим, милая хозяйка, с ним.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Замок Макбета. Гобои и факелы.

Проходят кравчий и несколько слуг с блюдами.
Затем Макбет.

Макбет

О, если б все единым махом: раз —
И кончено, о, если б сеть последствий
Корону выловила, а начала
С концами обрубались прямо здесь,
На отмели, на меловой доске
Времен, я бы без страха воздаянья
Сошел в безвременную глубь. Но суд
Нас ждет и на земле, когда вернут
Ученики кровавого деянья
Преподробный урок как воздаянье
И с тем же ядом кубок поднесут.

Он может полагаться на меня
Вдвойне: я подданный и я родня;
Хозяин должен бы стоять как страж
В дверях, а не точить за дверью нож;
Тем более так добр властитель наш,
Что добродетель вострубит,
Как ангел, если будет он убит;
И жалость, новорожденным младенцем
На облаке, младенцем-херувимом
Возникнув, превратится в трубный глас
И в ливне слез утопит страшный час.
Все только честолюбье, скверна
С объездчиком по кличке Зло,
Чья страсть быть на коне чрезмерна,
Того гляди, перемахнешь седло...

Входит леди Макбет.

Что скажешь?

Леди Макбет

Он отужинал почти.

Ты почему ушел?

Макбет

Король справлялся?

Леди Макбет

Конечно.

Макбет

Мы не можем продолжать.

Он так меня восславил, а молва

Раззолотила так его слова,

Что этой роскоши себя лишать

Я не хочу.

Леди Макбет

Ты спяну примерял
Мечту, которую потом заспал?
А протрезвел, чтоб в бледном раздраженье
Попятиться? Ты и в любви таков?
Бежать в испуге, не начав сраженья,
От сбывчивой закваски снов?
Примериваясь к блеску жизни, быть,
По тем же меркам, трусом и не сметь
Придвинуться к тому, что смел хотеть?
И рыбку съесть и лап не замочить?

Макбет

Я смею все, что смеет человек.
Не-человеческое я отверг.

Леди Макбет

Ты был не ты? В тебя вселился зверь,
Когда увидела я твой оскал?
Ты *человеком* был тогда, поверь.
Но если бы ты мужественней стал,
В сравнении с собой тогдашним, ты
Лишь утвердился б в званье мужа. Время
И место в прошлый раз не подошли,
Зато теперь, когда все так совпало,
Ты не подходишь. Зная и любовь,
И нежность материнства, я сосок
Отдернула бы от бескостных десен
И бросила младенца оземь,
Когда бы, как Макбет, дала зарок.

Макбет

А если неудача?

Леди Макбет

Неудача?

Решимость натяни, как тетиву, —
И победим. Едва Дункан уснет
(Тем беспробудней, что устал с дороги),
У опоенных мною слуг
Ослепнет память, сей глазок в рассудок,
Который просто перегонный куб
Вина у одурманенных скотов.
Что может стать тогда помехой плана
Задуманного? Что нам запретит
Взвалить вину на дохлых слуг Дункана
За то, что он предательски убит?

Макбет

Рожай лишь сыновей. Такой напор
Отчаянный присущ одним мужчинам.
И впрямь, кто нам припишет смерть его,
Когда мы замараем спящих кровью
Их собственных кинжалов?

Леди Макбет

Кто рискнет
При виде нашей возрыдавшей скорби
Нас обвинить в убийстве?

Макбет

Решено.
Я каждым мускулом готов к удару.
Потешимся же блеском представленья,
Под маской спрятав сердце преступленья.

Уходят.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Инвернесс. Двор в замке Макбета.

Входит Банко, впереди него — Флинс с факелом.

Банко

Который час, мой сын?

Флинс

Луна зашла;

А вот часы не били.

Банко

Верно, в полночь

Луна заходит?

Флинс

Думаю, позднее.

Банко

Держи мой меч. На небесах скупятся —
Задули все огни.

(Снимает амуницию.)

Держи еще.

Свинцовый сон меня к постели клонит,
Но все нейдет, храни его Господь
От непотребных мыслей.

Входит Макбет, сним слуга с факелом.

Меч, скорее!

Ты кто?

Макбет

Твой друг.

Банко

Не спишь? Король ушел
К себе. Он был необычайно счастлив
Сегодня, подарив и дом, и слуг.
А этот бриллиант он шлет в подарок
Твоей супруге, тронутый ее
Радушием и хлебосольством.

Макбет

Право,
Мы были не готовы, и прием
Стеснялся своего несовершенства.
А тут нужны свобода и размах.

Банко

Все хорошо. Мне ночью три сестрички
Приснились, что-то молвив о тебе,
Похожее на правду.

Макбет

Я и думать
О них забыл, давай поговорим
При случае...

Банко

Всегда к твоим услугам.

Макбет

Будь в должный час при мне — и час пробьет
В твою же честь.

Банко

Вот только бы бесчестьем
Не обернулась честь. Но если ты
Всем сердцем чист, то я с тобой всем сердцем.

Макбет

Спокойной ночи!

Банко

И тебе, Макбет!

Банко и Флинс уходят.

Макбет

Когда питье хозяйка приготовит,
Пусть позовет. И отправляйся спать.

Слуга уходит.

Что вижу я перед собой — кинжал?
Он льнет к руке, чтоб рукоять я сжал.
Ну! Или только взглядом, не рукой
Схватить возможно призрак роковой?
Ты кто? Ума бредовое брожение
Иль извращенное воображение?
Но вот — ты есть, ты так же непреложен,
Как тот, что мною выхвачен из ножен.
Я разве не туда тобой влеком,
Куда твоим нацелен двойником?
Обман ли зрения? Но вот — я вижу внятно
Кровавые на лезвии и рукояти пятна —
Их не было... Ты где? Простыл и след.
Злоумышленье кровью застит свет.
Полмира спит, и спящий мертвым сном
Лишится сна, ночным ограблен злом,
И станет просто мертвым, — дань Гекате,
Богине ведьм; голодное убийство,

Подстегнутое волчьим воем, ради
Добычи, как Тарквиний, к ней стремится
Тишайшей тенью. Будь же, твердь земли,
Недвижна и глуха к моим шагам
И сквозь себя их провали,
Но эхом не ходи за мною по пятам.
Не шорохи шагов, но тишина
Зловещему сопутствовать должна.
Пока я говорю — он дышит. Пена
Кипящей речи — действия подмена,
Охладевающего постепенно.

Звон колокола.

Пора. То по тебе звонят. Свой сон
Дли, мой король, под погребальный звон.
Ад или рай тебе пророчит он.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же.

Входит леди Макбет.

Леди Макбет

Напиток, погасивший жажду их,
Меня воспламенил, придав отваги.
Тс-с-с! Ухнула сова! Как отходная
Ко сну, когда желают доброй ночи
Тому, кого казнят наутро. Двери

Распахнуты, храпят, упившись, слуги.
Я прописала им такой рецепт,
Что смерть и жизнь за них еще поспорят.

Макбет (за сценой)

Кто это, что?

Леди Макбет

Боюсь, они проснулись
И дело сорвалось, тогда конец.
Но тихо! Я кинжалы положила
Так, чтобы он не мог их миновать.
Когда бы спящий вдруг мне не напомнил
Отца, сама управилась бы... Муж!

Входит Макбет.

Макбет

Все сделано. Ты не слыхала шума?

Леди Макбет

Сверчок кричал, и ухала сова.
Что ты сказал?

Макбет

Когда?

Леди Макбет

Сейчас.

Макбет

Спускайся?

Леди Макбет

Да.

Макбет

Тихо! Кто в соседней спальне спит?

Леди Макбет

Там Дональбайн.

Макбет (*смотрит на свои руки*)

Какой плачевный вид.

Леди Макбет

Плачевный вид? О чем ты, что за глупость?

Макбет

Один захохотал во сне, второй

Вскричал: «Убийство!» — я стоял и слушал:

Друг друга разбудив на миг, они

С молитвой на устах опять уснули.

Леди Макбет

Там и Малькольм.

Макбет

Один «Помилуй бог!»

Вскричал, второй, увидев эти руки

В крови, вскричал: «Аминь!», но я не мог

Сказать: «Аминь!», когда они в испуге

«Помилуй бог! Помилуй бог!» шептали.

Леди Макбет

Не умствуй.

Макбет

Почему как в горле кость

«Аминь» застряло? Я хотел молитвы!

Леди Макбет

Во все это вникать — сойти с ума.

Макбет

Казалось, слышу крик: «Нет больше сна!

Макбет его зарезал!» — сон невинный,

Где узел жизни бережно развязан,

И умер день, и смыт язвящий пот,

И мозг больной излечен, как проказа,

Сон, на второе поданный к столу,

На жизненном пиру умнейший кормчий...

Леди Макбет

О чем ты?

Макбет

Этот крик: «Сна больше нет! —

Он длится. — Гламис, ты его угробил,

Не спи отныне, Кавдор и Макбет!»

Леди Макбет

Чей крик? Ты трусишь, тан достопочтенный,

Строй твоих мыслей говорит о том,

Что инструмент ума расстроен. Лучше

Улики смой. Зачем сюда принес

Кинжалы? Отнеси их к спящим слугам,

А слуг испачкай кровью.

Макбет

Не могу

Ни думать о свершенном, ни увидеть

Вновь.

Леди Макбет

Дай кинжалы мне, слабак!

Мертвец ли, спящий — не страшной картинки,

Где черт лишь малышне внушает страх.

И если в спальне кровь еще сочится,

Я перемажу ею тех двоих —

Пусть пурпур королевской крови их

Вину предъявит, предъявив их лица.

(Уходит.)

Стук за сценой.

Макбет

Откуда стук? Все шорохи и звуки

Меня пугают. Ха! Чьи это руки?

В глаза вцепились! Океанским валом
Нептун не слижет кровь — скорей она
Всю зелень всех морей окрасит алым,
Стихию пропитав до дна.

Входит леди Макбет.

Леди Макбет

Цвет рук теперь, как у тебя, багрян.
Но сердце устыдится блекнуть, тан.

Стук за сценой.

Стук в южные ворота. Надо в спальню
Уйти и смыть кровавые следы.
Раз-два — и всё. Ты твердости лишился.

Стук за сценой.

Опять стучат. Надень ночной халат,
А то поймут, что ты и не ложился.
Очнись, твое безволие выдаст взгляд.

Макбет

Уж лучше ничего не знать, чем это.

Стук за сценой.

Проснись, Дункан, для встречного привета!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же.

Стук за сценой. Входит привратник.

Привратник. Ну и грохот. Работай человек привратником в аду, то-то пришлось бы повертеться.

Стук за сценой.

Тук-тук-тук. Именем Вельзевула, кто там? Может, какой фермер повесился с неурожая. Пospел к сроку. Надеюсь, прихватил носовых платков, а то ведь тут употеешь.

Стук за сценой.

Тук-тук. Именем Вельзевула Второго, кто там? Ей-ей, это иезуит, у которого одна чаша весов доносит на другую. Все врал да врал, божась при этом, но небеса не обдуришь. Пожалуйте, ваше двуличество!

Стук за сценой.

Тук-тук-тук. Кто там? Никак английский портной стибрить сукна, а то нынче моду заузили, не разживешься. Входи, входи. Здесь твой утюг-индюк мигом разогреется.

Стук за сценой.

Тук-тук. Ни минуты покоя. Кто там? Для ада здесь холодновато. Больше в аду не привратничаю. Хотелось

райскими цветами устелить путь всем ремеслам, чтобы адское пламя не угасало.

Стук за сценой.

Иду, иду! (*Отворяет ворота.*) Надо поблагодарить привратника, уж будьте любезны.

Входят Макдуф и Ленокс.

Макдуф. Похоже, друг, ты поздно лег вчера, едва волочишь ноги.

Привратник. Ваша правда, сэра. Пили до третьих петухов, когда к возлиянию на закуску подают три блюда.

Макдуф. Что ж именно?

Привратник. Пунцовение носа, милорд, сон и мочу — и все в одну постель. Пьянство, сэра, растрawляет похоть, но затравливает едока. Есть желание, но нет пожинания. Ломишься в открытые врата разврата, но не войти, это мошеник мошонки, сэра, стоит на своем, но стоять не может, с поднятой головой опускает головку, пьянство, сэра, никого не завалив, валит в сон, куда вы отправляетесь по нужде.

Макдуф. Кажется, этой ночью тебя хорошо завалило.

Привратник. Ох, завалило. Схватило вот так за горло, но меня-то голыми руками не возьмешь. Хоть и слабели ноги, я эту пьяную отравку стравил на травку.

Макдуф

Твой господин поднялся?

Входит Макбет.

А вот и он! Разбужен нашим стуком.

Л е н о к с

День добрый, сэср.

М а к б е т

Приветствую, друзья.

М а к д у ф

Проснулся ли король?

М а к б е т

Как будто нет.

М а к д у ф

Он мне велел поднять его пораньше.

Я чуть не опоздал.

М а к б е т

Прошу сюда.

М а к д у ф

Гостеприимство — радостное бремя,

Но — бремя.

М а к б е т

Радость нас не тяготит.

Вот дверь к нему.

М а к д у ф

Осмелюсь потревожить —

Служебный долг.

(Уходит.)

Л е н о к с

Он едет нынче?

М а к б е т

Да,

Просил сегодня снаряжать в дорогу.

Л е н о к с

Ночь буйствовала сну наперекор.

В трубящем ветре, говорят, звучала

Скорь, и зловеще подпевала смерть,

И чьи-то голоса грозили смутой
И наступленьем варварских времен,
И ухала сова в ночной утробе,
И, говорят, земля тряслась в ознобе.

Макбет

Ночь мерзкая.

Ленокс

Я, верно, слишком юн,
Чтоб в памяти подобная сыскалась.

Возвращается Макдуф.

Макдуф

О ужас, ужас, ужас. Нет ни слов,
Чтоб выразить, ни сердца, чтоб поверить.

Макбет и Ленокс

О чем ты?

Макдуф

Смертью созданный шедевр!
Убийца-богохульник в храм Господний
Вломился и похитил жизнь его.

Макбет

Жизнь?

Ленокс

Ты о короле? Макдуф, о ком ты?

Макдуф

Войдите в спальню, чтоб окаменеть,
С сегодняшней Горгоной встретясь взглядом, —
Увидите!

Макбет и Ленокс уходят.

Измена! Бить в набат!
Все на ноги! Убийство и измена!
Малькольм, сюда! Эй, Банко, Дональбайн!
Страхните сон, подделку смерти, чтобы
Увидеть смерть в упор. О Судный день!
Малькольм, как из могил восстаньте с Банко,
Чтоб с холодностью призраков взглянуть
На этот ужас. Бить в набат! Измена!

Колокол. Входит леди Макбет.

Леди Макбет

В чем дело? Этот страшный трубный рев
Всех в доме всполошил. Случилось что-то?

Макдуф

О госпожа, боюсь, что женский слух
Для этого известья слишком нежен.

Входит Банко.

Ах, Банко, Банко, наш король убит!

Леди Макбет

О ужас! В нашем доме?

Банко

Этот ужас —

*Повсюду ужас. Дорогой Макдуф,
Скажи, что это ложь.*

Макбет и Ленокс возвращаются, с ними Росс.

Макбет

Когда б я умер

За час до этой смерти, я бы мог
Благословить судьбу. Но жизнь отныне —
Игра в бирюльки. Если мертв король,
Мертвы величие и благоволье.
Вино живое выдохлось, на дне —
Осадок, мразь, брожение втемне.

Входят Малькольм и Дональбайн.

Дональбайн

Беда?

Макбет

Беда. Пульс королевской крови
Остановился. Пересох родник,
И та купель, в которой ты возник.

Макдуф

Убит отец твой.

Малькольм

Боже. Кем убит?

Ленокс

Похоже, теми, кто стоял на страже.
Кинжалы в изголовье, руки, лица —
Всё в пятнах крови. Ошалев, они
Уставились на нас. Никто на свете
Им не решился бы доверить жизнь.

Макбет

Я сожалею, что в припадке гнева
Убил их.

Макдуф

Почему ты их убил?

Макбет

Кто может быть разгневан и спокоен,

Бесстрастен, предан, потрясен и мудр
Одновременно? Думаю, никто.
В отчаянье любовь опередила
Рассудок. Предо мной лежал Дункан,
На побелевшем теле золотились
Крупинки крови, каждая из ран
Казалась мне пробоиной в природе,
Откуда хлынул хаос; в двух шагах —
Убийцы, пропитавшиеся кровью,
И кровью окропленные ножи.
Кто мог бы подавить в душе любовь,
Не уступив порыву: кровь за кровь?

Л е д и М а к б е т

Ах, помогите!

М а к д у ф

Помогите леди.

М а л ь к о л ь м *(Дональбайну)*

Да что ж мы прикусив язык стоим,
Нам первыми здесь говорить пристало.

Д о н а л ь б а й н *(Малькольму)*

Что говорить, когда из всех щелей
Угроза щерится и хочет нас залапать?
Уйдем отсюда, дело не в речах —
Мы даже не успели смерть оплакать.

М а л ь к о л ь м *(Дональбайну)*

Ты прав, не время горю говорить.
Уйдем отсюда.

Б а н к о

Помогите леди.

Л е д и М а к б е т у н о с я т .

Когда в тепло укутаем тела
И отогреемся, тогда сойдемся,
Чтоб это преступление осознать
И, не трясясь от страха и сомненья,
Решить, что делать. Да хранит меня
Рука Господня, — и змею измены
Я раздавлю.

Ма к д у ф

Бог в помощь. Я с тобой.

В с е

Мы тоже.

Ма к б е т

Приготовьте же доспехи

И возвращайтесь в залу.

В с е

Решено.

В с е, кроме Малькольма и Дональбайна, уходят.

Ма л ь к о л ь м

Что дальше? Оставаться здесь не надо.

Пусть воет лицемер. Скорбь не бравада.

Я в Англию.

До на л ь б а й н

А я — к ирландцам. Врозь

Сейчас надежней, где бы ни брелось.

Что ни улыбка, то оскал. Не внове:

Чем кровь родней, тем ближе запах крови.

Ма л ь к о л ь м

Пока удар грозы не просверкнул

И не убил, лишим его мишени.

Седлай коня, уедем не простясь,

Без промедленья, не оборотясь,
Порой не грех украсть себя у смерти
Оттуда, где украли милосердые.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

За стенами замка Макбета.
Входят Росс и старик.

Старик

Все семьдесят последних лет
Я помню, в том числе и бред,
И мерзость — всё! Но этой ночи мрак!
В сравненье с ним минувшее — пустяк.

Росс

Ты прав, отец, похоже, что и небо
Глядит на кровью залитый спектакль
В отчаянье, грозя его актерам.
День наступил, но солнце застит тьма.
Так властна ночь? или рассвет так робок,
Что он земли касается, от нас
В смущенье темнотою заслонясь?

Старик

Немыслимо. Свершенному под стать.
Я в этот вторник видел, как кружащий
Под облаками сокол сцапан был —
И кем? — совой, что промышляет мышью!

Росс

А лошади Дункана — ну и ну!

Породистей не сыщешь! — вдруг взбесились
И, словно людям объявив войну,
Расколотили стойла и сбежали.

Старик

И говорят, они друг друга жрали.

Росс

Сам видел! Дикость!

Входит Макдуф.

Дорогой Макдуф,

Что слышно?

Макдуф

Разве ты себя не слышишь?

Росс

Но кто же совершил такое зло?

Макдуф

Макбет убил их, это были слуги.

Росс

Им чем-нибудь король не услужил?

Макдуф

Их подкупили. Дональбайн с Малькольмом
Бежали, на монаршьих сыновей
Как раз и падает все подозренье.

Росс

Неслыханно. Так воля к власти, всласть
Собою напитавшись, губит власть.
Теперь она достанется Макбету.

Макдуф

Он королем уже провозглашен
И мчится в Скон, где будет коронован.

Р о с с

Где тело короля?

М а к д у ф

Отвезено

На Колмкилл, в их священную гробницу.

Р о с с

Ты в Скон?

М а к д у ф

Нет, в Файф, кузен.

Р о с с

Я еду в Скон.

М а к д у ф

Тогда прощай. Пусть новая одежда

Не жмет сильнее, чем эта, — вся надежда!

Р о с с

Прощай, отец!

С т а р и к

Пусть Бог тебя хранит,

Как всех, кто зло в добро пресуществит!

Уходят.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Форрес. Дворец.
Входит Банко.

Банко

Теперь ты Кавдор, Гламис и король.
Все в точности, как ведьмы предрекали.
Вот только чист ли на руку игрок?
Но трон обещан был моим потомкам,
А не твоим, и если это так
И их слова, Макбет, с таким же блеском
Предстанут во плоти, как ты сейчас,
То есть надежда. Тс-с-с. Ни слова больше.

Трубы. В королевских одеждах Макбет и леди Макбет,
с ними Ленокс, Росс, лорды, леди и свита.

Макбет

Гость из гостей!

Леди Макбет

О, праздник без него —

Не праздник, а невзрачная затея.

Макбет

Сегодня наше торжество, и вы
Украсите его собой, надеюсь.

Банко

Что б государь ни пожелал, мой долг
С его желаньем в нерушимой связи.

Ма к б е т

Вы на прогулку днем?

Ба н к о

Да, мой король.

Ма к б е т

Нам ваше рассудительное слово,
Полезное и веское всегда,
Необходимо нынче на совете.
Но подождем до завтра. Далеко ль
Вы собрались?

Ба н к о

Как раз чтоб обернуться

К застолью, ну а если подведет
Мой конь, то одолжу час-два у ночи.

Ма к б е т

Ждем к пиру.

Ба н к о

Неприменно, государь.

Ма к б е т

Убийцы, как мы слышали, укрылись
В Ирландии и в Англии, они
Не только не сознались в преступленье,
Но и наговорили чепухи.
Обсудим завтра, как и положенье
Дел в государстве, наших главных дел.
Прощайте, вам пора! Флинс едет с вами?

Ба н к о

Да. Кони ждут, пора!

Ма к б е т

Вверяю вас

Их спинам и стремительному бегу.
Прощайте.

Банко уходит.

Пусть каждый в удовольствие свое
Проводит время до семи. Я тоже
Один побуду, чтобы, отдохнув,
Быть посвежее. Ну, господь с тобою.

Все, кроме Макбета и одного слуги, уходят.

Где, братец, эти двое? ждут меня?

Слуга

Да, мой король, там, у ворот.

Макбет

Давай-ка.

Слуга уходит.

Король ничто, когда он уязвим.
Страх врос в меня. Есть в царственности Банко
Угроза нам. Есть вызов. Ум его
Смел, деятелен и от безрассудства
Отваги бережет. Кроме него,
Никто мне в мире не внушает страха.
Мой дух-хранитель никнет перед ним,
Как перед Цезарем поник Антоний.
Когда меня чертовки королем
Именовали, Банко в раздраженье
Выспрашивал их о себе — они ж
Пророчили ему родоначалье
Династии грядущих королей,
Меня бесплодным скипетром и мертво-
Рожденною короной одарив.

Не сын их унаследует, но вырвет
Не родственная мне рука. Раз так,
Я над своим рассудком надругался
И короля убил, чтобы взошел
На трон сын Банко, ради них злоядьем
Я осквернил сосуд своей души
И продал дьяволу ее бессмертье!
Во славу рода Банко! Ну уж нет,
Судьбе бросаю вызов, пусть решенье
Нам вынесет смертельное сражение.
Кто там?

Входят слуга и двое убийц.

(Слуге.)

Жди у дверей, я позову.

Слуга уходит.

По-моему, *вчера* мы говорили?
Первый убийца
Вчера, ваше величество.
Макбет

И что ж,
Вы всё обмозговали? Это Банко
Виновник ваших бед — совсем не я,
Как вы считали. Я вчера подробно
Вам рассказал, как вас надули, как
Использовали вас, какие штуки
Злоумышляли против вас. Теперь
И недоумок или сумасшедший
Не сможет усомниться: это он.

Первый убийца

Вы все нам объяснили.

Макбет

Да, но вот что,

И ради этого я вас позвал, —

Столь кротки вы, чтоб проглотить обиду?

Столь набожны, чтоб Господа молить

О Банко и спасении потомства

Того, чья беспощадная рука

Вас обирает, сталкивая в яму?

Первый убийца

Мы люди, мой король.

Макбет

Ах да, забыл,

Вы в списке человеческой породы,

Как спаниель, борзая, волкодав,

Дворняга или мопс — в собачьем списке.

Есть шустрые и есть ленивцы, есть

Охотничьи и есть сторожевые,

Есть умные — у каждой есть черты

Природные, которых нет у прочих, —

Но все они — собаки. Так и мы.

Что ж, если вы не худшая порода

Людей и если примете мое

Желанье близко к сердцу, то убьете

Врага, став ближе сердцу моему.

Он жив — я болен, и наоборот:

Я выздоровлю, если он умрет.

Второй убийца

Меня, милорд, жизнь так нещадно била,

Что я обиду вымещу на всех,

Кто обижал, не мешкая.

Первый убийца

Я тоже.

Я неудачами так изнурен,
Что жизнь свою хочу поставить на кон,
Чтоб излечиться или умереть.

Макбет

Вы знаете, что Банко — враг ваш?

Оба убийцы

Знаем.

Макбет

Мой тоже. Эта ненависть меня
Жрет изнутри без устали. Я мог бы
Его открыто устранить и свой
Приказ обосновать, но тут мешают,
К несчастью, наши общие друзья,
Чью благосклонность не могу отбросить
И должен буду на глазах у них
Скорбеть о том, кого убил. И в этой
Игре вы мне поможете предстать
Тем, кто в любви оплакивает друга.
На то есть тьма существенных причин.

Второй убийца

Всё выполним.

Первый убийца

Во что бы то ни стало.

Макбет

Глаза, смотрю, решимостью горят!
В ближайший час я вам скажу, где лучше
Установить засаду и когда
Напасть; все надлежит свершить сегодня;
Не здесь, конечно, — так, чтоб на меня
Не падало и тени подозренья.

С ним будет сын — улика против нас,
А мы в живых улик не оставляем.
Пусть примет Флинса и его отца
Судьба в свои тяжелые объятия.
Решайте каждый сам.

Об а у б и й ц ы

Все решено.

Ма к б е т

Я скоро позову. Мы заодно.

У б и й ц ы уходят.

Да, Банко. Если небо — это дом
Души, то поселись сегодня в нем.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дворец.

Входят леди Макбет и слуга.

Л е д и Ма к б е т

Уехал Банко?

С л у г а

Госпожа, он должен

Быть к вечеру.

Л е д и Ма к б е т

Ступай-ка к королю,

Скажи, что я зову его.

С л у г а

Извольте.

(Уходит.)

Леди Макбет

Тоска, когда кипящее желанье
Сбылось, но испарилось содержанье.
Повергнув, мучиться остаток дней?
Тогда уж быть поверженным честней.

Входит Макбет.

Зачем же в помраченье, мой король,
И в одиночестве проводишь время?
Мысль об убитом следует убить.
Пройти, не дрогнув сердцем, мимо
Того, что навсегда непоправимо.
Что сделано, то сделано. Забыть.

Макбет

Мы ранили змею, но не убили.
Лишь рана зарубцуется ее,
Нас, слабодушных, вновь она ужалит.
Пусть лучше рухнет мир, а небеса
Смешаются с землей и станут прахом,
Чем корчиться в кошмарах сна
И хлеб свой жрать, давясь при этом страхом.
Быть лучше тем, кто в мир иной
Отправлен мной ради земного мира,
Добытого для нас ценой
В сон впившегося разума-вампира.
Дункан в могиле. От житейских смут
Вдали вкушает мир. Чернейший труд
Измены совершен. Зато ни бунт,
Ни нож, ни яд, ни беспощадный зверь
Войны ему неведомы теперь.

Леди Макбет

Смягчись, приладь улыбку, все пригодней,
Чтоб живостью встречать гостей сегодня.

Макбет

Конечно же, любовь моя, ты тоже
Будь пристальна, а речь твоя и взгляд
Пусть величают Банко; ливнем лести
Зальем его и, под личиной скрыв
Лицо, предупредим хоть так опасность.

Леди Макбет

Оставь!

Макбет

Мозг скорпионами кишит.

Пока род Банко жив, страх не изжит.

Леди Макбет

Им жизнь сдана в аренду не навечно.

Макбет

Их уязвимость радует. Бодрись.
До той поры, когда своим жужжаньем,
Откликнувшись на зов Гекаты мрачной,
Жук возвестит зевающую ночь
И нетопырь перепорхнет над замком,
Все вздрогнут в страхе.

Леди Макбет

В страхе? Ты о чем?

Макбет

Пребудь, мой друг, в неведенье, свершится —
И ты оценишь. Ночь, приди, чтоб тьмой
Сшить веки сострадательного дня,
Кровавой и невидимой рукой
Порви в клочки кредиты милосердья,
Неволящие страхом. Гаснет день,

И ворон в лес летит к своим собратьям.
День, как дитя, уходит в сон привычный,
А хищник тьмы — в полет многодобычный.
Удивлена? Но не пытай меня.
Зло множит зло, оно себе родня.
Прошу тебя, пойдем со мной.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Парк около дворца.
Входят трое убийц.

Первый убийца

Кто приказал тебе прийти?

Третий убийца

Макбет.

Второй убийца

Мы можем доверять ему, он послан
Для тех же дел.

Первый убийца

Пусть будет, если так.

На западе вон свет еще маячит.

Но кто в пути, пришпорили, небось,
Коней, чтобы поспеть к ночлегу. Этот,
Должно быть, рядом.

Третий убийца

Слышишь, стук копыт!

Банко (за сценой)

Здесь посвети!

Второй убийца

Да, это он, конечно.

Кого позвали в гости, те прошли.

Первый убийца

Коней ведут в обход.

Третий убийца

Тут где-то миля.

Он спешился, как все, перед дворцом.

Второй убийца

Гляди, огонь!

Входят Банко и Флинс с факелом.

Третий убийца

Да, это он!

Первый убийца

Ну, разом!

Банко

Дождь собирается.

Первый убийца

Уже идет!

Убийцы набрасываются на Банко.

Банко

Измена! Мой родной, беги! Мерзавцы!

Придет пора — ты отомстишь! Беги!

(Умирает.)

Флинс убегает.

Третий убийца

Кто погасил огонь?

В дверях показывается Первый убийца.

Макбет

Встречь их сердца тебя благодарят.
Втесне, но не в обиде. Сяду с вами.
Ну, веселей, и чашей круговой
Означим пир!

(Подходит к двери.)

Твое лицо в крови.

Убийца

Наверно, Банко.

Макбет

Кровь его снаружи

Нам не опасна, лишь бы не внутри.

Убит?

Убийца

Я перерезал Банко горло.

Макбет

Ты лучший на земле горловорез.

Хорош и тот, кто разобрался с Флинсом.

А если ты обоих сам убил,

То ты нечеловечески прекрасен.

Убийца

Флинс, государь, бежал.

Макбет *(в сторону)*

С моим покоем.

Я только что был мрамора мощней,

Сильней скалы и воздуха вольнее.

И снова, в клетку загнанный, я сжат

И осквернен сомненьями и страхом.

Но с Банко все решилось?

Убийца

Порешен.

Лежит в канаве. Двадцать ран, не меньше,
На голове. Хватило б и одной.

Макбет

Спасибо и на том.

(В сторону.)

Раздавлен гад,

Но жив гаденыш, в нем взыграет яд,
Едва окрепнут зубы. — Завтра снова
Увидимся. Иди.

Убийца уходит.

Леди Макбет

О мой король,

Вы позабыли о гостеприимстве.

Кусок застрянет в горле у гостей,

Как будто здесь не пир, а платный ужин.

Ведь если подаются эти блюда

Без соуса радушья, вечерять

Приятней дома, чем в гостях зевая.

Макбет

Спасибо за напоминанье, друг.

Пируйте с аппетитом, на здоровье!

Ленокс

Присаживайтесь с нами, государь.

Призрак Банко входит и садится на место Макбета.

Макбет

Весь цвет Шотландии под этой крышей.

Нет только Банко. Я бы предпочел

Бранить его за то, что он беспечен,
Чем ждать беды.

Р о с с

Он слово не сдержал,
В том и беда. Присядьте, повелитель,
Честь оказав столу.

М а к б е т

Мне места нет.

Л е н о к с

Вот место, государь мой.

М а к б е т

Где?

Л е н о к с

Да вот же.

Вам что-то не по вкусу, мой король?

М а к б е т

Кто, лорды, это сделал?

Л о р д ы

Что? О чем вы?

Макбет видит Призрак Банко.

М а к б е т *(Призраку)*

Не обвиняй и головой своей
Кровавой не кивай.

Р о с с

Друзья, пойдемте.

Его величеству нехорошо.

Л е д и М а к б е т

Садитесь, господа. У государя
Такое с детства. Умоляю вас.

Сейчас пройдет. Избыточным вниманьем

Вы можете обидеть короля
И сделать только хуже. Продолжайте
Застолье. (*Макбету.*) Ты мужчина или кто?

Макбет

Еще какой! В упор смотрю, не дрогнув,
На то, чего и дьявол бы бежал.

Леди Макбет

Бред! Жалкое исподнее испуга.
Как сотканный из воздуха кинжал,
Что вел тебя к Дункану. Это корчи
Притворства, а не страха, это все
Не более чем бабушкины сказки,
Чтобы пугать детей у камелька.
Что за гримасы? Сгинет привиденье —
И ты увидишь стул.

Макбет

Смотри, смотри!

Смотри туда! Что скажешь? Видишь? Вот он,
Взгляни! (*Призраку.*) А-а, ты киваешь, так скажи.
Когда усопших гонит смерть из гроба,
Надгробьем будет коршунов утроба.

Призрак Банко исчезает.

Леди Макбет

Ты спятил.

Макбет

Он был здесь, как я.

Леди Макбет

Стыдись!

Макбет

И прежде кровь лилась, во дни дикарств

И беззакония. Теперь же
Сам слух о крови оскорбляет слух.
Что было прежде? Вышибут мозги —
И всё. Теперь же мертвецы, восстав, —
У каждого по двадцать ран смертельных, —
Сошвыривают нас со стульев, это
Немыслимой убийства.

Л е д и М а к б е т

Государь,

Мы все без вас скучаем.

М а к б е т

Я забылся.

Не беспокойтесь, господа. Пустяк.
Друзья за мною знают эту немощь.
Пусть с вами ладят радость и любовь.
Я сяду. Мне вина! — и до краев.
Я пью за счастье всех, кто за столом,
Я пью за дорогого друга Банко.
Увы! Мне жаль, что нет его средь нас.
За вас и за него!

П р и з р а к Б а н к о возвращается.

Л о р д ы

За государя!

М а к б е т (*Призраку*)

Прочь! Провались сквозь землю, с глаз долой!
Безмозгой костью, кровью ледяной,
Бессмысленно слепящим взглядом! Прочь!

Л е д и М а к б е т

Все это наши странности, не больше.
Но и не меньше. Пир не удался.

Макбет (*Призраку*)

Я храбр, как и пристало быть мужчине.
Будь ты сибирский бешеный медведь,
Иль грозный носорог, иль тигр гирканский,
Да кто угодно, но не то, что есть,
Я не повел бы бровью. Оживи
И вызови меня на поединок
И, если смалодушничая я
В единоборстве, — назови слюнтяем.
Сгинь, чудище!

Призрак Банко исчезает.

Ушел. А я пришел

В себя. Я вас прошу не расходиться.

Леди Макбет

Ты праздник наш и радость омрачил,
Устроив этот цирк.

Макбет

Кого из смертных

Ночь среди бела дня не изумит?

Я вижу этот ужас и бледнею

От страха, и еще страшней, что ты

Глядишь туда же, но при том играет

Румянец жизни на твоих щеках.

Росс

Что видит мой король?

Леди Макбет

Ни слова больше.

Ему все хуже. Разговор его

Взбесит — и только. Всем спокойной ночи!

Прошу без ритуалов, господа.

Л е н о к с

Спокойной ночи и выздоровленья!

Л е д и М а к б е т

Спокойной ночи всем, благодарю.

В с е, кроме Макбета и леди Макбет, уходят.

М а к б е т

Так повелось издревле: кровь за кровь.

Надгробья с мест срывались, и от слов

Листва захлебывалась, и убийц

Авгур провидел, всматриваясь в птиц:

Грачей, сорок и галок... Ночь, пожалуй?

Л е д и М а к б е т

Пожалуй, в споре с утром: чей черед.

М а к б е т

Макдуф нам отказал в своем визите.

В чем дело?

Л е д и М а к б е т

Он тебя оповестил?

М а к б е т

Да нет, не он. Пошлем за ним. Всё слухи.

Сказать точней — подкупленные слуги.

Есть верные лакеи у господ.

К вещуньям-сестрам, только рассветет!

Всё выпытать, хотя бы суждено

И худшее узнать, но я обязан

Предупредить опасность! Я давно

Тону в крови, и эту реку вспять

Не повернуть, сподручней — убивать.

Есть мысли, воплощаемые лишь

До осмысленья, иль — не воплотишь.

Леди Д Макбет

Сон лечит.

Макбет

Ты права, мой друг. Пора.
Мой бред — страх новичка. Мы в этом деле,
Сказать по правде, не поднаторели.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Гром.

Три ведьмы и — навстречу им — Геката.

Первая ведьма

Ты зла, Геката? Все не так?

Геката

Кто своевольничает? Как
Не злиться мне на старых карг?
Кто смел, Макбета приманя,
Пророчествовать без меня?
Властительницу черных чар
И с неба каркающих кар
Никто из вас не пригласил
На сборище нечистых сил!
Чей раздуваете сейчас
Костер? Ему плевать на вас.
Кто ваш, колдуньи, господин?
Неблагодарный сукин сын.
Теперь же возместим урон:
В канаве, там, где Ахерон,

Слетимся утром лоб ко лбу
Прознать Макбетову судьбу.
Ташите к колдовству котлы,
Колды-булды, булды-колды.
Лечу! Сегодня из огня
Да в полымя несет меня.
Управиться б к полудню мне.
Вишь, капля виснет на луне, —
Лечу! Хочу ее украть,
Чтоб ей на землю не упасть.
Из этой капли силой чар
Я духов выпарю, как пар,
Чтобы в Макбетов мозг сумбур
Они вбуравили, как бур,
Пусть в уши ввертит круговерть
Ему, что он обманет смерть,
Что он сильнее, чем рок и страх.
Кичливость — враг его и крах.

За сценой музыка и пение: «Пора, пора!»

Лечу! Глянь, верность мне храня,
Мой дух на туче ждет меня.
(Исчезает.)

Первая ведьма

Скорее, ведьмы, чу, ведь мы
Должны вернуться в срок из тьмы.

Исчезают.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Форрес. Дворец.

Входят Ленокс и другой лорд.

Ленокс

Мы сходны в мыслях, дело в заключенье.
Творится что-то странное — вот все,
Что я сказал. Макбет скорбел о смерти
Дункана. Ну конечно, тот ведь мертв.
Куда-то на ночь глядя скачет Банко.
Храбрый, по дороге он убит.
По-видимому, Флинс его убийца —
Ведь Флинс сбежал... Не шастай по ночам!
Малькольм и Дональбайн — цареубийцы.
Черт побери, а почему бы нет?
О, как Макбет скорбел! Он в гневе правом
Убил убийц, вкушавших пьяный сон, —
Как это благородно! Да и мудро!
Проснись они — мы были б вне себя,
Услышав их пустые отговорки.
Я думаю, Макбет себя повел
Прекрасно. Посади он сыновей
Дункана под замок (избави боже!),
Они б сполна узнали, каково
Убить отца, и то же Флинс... Но хватит.
Я слышал, что в немилости Макдуф
Из-за того, что прям и не явился
На пир. Быть может, вам известно, сэр,
Где скрылся он?

Лорд

Сын короля Малькольм,

Которого наследственного права
Лишил Макбет, живет при короле
Английском Эдуарде. Благородный
Король так обходителен и так
Заботлив, что, при всех своих несчastьях,
Малькольм утешен. Там же и Макдуф.
Он просит у святого Эдуарда
Поддержки, чтоб поднять Нортумберленд,
Который поведет всеильный Сивард.
Так, с их и Божьей помощью, Макдуф
Надеется вернуть нам сон спокойный,
Стол, полный яств, и мирные пиры,
Где нет ножей кровавых, где в почете
Равно честь подданного и монарха честь.
Вот наше упование. Озлившись,
Макбет теперь готовится к войне.

Л е н о к с

Он звал его обратно?

Л о р д

Безуспешно.

Макдуф отрезал: «Нет!» — на что гонец
В ответ угрюмо буркнул: «Пожалеешь!»

Л е н о к с

Пусть это предостережет его.
Чем дальше от Шотландии, тем лучше.
Но в Англии ему явился ангел
И Дух Святой его благословил
И возвращенье скорое сулил,
Освободительное для отчизны.

Л о р д

Я этого хотел бы больше жизни!

Уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Пещера. Посередине — кипящий котел. Гром.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма

Мякнул трижды рыжий кот, сестра.

Вторая ведьма

И хныкнул трижды серый еж, сестра.

Третья ведьма

И гарпия кричит: «Пора! Пора!»

Первая ведьма

Вкруг котла пошли шажки,

В нем отравы, в нем кишки.

Первой — жаба! Жабий яд,

Зревший тридцать дней подряд

Под оклизлым валуном,

Закипай в котле чудном.

Все ведьмы

День, двоись, огонь, слепи,

Ночь, варись, котел, кипи.

Вторая ведьма

Ты, змеиное филе,

Доходи в чудном котле,

Рыбий жир, свиные ноздря,

Хвост и шерсть нетопыря,

Жало кобры, клюв сыча,

Червь и псинная моча.

Яд в бульончике копи,

Адской жижей мир кропи.

Все ведьмы

День, двоись, огонь, слепи,

Ночь, варись, котел, кипи.

Третья ведьма

Хрящ дракона, волчий ворс,

Скальп козла и ведьмин торс,

Желчь жида-еретика,

Сок цикуты, зуб хорька,

Глаз циклопа, лапки крыс,

Мак, болиголов и тис,

Нос бастарда, что подох

Там, где сох чертополох,

Рой мушиный, сгнивший мох,

Косточки куриных шей,

Да с присыпкой блох и вшей,

Да со щучьей требухой, —

Супчик выйдет неплохой.

Все ведьмы

День, двоись, огонь, слепи,

Ночь, варись, котел, кипи.

Вторая ведьма

Бабуина кровь залей,

Чтоб отвар остыл скорей.

Входит Геката.

Геката

Чудно! Я восхищена!

Всем троим воздам сполна!

В пляс под бульканье котла,

В пляс под вещие слова

Колдовского варева!

Музыка, все ведьмы поют песню «Черные дүхи».

Г е к а т а уходит.

В т о р а я в е д ь м а

Щиплет в пальчиках, вот-вот
Злыдень, стало быть, придет.
Кто ты, бес, говори,
Кто б ни лез, отвори.

Входит М а к б е т.

М а к б е т

Что варится у вас в котле, вещуньи
И черноскрытницы? Над чем вы тут
Корпите, словом?

В с е в е д ь м ы

Словом не опишешь.

М а к б е т

Опишешь или нет, но кое-что,
Вам ведомое, я намерен вызнать.
Поднимется ли вихрь, крушащий храм,
С волною, поглотившей морехода,
Умрут ли дерево и урожай,
Разрушатся ль дворцы и пирамиды
До самого фундамента, и мир,
Весь, до былинки, превратится в хаос,
И хаос изнеможет, превзойдя
Себя, — мне все равно, я жду ответа.

П е р в а я в е д ь м а

А мы — вопроса.

В т о р а я в е д ь м а

Говори!

Третья ведьма

Мы ждем!

Первая ведьма

К нам обращаешь внешнеющее ухо
Иль к высшим духам?

Макбет

К высшим, так верней.

Первая ведьма

Кровь свиньи, что всех своих
Пороят девятерых
Сожрала, а к ней блевота
Висельника с эшафота —
В пламя, только размешай!

Все ведьмы

Высший-низший, не вилай,
Все, что ведаешь, являй.

Гром. Появляется первый призрак:
голова в шлеме.

Макбет

Могущественный дух, открой...

Первая ведьма

Нет, нет,

Он знает твой вопрос. Молчи, Макбет.

Первый призрак

Макбет, Макдуфа берегись и знай,
Что Файфский тан — твой недруг. Все. Прощай.
(Исчезает.)

Макбет

Кто б ни был ты, благодарю за твой
Совет, он подтвердил мой страх. Постой!

Первая ведьма

Ты не указ ему. Второй сильнее
Того, что был.

Гром. Появляется второй призрак:
окровавленный младенец.

Второй призрак

Макбет, Макбет, Макбет!

Макбет

Имей я третье ухо, я бы слушал
Тремя.

Второй призрак

Будь непреклонен, смел, кровав.
Смеясь над власть имущими, ты прав —
Рожденный женщиной тебе не страшен.

(Исчезает.)

Макбет

Живи, Макдуф, я не боюсь тебя!
А все ж для верности, чтоб не вмешался рок, —
Убить! Тогда и страх, что потакает
Унынью сердца, сгинет, как подлог,
И даже гром мой сон не растолкает.

Гром. Появляется третий призрак: коронованное дитя
с ветвью в руке.

Кто этот принц, что осенен короной?

Все ведьмы

Внимай и ничего не говори.

Третий призрак

Будь горд и смел, как лев, наплюй на склоки,

На заговоры, злобу и пороки.
Пока Бирнамский лес не двинет строй
На Дунсинан — неколебимо стой.
Нет никого, кто б справился с тобой.
(Исчезает.)

Макбет

Кто деревьям прикажет, чтобы сами
Повыдергались из земли с корнями?
Никто. Пока Бирнамский лес к земле
Прирос, убитые не угрожают мне.
Всю жизнь живи во власти и всеилье,
Король, с тобой не справится насилье!
Но сердца дрожь... О призрак, Флинс на трон
Когда-нибудь воссядет, вознесен?

Все ведьмы

С тебя довольно!

Макбет

Нет, скажи, хочю
Знать, а не скажешь — проклянү навеки.
Куда пропал котел и что за звуки?

Гобои.

Первая ведьма

Явись!

Вторая ведьма

Явись!

Третья ведьма

Явись!

Все ведьмы

Явись, явись!

Явись ему и душу сокруши.

Возникни, тень, и скрыться поспеши.

Явление восьми королей, последний держит зеркало,
за ним — Призрак Банко.

Макбет

На Призрак Банко ты похож. Изыди.

(Первому.)

Твоя корона мне слепит глаза.

(Второму.)

А на тебе как будто две короны —

Так золотисты волосы твои...

Как у него...

(Третьему.)

А ты — как предыдущий.

Мерзавки! Что являете? Зачем?

Еще? Чтоб из орбит глаза полезли?

До смерти будет эта карусель?

Шестой! Седьмой!.. Еще? Не вижу больше...

Вот и восьмой! И с зеркалом, а в нем

Толпа таких же — кто идет с державой

Двойной, а кто со скипетром тройным.

Дерьмо! Все правда? Банко, надо мною

Ехидствуя, кровавой головой

Кивает на свое потомство.

Призраки исчезают.

Так ведь?

Первая ведьма

Так, все так, но почему же

Ты смущен, а то и хуже?

Эй, талантами блеснем,
Позаботимся о нем.
Как взвинчу я воздух криком,
В круг сойдемся в танце диком.
Пусть король оценит хор,
Пыл и рвение сестер.

Музыка. В е д ь м ы пляшут, затем исчезают.

М а к б е т

Куда пропали? Проклят будь навеки
Сей черный час! Вернитесь, вы куда?

Входит Л е н о к с.

Л е н о к с

Что вам угодно, государь мой?

М а к б е т

Видел

Сестер-вещуний?

Л е н о к с

Нет, мой государь.

М а к б е т

Вы разминулись?

Л е н о к с

Никого не видел.

М а к б е т

Там, где они, там воздух зачумлен.
Черт бы побрал тех, кто в чертовок верит!
Я слышал стук копыт. Кто это был?

Л е н о к с

Гонцы. Они примчались с донесеньем:
Макдуф бежал. Он в Англии.

Макбет

Бежал?

Ленокс

Согласно донесению — к англичанам.

Макбет

Ты, время, юрче всех кровавых дел.
Цель ускользает, если не посмел
В нее вцепиться, ухватив мгновенье.
Отныне мысль — и есть осуществленье,
Венчающее мыслимый предел.
Напасть на замок беглого Макдуфа,
Убить его жену, детей и всех,
Кто претендует на его наследство.
Презрен, кто чешет языком, чей пыл
Так распылен, что воли след простыл.
Нет, с призраками больше ты не водишь
Знакомство! Где гонцы? Пойдем, проводишь.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Файф. Замок Макдуфа.

Леди Макдуф, ее сын и Росс.

Леди Макдуф

Но что его принудило к побегу?

Росс

Давайте подождем...

Леди Макдуф

Мой муж не ждал.

Безумный шаг. Пусть ты отчизне предан,
Но страх тебя в предателя рядит.

Р о с с

Быть может, здесь не страх, а разуменье?

Л е д и М а к д у ф

Ах, разуменье! Бросить дом, семью —
Все, чем владел, — и где? — где так опасно,
Что сам сбежал! Да он не любит нас!
Простой инстинкт родства ему неведом.
Мельчайшая из птиц — вьюрок — и та
Своих птенцов сове не даст в обиду.
Все только страх и никакой любви.
Какое разуменье в безрассудстве?

Р о с с

Кузина дорогая, я молю:
Держитесь! Он умен и благороден.
И знает, где живет. Но я молчу.
Ужасны времена, когда иудой
Зовут того, кто за собой вины
Не знает, и когда, одолевая
Страх клеветы, не ведаем в душе,
Чего боимся. Так вот шторм швырнет
Куда попало крохотный кораблик,
Который никуда не приплывет.
Когда все хуже некуда, тогда ведь
Путь только к лучшему открыт.

(Сыну леди Макдуф.)

Дружок,

Храни тебя Господь. До скорой встречи.

Л е д и М а к д у ф

Хоть жив его отец, он сирота.

Р о с с

Еще мгновение — и я раскисну
И опечалю вас еще сильнее.
Я ухожу.

(Уходит.)

Л е д и М а к д у ф

Отец твой мертв, мой мальчик.
Как будешь дальше жить?

С ы н

Как птицы...

Л е д и М а к д у ф

Да?

Есть червяков и мух?

С ы н

Все, чем Небесный

Отец питает, как небесных птиц.

Л е д и М а к д у ф

Птенец! Как от земных ловцов спасешься,
От их сетей или силков?

С ы н

Зачем?

Кто на птенцов охотится?.. Неправда,
Что умер мой отец. Он жив.

Л е д и М а к д у ф

Он мертв.

Где раздобыть тебе отца, мой птенчик?

С ы н

Спроси себя: где мужа раздобыть?

Л е д и М а к д у ф

Найду хоть двадцать, на любой толкучке.

С ы н

Тогда купи, чтоб их перепродать.

Л е д и М а к д у ф
Ребенок, ты смекалист не по-детски.

С ы н
Мам, мой отец предатель?

Л е д и М а к д у ф
Да, увы.

С ы н
Предатель — это кто?

Л е д и М а к д у ф
Тот, кто на верность

Кому-то присягает, чтоб соврать.

С ы н. Все они — предатели?

Л е д и М а к д у ф. Да, и все они должны быть пове-
шены.

С ы н. Все-все, которые клянутся, а потом врут?

Л е д и М а к д у ф. Да.

С ы н. А кто их должен вешать?

Л е д и М а к д у ф. Честные люди.

С ы н. Ну и дураки эти предатели, их ведь больше, что
им стоит собраться и перевешать честных?

Л е д и М а к д у ф. Господь с тобой, бедная обезьянка!
Что ты будешь делать без отца?

С ы н. Если бы он умер, ты бы плакала. А если бы не
плакала, тоже хорошо: значит, вскорости у меня поя-
вился бы новый отец.

Л е д и М а к д у ф. Болтушка, что ты говоришь!

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

Прекрасной леди мой поклон, Бог в помощь!

Пусть вы меня не знаете, зато

Я знаю ваш высокий сан и знаю,
Что вам грозит опасность и она
Близка... Хочу сказать вам по-простому:
Бегите с малышом, и поскорей.
Жестоко вас пугать, но бессердечней
Вас не предостеречь. Идет беда.
Храни вас небо!

(Уходит.)

Л е д и М а к д у ф

От кого бежать мне?
Я никому не сделала вреда.
Ах, надо помнить: тот, кто здесь рожден,
Случается, за зло вознагражден,
А за добро, как дурачок, унижен.
Не в женских это силах — убеждать,
Что ты не виноват...

Входят у б и й ц ы.

Какие лица!

П е р в ы й у б и й ц а

Где муж твой?

Л е д и М а к д у ф

Я надеюсь, не в такой

Клоаке, где шныряют душегубы.

П е р в ы й у б и й ц а

Твой муж — предатель.

С ы н

Врешь, косматый гад!

П е р в ы й у б и й ц а

Изменническое отродье!

(Закалывает его.)

Вша!

Сын

Мама, он меня убил.
Беги скорей отсюда, умоляю.
(Умирает.)

Леди Макдуф кричит: «Убийцы!» — убегает,
убийцы за ней.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Англия. Перед королевским дворцом.
Входят Малькольм и Макдуф.

Малькольм

Уединимся где-нибудь в тенистой
Прохладе, чтобы остудить сердца.

Макдуф

Мы воинами стать должны сегодня,
Чтоб павшую отчизну защитить
С мечом в руке. Что ни рассвет, то вдовий
Плач, и сиротский всхлип, и скорбь —
Они взывают к небесам, и отзвук
Небес — как вопль Шотландии самой.

Малькольм

Придет мой час, и все, во что я верю,
Я отстою. Вы правы, может быть. —
Одно лишь имя этого тирана
Язвит язык, а он ведь слыл всегда
Честнейшим человеком и Макдуфа

Не только не третировал — ценил.
Не знаю, я неопытен, но нет ли
У вас расчета в жертву принести
Меня, невинного, разгневанному Богу?

М а к д у ф

Коварство чуждо мне.

М а л ь к о л ь м

Зато ему

Не чуждо. Повелителю по силам
И праведника перелицевать.
Прошу простить мой страх, вы ни при чем тут.
Пал Люцифер, но ангелы светлы.
Пусть зло прикидывается добром —
Лишь то добро, что истинно нутром.

М а к д у ф

Я потерял надежду.

М а л ь к о л ь м

Там, где я

Нашел сомнение. Как могли вы бросить
На произвол судьбы бесценный дар:
Жену и сына? Но, возможно, эти
Слова об уязвимости моей
Свидетельствуют больше, чем о вашей,
И, что б я там ни думал, вы честны.

М а к д у ф

Кровоточи, мой бедный край! О деспот,
Добро тебя бежит, всласть утверждай
Свою державу; в краденном блаженствуй,
Закон тебя пригрел. — Прощайте, принц!
Я не подлец — ни трон, ни все богатства
Востока не купили бы меня.

Вы обознались.

М а л ь к о л ь м

Лорд, не обижайтесь.

Я не во всем не доверяю вам.
Я знаю, что страна исходит кровью
И плачем, что изранен каждый день.
Я думаю, за мной пошли бы люди,
И Англия, по щедрости своей,
Дает мне многотысячное войско.
Но скатится ль Макбета голова
К моим ногам иль я его поддену
Мечом, моя несчастная страна
Погрызнет пуще прежнего в пороках,
Вдвойне согнувшись под ярмом того,
Кто сокрушит тирана.

М а к д у ф

Но о ком вы?

М а л ь к о л ь м

Я о себе. Дурных страстей не счесть.
Едва прорвутся, чернота Макбета
Покажется белей, чем белый снег,
И бедная Шотландия, пожалуй,
Его еще ягненком назовет.

М а к д у ф

Кромешный ад средь дьяволов своих
Едва ль найдет сравнимого с Макбетом.

М а л ь к о л ь м

Да, кровожаден, скуп, распутен, лжив,
Коварен, вероломен, да, повинен
Во всех земных грехах. Но я-то схож
С бездонной пропастью, чье имя — похоть.
Ни матерей, ни жен, ни дочерей

Не пощажу, вовеки не насытяться.
В желаньях необуздан, я смету
Всех, кто перечит мне. Пусть правит лучше
Макбет.

М а к д у ф

В неуголимости своей
Разврат — тиран, сваливший прежде срока
С роскошных тронов многих королей.
Не бойтесь вам принадлежащей власти.
Вы можете и тайно утолять
Свое обжорство, представляясь людям
Высоконравным. Обманите их.
Немыслимо, чтобы число желанных
Красавиц оказалось меньше, чем
Желающих отдаться венценосным
Стервятникам.

М а л ь к о л ь м

Но к похоти моей
Добавьте неумеренную алчность —
Став королем, я разорю дворян,
Все отобрав у них: дома и земли.
Чем дальше, тем я буду голодней,
В конце концов найдя предлог для ссоры
С вернейшими из подданных своих,
Чтоб руку запустить и в их карманы.

М а к д у ф

Алчба глубинней по своим корням,
Чем переменчивое сладострастье,
И многих государей сожрала.
Отбросьте страх. В Шотландии не меньше
Богатств, чем appetитов у алчбы.
Уравновесьте зло по-королевски.

М а л ь к о л ь м

Нет ни одной из королевских черт —
Где справедливость, храбрость и смиренность?
Где искренность, терпенье, стойкий нрав?
Где сдержанность, упорство, милосердие?
Где преданность и щедрость? — нет как нет.
Зато пороки в преизбытке. Будь я
Властителем, я сладенький сироп
Людского мира выплеснул бы к черту,
В ад, а за ним и весь подлунный мир

М а к д у ф

Шотландия, Шотландия!

М а л ь к о л ь м

Скажите,

Достоин ли у власти быть такой,
Каков я есть?

М а к д у ф

Ни власти не достоин,
Ни жизни. — Обездоленный народ,
Терзаемый кровавым самозванцем,
Увидишь ли блаженство мирных дней,
Когда сам принц сквернит себя признаньем
В ничтожестве, позоря царский род? —
Отец ваш был непогрешим на троне,
Мать-королева провела всю жизнь
В молитвенном склонении. Прощайте!
Та злоба, что раскрылась предо мной,
Велит с Шотландией мне разлучиться
Навеки. — О надежда, ты мертва!

М а л ь к о л ь м

Макдуф, мои позорные сомненья

Развеялись — так страстен твой порыв
И так сердечен, что твоя правдивость
Вне подозрений. Дьявольский Макбет
Подманивал меня не раз, я должен
Всем недоверьем быть настороже.
Но, Бог свидетель, я отныне предан
Тебе и лжепризнания свои
Беру назад, мне чужды те пороки,
Которыми я так себя клеймил.
Я никогда не лгал, не знаю женщин,
Чужого не стяжал да и своим
Не озабочен, я умею слово
Держать и даже черта самого
Не предал бы подельникам чертовским.
Я истиной, как жизнью, дорожу.
Поклеп на самого себя был первой
Моей неправдой. Я всего лишь тот,
Кто хочет быть с тобой, служа отчизне.
Немного до приезда твоего
Нам на подмогу вышел старый Сивард.
Он с войском в десять тысяч, ты и я —
Мы разобьем Макбета тем вернее,
Чем справедливей бой. Что ты молчишь?

М а к д у ф

Непросто радость с горем сочетать
В одно мгновенье.

Входит врач.

М а л ь к о л ь м

Хорошо, потом

Договорим.

(Врачу.)

Король уже выходит?

Врач

Да, сэръ. Толпа болящих собралась.
Им лучшие врачи помочь не могут,
А он прикосновением своей
Божественной десницы исцеляет.

Малькольм

Спасибо, доктор.

Врач уходит.

Макдуф

Чем они больны?

Малькольм

В народе называют «злая немочь».
Здесь, в Англии, я наблюдал не раз
Целебные его прикосновенья —
Вот чудо из чудес! Какой ценой
Небесный дар достался Эдуарду,
Известно лишь ему. Но лечит он
Все что угодно: опухоли, язвы,
Неизлечимых, жалких, тех, чья хворь
Неведома, — привесив им на шею
Монетку золотую и шепча
Слова святые. По наследству детям,
Я слышал, перейдет чудесный дар.
Он и пророк, и одарен во многом
Другом. На нем Господняя печать.

Входит Росс.

Ма к д у ф

Кто это там?

Ма л ь к о л ь м

По виду он шотландец.

Ма к д у ф

Мой милый родственник, привет тебе!

Ма л ь к о л ь м

Теперь узнал. О Боже, устрани
Все, что друзей лишает и родни.

Р о с с

Приветствую!

Ма к д у ф

Как дома? Всё как прежде?

Р о с с

Страна внушает страх сама себе.
Наша родина теперь не мать — могила.
Там улыбаются лишь дураки,
Там крик и стоны полосуют воздух,
Но нет людского отклика на них,
Там вопиющим всеобщим стало горе,
Там нескончаем погребальный звон,
Но по кому, не спрашивают. Люди
Мрут, не успев состариться, быстрее
Сникая, чем цветы на шляпах.

Ма к д у ф

Ясно,

И даже слишком. Верно, так и есть.

Ма л ь к о л ь м

Чем был отъезд под занавес отмечен?

Р о с с

Боюсь, освищут, что б я ни сказал.
Там каждый миг отмечен новым горем.

Макдуф

А как моя жена?

Росс

В покое, сэра.

Макдуф

А дети?

Росс

Тоже.

Макдуф

Мир их не нарушен?

Росс

Покой и мир.

Макдуф

Вы скупы на слова.

Есть новости?

Росс

Когда сюда я ехал
С печалью в сердце, слух меня нагнал,
Что доблестные воины готовы
К походу, а когда Макбет своих
Бойцов стал собирать, слух подтвердился.
(Малькольму.)

Нам не хватает вас, чтобы своим
Присутствием вы вдохновили войско.
Мне кажется, и женщины пойдут
Против тирана.

Малькольм

Будьте же спокойны,
Я возвращаюсь. Англия дает,
По милости своей, нам десять тысяч
Солдат, которых Сивард поведет.
А он сильнейший в христианском мире.

Р о с с

Я бы хотел, чтоб весть моя была
Достойна вашей, но ее уместней
Провыть в пустыне, где живой души
Не сыщешь днем с огнем.

М а к д у ф

Весть, говорите?

Всех поразит она иль одного?

Р о с с

Тому, кто человек, чужое горе
Небезразлично, но горчайший груз
Нести вам одному придется.

М а к д у ф

Только

Прошу вас, не скрывайте ничего!
Скорей!

Р о с с

Пусть слух ваш не возненавидит
Мои слова за их ужасный смысл —
Едва ли он страшнее что-то слышал.

М а к д у ф

Догадываюсь.

Р о с с

Замок взят врагом.
Жена и дети варварски убиты.
Подробности убили бы и вас.

М а л ь к о л ь м

Бог милосердный!

(Макдуфу.)

Шляпу на глаза
Не надвигайте, не держите горе
В себе — оно, из грозových темнот

Не вырвавшись, лишь сердце разорвет.
Макдуф

И дети тоже?

Росс

Всех, кого нашли.

Макдуф

Пока я здесь... Жену убили?

Росс

Да.

Малькольм

Воздав злодею той же мерой, друг,
Мы вылечимся от смертельной боли.

Макдуф

Макбет бездетен. Всех моих птенцов?
Всех, вы сказали? Коршун преисподней!
Всех — и цыплят, и мать в единый миг?

Малькольм

Мужайтесь!

Макдуф

Я мужчина, но при этом
Я человек, в чьей памяти живет
Все, что любимо. Небеса взирали
На этот ужас и не помогли?
Макдуф, ты совершил злодейство это.
Они убиты за твои грехи,
Не за свои. Так упокойтесь с миром.

Малькольм

Точите меч. Пусть гневом станет скорбь
И в ярости раскрепостится сердце.

Макдуф

Я выгляжу, как женщина в слезах
И как хвостун, смакующий расплату.

О милостивый Бог, дай встречу мне
На расстоянии меча с Макбетом
И, если от меча он убежит,
Прости его.

М а л ь к о л ь м

Вот это по-мужски!
Пойдемте к Эдуарду. Войско в сборе.
Простимся с королем. Макбета власть
Доспела до того, чтобы ей пасть.
Взбодримся, справедливый суд творя,
Ночь сменит неизбежная заря.

Уходят.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дунсинан. В замке.

Входят врач и придворная дама.

Врач. Вот уже две ночи я неотлучно здесь с вами — ну и где то, о чем вы говорили? Когда вы видели ее последний раз бродящей во сне?

Придворная дама. С тех пор как его величество ушел на войну, я не раз видела, как она встает, накидывает халат, отпирает бюро, берет бумагу, раскладывает, что-то пишет и, перечитав, запечатывает написанное, а потом ложится обратно в постель; и все это во сне.

Врач. Неслыханное дело: спать и одновременно бодрствовать! Среди этой беспокойной дремы, блужданий и прочего она что-то говорит?

Придворная дама. Да, говорит, сэра. Но я не вправе это повторить.

Врач. Вы можете мне довериться. Вы должны.

Придворная дама. Ни вам, ни кому-то еще, потому что нет свидетеля, который бы мог подтвердить мои слова.

Входит леди Макбет со свечой.

Гляньте, вот она. Какая и всегда. Жизнью клянусь, спит крепким сном. Понаблюдайте, только тихонько.

В р а ч. Откуда у нее свеча?

П р и д в о р н а я д а м а. Она всегда у нее под рукой.
По ее приказу свет не гасят.

В р а ч. Смотрите, глаза открыты.

П р и д в о р н а я д а м а. Открыты, но незрячи.

В р а ч. Что она делает? Смотрите, как она трет руки.

П р и д в о р н а я д а м а. Привычное ее движение, словно моет. Я видела однажды, она вот так терла минут пятнадцать.

Л е д и М а к б е т. Еще пятно.

В р а ч. Слышите, она говорит! Я запишу, чтобы лучше запомнить.

Л е д и М а к б е т. Прочь, прочь, проклятое пятно! Прочь, говорю. Раз, два. Пора! Ад мрачен. — Фу, мой господин! Ты воин — и боишься? Фу! Чего бояться, нас никто ни в чем не может уличить. — Но кто же знал, что в старике так много крови?

В р а ч. Вы слышали?

Л е д и М а к б е т. У тана Файфского жена жила-была, а где она? — Что, руки не отмыть теперь? — Нет, господин мой, хватит, так нельзя. Ты все погубишь в приступе испуга.

В р а ч. Так, так. Вы услышали нечто, что слышать не следовало.

П р и д в о р н а я д а м а. Она сказала нечто, что говорить не следовало. Я уверена. Только Бог знает, что у нее на душе.

Л е д и М а к б е т. Еще пахнут кровью. Всем аравийским ароматам не отбить запаха этих маленьких ручек. О-о-о!

В р а ч. Какой вздох! На сердце ее тяжесть.

Придворная дама. С такой тяжестью в сердце
я бы и королевской стати не пожелала.

Врач. Ладно, ладно.

Придворная дама. Дай бог, чтоб все ладно было,
сэр.

Врач. Эта болезнь не по моей части. Но я знал таких
снобродов, которые благочестиво умирали в своих по-
стелях.

Леди Макбет. Вымой руки. Надень свой халат. Не
бледней так. Тебе говорят, Банко в землю зарыт и не вый-
дет оттуда.

Врач. Вот оно как!

Леди Макбет. Спать, спать. Стучат в ворота. Спать,
спать, спать. Пойдем, пойдем, пойдем. Дай руку мне. Что
сделано, то сделано. — В кровать. *(Уходит.)*

Врач. Она пошла спать?

Придворная дама. Да.

Врач

Дурные слухи. Свалится с луны
Беда, когда дела земле противны.
Не врач, а исповедник нужен тут.
Душа выплакивает в глухоту подушки
Свою болезнь. О, Господи прости!
Опасные предметы лучше спрячьте.
От леди ни на шаг. Спокойных снов!
Мой ум смятен, а зренье смущено.
Сказать не смею то, что знать дано.

Придворная дама. Спокойной ночи, доктор!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

*Местность близ Дунсинана. Барабаны и знамена.
Входят Ментис, Кэтнес, Ангус, Ленокс
и солдаты.*

Ментис

Мы где-то рядом. Англичан ведут
Малькольм, Макдуф и Сивард, дядя принца.
Они горят желаньем взять реванш,
И так горят, что страсть к сраженью вспыхнет
И в мертвеце.

Ангус

Бирнамский лес, куда
Они идут, — ориентир для встречи.

Кэтнес

Идет ли вместе с братом Дональбайн?

Ленокс

Нет. Имена дворян я видел в списке.
Сын Сиварда идет, с ним без числа
Юнцов безусых, для которых этот
Поход — их первый мужественный шаг.

Ментис

Что делает Макбет?

Кэтнес

Он укрепляет
Свой Дунсинан. И говорят, сошел
С ума, а ненавистники поменьше
Безумную браваду видят в нем.
Но ясно всем, что он неуправляем.

Ангус

Он чувствует, как, кровью тайных жертв

Замаранные, липнут руки. Каждый
Миг приближенья битвы мстит ему
За вероломство. Не любви, приказу
Подчинены его бойцы. Наряд
Великого ему велик, как будто
Ограбил великана лилипут.

Ментис

Кто может устыдить того, чей ум
Зашел за разум от повинных дум?

Кэтнес

Вперед! Пусть наша верность присягнет
Достойному — как врач, он от болезни
Страну избавит. Всю до капли кровь
Прольем за это!

Ленокс

Пусть на ней взойдет
Цветок Малькольма, а сорняк умрет.
Бирнамский лес недалеко. Вперед!

Уходят строем.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Дунсинан. В замке.

Входят Макбет, врач и свита.

Макбет

Не надо больше рапортов. Всех к черту.
Пока Бирнамский лес на Дунсинан
Не двинется, мне нечего бояться.

Малькольм? Он что, не женщиной рожден?
Мою судьбу мне духи предсказали:
«Рожденный женщиной тебе
Не страшен», — не дрожи! Вы англичанам
Изнеженным, милорды, продались.
Черт с вами! А меня ни на мгновенье
Не поколеблет страх или сомненье.

Входит слуга.

Тебя бы просмолить, хам бледнорожий!
Гусиной кожей ты покрылся весь!

С л у г а

Их десять тысяч там...

М а к б е т

Гусей?

С л у г а

Солдат, сэръ.

М а к б е т

Кишка тонка, болван, иди щипли
Себя за щеки, чтоб вернуть им краску.
Ты бледен, сукин сын, как полотно,
И всех пугаешь. Что там за солдаты?

С л у г а

Английские войска.

М а к б е т

Прочь с глаз, дурак.

С л у г а уходит.

Эй, Сейтон! — Все, что вижу, сотрясает

Мне душу... Эта битва навсегда
Мой трон возвысит. Или опрокинет.
Кончается ль мой день, и смерти тень
Набрасывает сеть свою, как осень?
Взамен того, что старости дано, —
Любви, друзей, покоя, почитанья, —
Лесть подданных с проклятьями в душе
И собственная жизнь, с которой сердце
Расстаться хочет, но не смеет. — Эй!

Входит Сейтон.

Сейтон

Я здесь, мой государь.

Макбет

Какие вести?

Сейтон

Все подтвердилось.

Макбет

Я не отступлю,

Пока с костей моих не сдернут мясо.

Доспехи!

Сейтон

Но еще не время.

Макбет

Дай

Доспехи мне. Пусть рыщут верховые

По всей стране и вешают того,

Кто сеет страх. Доспехи!

(Врачу.)

Как больная?

В р а ч

Тут, государь, душевная болезнь —
Виденья не дают покоя леди.

М а к б е т

Так вылечи. Иль мозг неизлечим
И ты не можешь выкорчевать корни
Страдания из памяти ее?
Дать сладеньких пилюль, чтоб тяжесть с сердца
Снять и от мыслей мозг освободить?

В р а ч

Здесь только сам больной себе подмога.

М а к б е т

Скорми лекарства псам. В них проку нет. —
Доспехи, Сейтон! Дай копьё! Командуй:
«В седло!»

(Врачу.)

Все таны предали меня.

(Сейтону.)

Скорей, скорей!

(Врачу.)

А если б ты, мой друг,
Исследовал мочу моей страны,
Прочистил ей кишки и победил недуг,
Хвала б моя, ударив в край земли,
Вернулась эхом.

(Сейтону.)

Ну же!

(Врачу.)

Кроме шуток,
Ревень принять нам? сенну? чтоб смогли
От англичан освободить желудок?
Слышал о них?

Врач

Конечно, государь.

И ваши, мой король, приготовления

К войне о многом говорят.

Макбет (*Сейтону*)

Идем.

Я буду драться, смерти не страшась.

Дотоле не пробьет мой смертный час,

Пока Бирнам не двинется на нас.

Врач (*в сторону*)

Бежать как можно дальше, чтобы взгляд

Не соблазнился тем, что пошлют.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Местность близ Бирнамского леса. Барабаны, знамена.

Входят Малькольм, старый Сивард, его сын,

Макдуф, Ментис, Кэтнес, Ангус, Ленокс,

Росс, солдаты.

Малькольм

Собратья, наступают времена,

Когда рассеются ночные страхи

В домах людей.

Ментис

Я в этом убежден.

Сивард

Как называют этот лес?

Ментис

Бирнамский.

Малькольм

Пусть каждый из солдат отрубит ветвь
И держит пред собой, чтобы разведка
Врага нас не смогла пересчитать.

Солдаты

Все ясно!

Сивард

Дунсинан в руках тирана,
Чей непомерный гонор нам велит
Начать осаду.

Малькольм

Там его надежда
Последняя. Все от него бегут
Куда попало — слуги и вельможи.
Никто ему не присягал душой.

Макдуф

Не будем скорый суд вершить словами —
Нам предстоит вершить солдатский труд.

Сивард

Час близится, когда определим,
Что нам назвать чужим и что своим.
Не в помыслах решается исход
Сражения, но в приступе. Вперед!

Уходят строем.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Дунсинан. В замке.

Входят Макбет, Сейтон, солдаты
с барабанами и знаменами.

Макбет

На стенах крепостных развесить флаги.
Опять вопят: «Идут!» Но мы вполне
Сильны, чтоб осадить осаду смехом.
Пусть голод их пожрет, пока идут.
Когда б в их лагерь не перебежали
Предатели, мы бы могли сойтись
Нос к носу с ними, обратив их в бегство.

Женские крики за сценой.

Что там такое, Сейтон?

Сейтон

Женский плач.

(Уходит.)

Макбет

Вкус страха я почти уже не помню.
Тот крик ночной, когда похолодел
От ужаса, тот гость ночной с рассказом,
Пугавшим так, что волосы, торчком
Встав, шевелились, — это было, было.
По горло сыт я страхом, вкус отбит.

Сейтон возвращается.

Что?

Сейтон

Государь, скончалась королева.

Макбет

Ей следовало позже умереть;
Я время бы нашел для слова «смерть».
Но завтра, завтра, завтра... Семенить,
Пока отмеренная нить
Дыхания не оборвется,
Шажок-стежок, пока дурак не ткнется
Всем своим прошлым в прах и пыль.
О жизнь, свечной огарок, гиль
С позерством и истерикой игры,
Факир на час, лети в тартарары,
Ты бред безумца, вздор, чье существо
Есть шум и ярость, больше ничего.

Входит гонец.

Что, проглотил язык?

Гонец

Мой государь,
Я должен доложить то, что я видел,
Но я не знаю как.

Макбет

Посредством слов.

Гонец

Я глянул на Бирнам и не поверил
Своим глазам: он шел.

Макбет

Болтун и раб!

Гонец

Пусть, если вру, ваш гнев меня накажет.

Бирнам в трех милях — как не разглядеть
Движение?

Макбет

Но если врешь, подвешу
Живьем на том суку, чтоб ты подох
От голода, а если это правда,
Подвесь меня. — Уверенность моя
Подорвана сомньем: что как дьявол
Правдиво лгал: «Пока Бирнамский лес
Не двинется на Дунсинан, не бойся»?
Он двинулся. — К оружию! В седло! —
И если это так, то, может статься,
Нет смысла ни бежать, ни оставаться.
Хочу, чтоб свет поник и перестал
светить, а мир взорвался. Я устал. —
Греми, набат! — Рви, ветер, все круша!
Смерть из руки не вырвет палаша!

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дунсинан. Перед замком. Барабаны, знамена.

Входят Малькольм, старый Сивард, Макдуф
и солдаты с маскировочными ветками.

Малькольм

Мы рядом. Бросьте ветки, чтоб собой
Предстать перед врагом. — Вы, храбрый Сивард,
И сын ваш — вы начнете этот бой.
А мы с Макдуфом завершим сраженье.

Сивард

Прощайте. Если мы, с врагом сойдясь,
Не победим, пусть он повергнет нас.

Макдуф

Трубите в трубы, душу в эту медь
Вревите, предвещая кровь и смерть.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Поле сражения. Шум битвы.

Входит Макбет.

Макбет

Загнали, как медведя, обложив
Со всех сторон. Не убежать, так драться.
Где тот, кто женщиною не рожден?
Лишь он мне страшен.

Входит молодой Сивард.

Молодой Сивард

Кто такой ты будешь?

Макбет

Скажу — поджилки затрясутся.

Молодой Сивард

Нет,

Будь ты страшней, чем растреклятый дьявол.

Макбет

Меня зовут Макбет.

Молодой Сивард
Сам черт гнусней
Не изобрел бы звука.

Макбет
И страшнее.

Молодой Сивард
Тиран ничтожный, лжешь, я докажу
Мечом, что ты не страшен.

Сражаются. Молодой Сивард убит.

Макбет
Ты родился
От женщины, и мне смешон твой меч.
И все вояки жалки и смешны,
Когда, как ты, от женщин рождены.
(Уходит.)

Шум битвы. Входит Макдуф.

Макдуф
Я слышу звон мечей. Предстань, тиран!
Пока я не убил тебя, за мною
Убитых тени ходят по пятам.
Не эту чернь, что нанята за деньги, —
Тебя! Иначе меч, не освятив
Отмщением, вложу обратно в ножны.
Похоже, там идет изрядный бой,
А значит, и боец незаурядный.
Судьба, пошли мне встречу с ним, молю!
И только так я жажду утлю.
(Уходит.)

Шум битвы. Входят Малькольм и старый Сивард.

Сивард

Сюда, милорд! Без видимых усилий
Мы взяли замок, часть его солдат
На нашей стороне, и славна поступь
Военной знати, — спор почти решен.

Малькольм

Они дерутся словно понарошку,
Боясь нам повредить.

Сивард

Входите, сэръ!

Уходят. Шум битвы.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Там же.

Входит Макбет.

Макбет

Зачем роль римлянина-дурака
Играть, на свой напарываясь меч?
Не лучше ли им поразить врага?

Входит Макдуф.

Макдуф

Я здесь, поганый пес!

Макбет

Хотел избегнуть

Единственно тебя. Прочь! Я и так
Повинен в смерти твоего семейства.
Ма к д у ф
Ни слова. Мой ответ — на острие
Меча. В крови захлебываясь, слово
Безмолвствует.

Бьются.

Ма к б е т
Ну-ну, напрасный труд.
Своим мечом ты просто рубишь воздух.
Ищи того, кто уязвим, — меня
Оберегает дух от всех, рожденных
В мир женщиной.

Ма к д у ф
Он не обережет
Тебя: я извлечен был до рожденья
Из чрева матери.

Ма к б е т
Чтоб твой язык отсох!
Ты испугал того, кто был бесстрашен.
Все тот же дьявольский факир на час,
Который облапошивает нас
Игрой в слова и, раздражив, тебя
Осаживает. Драться не судьба.

Ма к д у ф
Сдавайся, трус, пусть на тебя народ
Глядит, как на диковинных уродцев
Глядят, а мы напишем на столбе:
«Любуйтесь, вот тиран!»

Макбет

Нет, я не сдамся

И землю пред Малькольмом целовать,
Став для толпы посмешищем, не буду.
И хоть Бирнам пошел на Дунсинан
И женщиной ты не рожден — не сдамся.
Макдуф, я поднял щит! Будь проклят тот
Из нас, кто прежде смерти бой прервет!

Удаляются, сражаясь. Вновь появляются, продолжая биться.
Макбет убит. Шум битвы. Отбой. Фанфары. Входят, с барабанами
и знаменами, Малькольм, старый Сивард, Росс,
остальные таны и воины.

Малькольм

Надеюсь, целы все и невредимы.

Сивард

Едва ли все. Но, судя по тому,
Что вижу, — нам легко далась победа.

Малькольм

А где Макдуф и ваш прекрасный сын?

Росс (Сиварду)

Милорд, ваш сын исполнил долг солдата.
Он прожил ровно столько, чтобы стать
Бойцом, и он погиб, едва он стал им,
Но ни на шаг в бою не отступил.

Сивард

Погиб?

Росс

Погиб. И вынесен из боя.
Да не сравнится в силе скорбь отца

С сыновней доблестью, иначе длиться
Ей без конца.

С и в а р д

Он встретил смерть лицом

К лицу?

Р о с с

Да.

С и в а р д

Значит, в воинстве Господнем

Мой сын. Имей я столько сыновей,

Сколько волос на голове, не мог бы

Им лучшего ухода пожелать.

Покойся с миром.

М а л ь к о л ь м

Я воздам герою

Почет и славу.

С и в а р д

Хватит и того,

Что есть. Он смертью доблестной уважен.

С ним Бог. А вот, надеюсь, лучше весть!

Входит М а к д у ф с головой Макбета.

М а к д у ф

Почет и честь, король! Ведь ты король!

Монстр обезглавлен. Мы свободны. Вижу

Вокруг тебя достойнейших сынов —

Пусть вслед за мной не пожалеют слов:

Почет и честь тебе, король Шотландский!

В с е

Почет и честь тебе, король Шотландский!

Фанфары.

М а л ь к о л ь м

Недолго час, я всех вознагражу
За преданность, мои друзья и таны.
Теперь вы графы, первые в стране
Вы заслужили славный этот титул.
Нам следует вернуть всех, кто бежал
Из цепких лап тирана, пусть началом
Иных времен и будет их возврат.
Нам следует судить того, чья подлость
Прислуживала палачу с его
Женою-дьяволицей, что, по слухам,
Себя убила собственной рукой.
Бог в помощь! Все, что призваны свершить мы, —
Свершим достойно в надлежащий час.
Поклон мой всем и каждому из вас.
Вы станете брильянтами в короне,
Которой я увенчан буду в Сконе!

Фанфары. Уходят.

Желание, мысль и время в «Макбете»

Счастливейший из великих поэтов, не попавшийся на удочку собственной биографии, а потому не засушенный, не завяленный и не обсиженный мухами, Шекспир, быть может, — лучший из созданных им персонажей. Парадоксальность этого первенства состоит как раз в том, что нет никакого особенного характера, нет почти ничего. Это ли не мечта многих и многих набоковых и сэлинджеров современности: выстроить крепость, спрятаться, исчезнуть, создать о себе миф... — что угодно, но не допустить сплетен, посмертного разложения своей жизни, растаскивания и прилаживания ее к творчеству, попыток необъяснимое сделать объяснимым и доступным хищническому обывательскому пониманию? Шекспиру это удалось без всяких видимых усилий.

Счастливейший еще и потому, что сказал он о себе (а значит — обо всем) больше, чем кто-либо. Для тех, кому недостаточно поэзии Шекспира и кто хочет во что бы то ни стало

Гандельсман Владимир Аркадьевич (род. 1948) — поэт и переводчик, автор более двадцати книг, изданных в России и США. Выпускник Ленинградского электротехнического института. Работал инженером, сторожем, кочегаром, гидом, грузчиком. С 1990 года живет в Нью-Йорке и Санкт-Петербурге. В США преподает русский язык и литературу. Лауреат ряда литературных премий, в том числе «Liberty» (2008), «Русской премии» (2008), «Московский счет» (2011) и «Anthologia» (2012).

отыскать Шекспира «реального», некий человек, которого по странному совпадению реального с нереальным звали точно так же, написал автоэпитафию, которую я перевел:

В мой гроб, во имя Господа, не лезь,
Дай мне покой, мой друг, не ройся здесь.
Блажен, кто этой костью не прельстится,
А псам желаю ею подавиться.

Когда-то в комментариях к роману Уильяма Фолкнера «Шум и ярость» (перевод О. П. Сороки) я прочел цитату из «Макбета», указывающую на происхождение названия романа: «Жизнь — <...> рассказ, рассказанный кретином, полный шума и ярости, но ничего не значащий». Это было очень давно, и, конечно, такие слова должны были произвести неотразимое впечатление на молодого человека. Не говоря о самом романе, замечательном и любимом поныне. Другим сильным впечатлением был фильм Акиры Куросавы «Трон в крови», снятый по мотивам трагедии. Эти две частности в сочетании с желанием приблизиться к великим английским стихам привели меня к попытке перевести «Макбета».

Также я не взялся бы за перевод, если бы считал, что участие в соревновании с предшественниками безнадежно (знаю переводы А. И. Кронеберга, С. М. Соловьева, М. Л. Лозинского, Б. Л. Пастернака и Ю. Б. Корнеева; есть и другие работы, но я с ними не знаком).

Я не собираюсь писать всеобъемлющее сочинение на тему «Макбета». Подобных сочинений много, и среди них есть превосходные. Но я думаю, было бы правильно высказать то, что мне особенно интересно в этой трагедии.

«Макбет» — это история заурядного желания (помышления), от змеиного его зачаточного просверка в безвременье райского сада — через превращение желания в скоропалительную непродуманную мысль, которой дан ход, то есть через существование

ее во времени (а мысль и есть время), — до адского воплощения, апокалипсиса, отрубленной головы, где эта мысль зародилась, а значит — до ее прекращения в одном отдельно взятом человеческом существе.

Зеркальна по отношению к этой истории судьба нашего чтения (зеркальна — потому что к нам благосклонна): из неведения мы открываем книгу, проживаем сцену за сценой, как будто следуем из зала в залу и наконец выходим из этого мира, прикрыв за собой декоративную дверь обложки.

Макбет и леди Макбет — чем не Адам и Ева? Счастливая пара, райский сад. Явление ведьм — чем не явление змея-искусителя, или по-другому — извилины-желания: а не стать ли мне королем? Желание заурядно, потому что, как известно, в ранце каждого солдата лежит жезл маршала, но оно получает незаурядное развитие, потому что не так уж много солдат, которые убивают этим жезлом своего повелителя. Добавим к французскому афоризму русский и чуть изменим его в угоду пьесе Шекспира: «Плоха та жена солдата, которая не мечтает стать генеральшей». И это уже леди с ее ледяным расчетом, отнюдь не мечтой.

Что делать с промелькнувшей преступной мыслью? В одной из своих притч Франц Кафка пишет о герое: «Уж раз того однажды стали мучить такие мысли, могут ли они когда-нибудь развеяться совсем?» «Макбет», повторяю, — это история и исследование природы желания, это история о подмене желания непродуманной мыслью (то есть отсутствием мысли), о том, как *без-мысленное* действие развивается по своим безумно множющимся законам и порождает (когда ничего уже сделать нельзя, поскольку стихии бездумного действия дан ход) вполне незаурядную рефлексию, которую если и не отождествить с раскаянием, то с наказанием, кармой — очень легко.

Потому и Куросаве близок этот сюжет, что буддийская идея о разрушительной силе непродуманного желания (а продуманного и не бывает, мысль способна разрушить любое желание) была ему родной.

Какое получит продолжение эта мысль и получит ли? Зависит от человеческого материала.

Банко ее не принимает и страшится, что она пойдет в обход и пролезет в бессознательное:

Свинцовый сон меня к постели клонит,
Но все нейдет, храни его Господь
От непотребных мыслей.

Его природа не отвечает на преступный вызов. Отметим лишь тонкое психическое состояние «недопущения» в свой состав того, что шепнуло себя на ухо. Безрезультатно. И, понятное дело, такой персонаж нам не интересен. Злодея, злодея на сцену!

Пожалуйста. Леди сомнений не знает. Кажется, что она — одно из воплощений тех самых ведьм, явившихся в начале трагедии. Есть «человеческие» трактовки, объясняющие ее роль вдохновительницы Макбета. Она была замужем, она знает материнство; пристыжая мужа в его нерешительности, леди говорит:

Зная и любовь,
И нежность материнства, я сосок
Отдернула бы от бескостных десен
И бросила младенца оземь,
Когда бы, как Макбет, дала зарок.

В новом браке у леди нет детей. Быть может, убийство Дункана станет своеобразным посвящением Макбета в мужчину? Мне, признаться, это ничего не объясняет — дьявольщина остается дьявольщиной. Леди Макбет совершенно открыта грядущему преступлению. Оказывается, что и такой персонаж не очень-то увлекателен. Хотя его страстность и решительность впечатляют.

Макбет находится между Банко и леди. Он заложник и мученик вопроса: убить или не убить? Не потому, что сказано: «Не убий!» Герой дохристианской эры, он попытается стать «гигантом

дохристианской эры» (Пастернак о Сталине). Так или иначе, но в момент ведьминского предвестия: «Почет и честь тебе, король грядущий!» — Макбет вздрагивает. Время пошло.

«Макбет» — это трагедия неопределенности, когда герой, не способный ни отринуть мысль, ни продумать ее до конца и, возможно, таким образом изжить, обречен на ничтожество полумыслей, полурешимости, полузлодейства — на половинчатость любого своего проявления. Его страх и трепет: удастся ли проскочить? Удастся ли совершить преступление незаметно не только для постороннего глаза (и избежать явного возмездия), но и для себя самого, для своей совести (и избежать тайного возмездия)? Непродуманность-непрочувствованность-непрожитость этой мысли очевидна, поскольку Макбету кажется: с тайным возмездием — которого, он знает, не избежать! — с тем, что произойдет с его психическим здоровьем, потом, он справится. Но он не может знать, что будет с ним, ставшим другим человеком. Полноценная проникающая мысль могла бы это предвидеть. Есть и другой страх и трепет. Подначиванье леди направлено в примитивную, но неотразимо-большую точку: смел помышлять, но не смеешь совершить? Что за фальшь и что за трусость! Внутренний ответ Макбета: посмею ли? Сам вопрос направлен в сторону преступления, но убийство Дункана выглядит как наваждение. Герой в полубреду, кинжал вложен в безвольные руки. Эта сцена словно бы пародирует библейскую: нож непоколебимого в своей вере Авраама отвергнут — кинжал расслабленного и ни во что не верящего Макбета «одобрен». (Конечно, шекспировский случай к Господней воле отношения не имеет.) Изысканная ложь Макбета — в соблазне счесть будущее убийство роком, судьбой, чем-то, что парализует и отменяет его волю. Правда Макбета — в том, что он понимает свою ложь. Я склонен думать, что Макбет эту сцену разыграл. Перед кем? Перед собой.

Но все дальнейшее не розыгрыш. Происходит убийство — первый обрыв мысли и времени. Кому они принадлежат, эти мысль и время? Дункану? Не только. Мысль и время Дункана принадлежат миру, который — и Макбет, и его жена... Наступает

ночь. Шекспир уводит со сцены главных героев и вытаскивает на подмостки «слугу просцениума» — привратника.

Стук в ворота — метафора пульса вернувшейся жизни. Об этом с романтическим воодушевлением писал Томас де Квинси: «И вот именно тогда, когда злодейство совершено, когда тьма воцаряется безраздельно, — мрак рассеивается, подобно закату великолепию в небе; раздается стук в ворота и явственно возвещает о начале обратного движения: человеческое вновь отгесняет дьявольское...»

И дальше, дальше... В чередовании света и тьмы, с ведьмами и призраками, с эхом убийства, умноженным новым убийством, с выростанием Макбета в полнокровного (с ног до головы кровного) тирана, вобравшего в себя силу жены (они как сообщающиеся сосуды: крепнет Макбет — слабеет леди; вот уж где поговорка «Муж да жена — одна сатана» обретает буквальное значение).

Имя Макбет означает «сын жизни». И *Macbeth* очевидно рифмуется с *breath* и *death*, то есть с жизнью и смертью. Макбет — воистину сын жизни, в очень обыденном смысле: как многие двуногие, он мыслит ползком, по-рабски. Он предельное выражение заурядного человека — не мыслящего, но помышляющего, а помышление — лютей враг внутренней свободы. Поэтому Макбет также и сын смерти. И как сын смерти он несет смерть.

В осознании того, что время — единственное, что не подвластно ему («в осознании»! — а значит, прежде всего, неподвластна тягомотина мысли, порождающей время и все попутные страхи, которые время притягивает), Макбет приходит к примечательным открытиям в этой области. Время не подвластно? Посмотрим! (В некотором зловеще-метафизическом смысле уничтожение людей — попытка убить время, пусть в его частном проявлении, но убить. В конце концов, если убить всех — время кончится, иронически говоря, с максимальной объективностью: некому будет мыслить.)

Вот первое открытие, сделанное в третьем акте, когда принято бесповоротное решение идти до конца, а значит — убивать и убивать:

Макбет

Есть *мысли*, воплощаемые лишь
До *осмысленья*, иль — не воплотишь.

Macbeth

Strange things I have in *head*, that will *to hand*,
Which must be acted ere they may be scanned.

И вот эхо этого открытия в четвертом акте, когда Макбет узнает, что Макдуф бежал в Англию, — одна из многих симфонических переключек в музыкальном контексте трагедии:

Макбет

Ты, время, юрче всех кровавых дел.
Цель ускользает, если не посмел
В нее вцепиться, ухватив мгновение.
Отныне *мысль* — и есть осуществленье,
Венчающее *мыслимый* предел.

Macbeth

The very firstlings of my *heart* shall be
The firstlings of my *hand*.

В обоих вышеприведенных случаях важно не соответствие английскому звучанию (*head — hand — heart — hand*), но соответствие русского и русского в разных точках пьесы, чтобы текст в сцене четвертого акта откликнулся эхом на текст из акта третьего.

Первое открытие устраняет время как размышление, ибо размышление на тему «убить — не убить» затрудняет и откладывает (в худшем для тирана случае — отменяет) действие. Второе открытие — предельное мечтание тирана — действие (убийство) должно быть одновременно с помышлением о нем. И вновь: никакого временного промежутка. Любое помышление, тут же пресуществленное в действие, вернее сказать, любое помышление, равное действию, — вот что возводит злодея на уровень божества.

Подтверждение незаурядности размышлений Макбета о времени — его хрестоматийный монолог в пятом акте, когда он получает известие о смерти жены:

Ей следовало позже умереть;
Я время бы нашел для слова «смерть».
Но завтра, завтра, завтра... Семенить,
Пока отмеренная нить
Дыхания не оборвется,
Шажок-стежок, пока дурак не ткнется
Всем своим прошлым в прах и пыль.

Нет, Макбет не божество, он осознает свою смертность. И речь его последних монологов в сочетании с ядовитой иронией, с шумом и яростью, с решимостью не отступить, но принять то, что ему уготовано властью посмеявшейся над ним судьбой, делает этот образ по-настоящему крупным и достойным сочувствия. Странную роль здесь играют стихи Шекспира — и мне кажется, в этом одна из главных причин великолепной сложности отрицательных персонажей его пьес, — невозможно не сочувствовать тому, кто говорит так! Язык Шекспира всегда на стороне его героев, — воистину героический язык.

В вышеприведенном монологе Макбет не только не божество, он просто человек (хотя непростой человек), осознающий свое несовершенство в глубоком философском смысле. Он понимает, что он в ловушке, созданной желанием-мыслью-временем, что для него выбег из этой ловушки один: в смерть.

О жизнь, свечной огарок, гиль
С позерством и истерикой игры,
Факир на час, лети в тартарары,
Ты бред безумца, вздор, чье существо
Есть шум и ярость, больше ничего.

От этого отчаяния — один шаг до прозрения: времени нет. До мудрости, в которой глубина самопостижения снимает эту

проблему и в которой остановка времени происходит не потому, что отрубают голову, а потому, что все до отказа заполнено несомненной (не сомневающейся) жизнью, не только не подверженной смерти, но и не подлежащей умалению. Иисус и Иуда — хороший пример разнополярности Знания и знания. Хороший еще и потому, что в «Макбете» есть аллюзия на Евангелие от Иоанна. Иисус, зная о предательском помышлении Иуды, говорит ему: «...что делаешь, делай скорее» («That thou doest, do quickly»). Первые строки монолога Макбета в седьмой сцене первого акта:

If it were done when 'tis done, then 'twere well
It were done quickly... —

буквально: «Если бы это было сделано, то лучше уж быстро». Иисус знает то, к чему Макбет еще придет: сомнение, угрызения совести и прочее в Иудином времени могут разрастись и не свершится то, что должно свершиться... и что уже (и всегда) свершается в Иисусовом времени (ибо его нет).

ОТЕЛЛО

«Отелло» — краткое название трагедии Уильяма Шекспира «Отелло, венецианский мавр» (англ. «*The Tragedy of Othello, The Moor of Venice*»). Считается, что пьеса написана в 1604 году, в том же году осуществлена первая постановка в лондонском театре «Глобус». Первая публикация в 1622 году, затем включена в собрание, изданное в 1623 году. Одна из самых востребованных пьес Шекспира — на протяжении четырех столетий спектакли идут на знаменитых мировых сценах и в провинциальных театрах, сделаны десятки экранизаций (в Италии, России, Великобритании, Франции, Германии, США и других странах); «Отелло» в музыке — это оперы Джоакино Россини (1886) и Джузеппе Верди (1887), балет Алексея Мачавариани (1957) и балет Элиота Голденталя (2002). В России первая постановка осуществлена Александринским театром в 1806 г. Сюжет трагедии основан на новелле «Венецианский мавр» Джиральди Чинтио (1504—1573), флорентийского ученого-гуманиста и писателя эпохи Возрождения.

Наиболее известные переводы на русский язык, кроме перевода Бориса Пастернака, представленного в настоящем издании, были сделаны П. И. Вейнбергом (1860), А. Л. Соколовским (1894), А. Д. Радловой (1935), М. Л. Лозинским (1950).

С. 6. *Мавр* — в средневековой Европе «маврами» (англ. *Moor*) называли мусульманское население Испании, Мальты, Сицилии и части Северной Африки — арабов и берберов; другое значение слова «мавр» — марокканец. У Шекспира Отелло темнокожий, с характерными толстыми губами (Родриго называет его «толстогубым»).

Дездемона — в новелле Дж. Чинтио имя героини — Дездемона, от греч. *dysdaimon*, что означает «злосчастливая», «горючая»; второе значение *dis-demon* — анти-демон, что совпадает с ее положительным образом.

Яго — имя Яго, предположительно испанского происхождения; вероятно, Шекспиром для главного антагониста Отелло оно выбрано неслучайно, так как означает потребность доминировать и готовность вступить в конфликт. По натуре хам и плебей, Яго, находясь на службе у благородного мавра, ненавидит его и сплетает вокруг Отелло и Дездемоны чудовищную интригу.

Кипр — с 1489-го по 1571 год остров находился под контролем Венецианской республики. Из-за выгодного географического положения неоднократно подвергался нападениям со стороны Османской империи, в связи с чем венецианцы построили на Кипре крепости в Никосии, Кирении и Фамагусте (Ф. — предположительно место, где разворачивались трагические события пьесы).

С. 27. *Я ей своим бесстрашьем полюбился, / Она же мне — сочувствием своим.* Дословный перевод: «Она полюбила меня за опасности, которые я перенес». В сценографии чаще используется перевод П. И. Вейнберга: «Она меня за муки полюбила, / А я ее — за состраданье к ним».

С. 42. *Птичий клей* — вещество клейкой консистенции, используемое для отлова мелких птиц живьем; этот древний способ ловли птиц сохранился до настоящего времени. У Шекспира, вероятно, здесь скрыт намек: Яго уже приготовил такую ловушку для «птичек» — Кассио и Дездемоны.

С. 52. *Король Стефан был бережлив...* — Популярная песенка, воспевающая бережливость и осуждающая расточительность знати. Король Стефан (XII в.) считался образцом бережливости, а время его правления — благословенным для Англии.

С. 63. *Входит Кассио с музыкантами.* — В XVI—XVII вв. в Европе свадебные обряды имели продолжительный характер

и сопровождалась исполнением песен не только во время самого пиршества, но и ранним утром после первой ночи новобрачных под их окнами.

С. 83. *Мандрагора* — ядовитое растение; в старину использовалось для приготовления снадобий, вызывающих галлюцинации. Из-за того что корень мандрагоры по форме напоминает человеческую фигуру, растению приписывались магические свойства.

С. 88. *Геллеспонт* — пролив Дарданеллы.

С. 104. *Вы шишки не набили?* — Вероятно, Яго намекает, что у Отелло «растут рога», то есть на предполагаемую измену Дездемоны.

С. 130. *Зеленая ива* — то же, что плачущая ива; в Англии — это традиционный символ скорби и несчастной любви. О покинутых своими возлюбленными говорили, что они «носят зеленую иву». Песня Дездемоны — вариация на тему народной песни-баллады.

С. 150. *Влияние Луны*. — С научной точки зрения психическое здоровье человека не подвержено воздействию Луны, однако во времена Шекспира бытовало убеждение, что отклонение Луны от обычной орбиты может быть одной из причин безумия.

С. 152. *Она была коварна, как вода*. — Вода с древнейших времен ассоциировалась с женским началом, а также со стихией, полной тайн, под внешним спокойствием которой может скрываться гибельная опасность.

С. 164. *Спартанская собака* — по представлениям современников Шекспира, собаки Древней Спарты отличались особенной свирепостью.

Макбет

«Макбет» (англ. *Macbeth*) — одна из наиболее известных трагедий Уильяма Шекспира. Время написания — 1606 год, первая публикация в собрании произведений Шекспира в 1623 году, после смерти автора. По некоторым сведениям, пьеса впервые была поставлена в апреле 1611 г. в лондонском «Глобусе» и на протяжении вот уже четырех веков входит в репертуар театров по всему миру; сделаны многочисленные экранизации (Австралия, Великобритания, США, Япония и др.). Как и многие классические произведения, «Макбет» послужил сюжетом для создания оперы (Джузеппе Верди, 1846—1847) и балета (Кирилл Молчанов, 1980). Из шекспировского наследия наряду с трагедией «Ромео и Джульетта» только «Макбет» взят рок-музыкантами для написания песен и альбомов.

В России из-за сцены царубийства трагедия была запрещена к постановке цензурой до 1860 года. Первая постановка осуществлена в 1862 г. группой Малого театра на сцене Большого театра. На столичных и провинциальных российских сценах пьеса ставилась довольно редко.

Сюжет пьесы отдаленно основан на истории реального шотландского короля Макбета («Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда, 1587).

Первый перевод «Макбета» на русский язык сделан в 1802 году А. И. Тургеневым, однако не сохранился, так как автор счел его слабым и уничтожил. Почти все переводы Шекспира, сделанные в России в начале XIX века, выполнены в прозе с французских и немецких версий. Только в 1836 году военный геодезист и географ по профессии М. П. Вронченко (1802—1855) представил перевод пьесы, соответствующий шекспировскому оригиналу.

В дальнейшем на русский язык «Макбета» переводили неоднократно: А. И. Кронеберг (1847), С. М. Соловьев (вероятно — 1920-е годы.), А. Д. Радлова (1935), Б. Л. Пастернак (1930-е годы),

М. Л. Лозинский (ок. 1949), Ю. Б. Корнеев (1960), М. В. Вербина (2005), В. А. Гандельсман (2010) — представлен в настоящем издании, Г. Сегаль (2013).

С. 174. *Макбет* — исторический Макбет, король Шотландии, и Макбет шекспировский — две совершенно противоположные личности. В действительности, о чем свидетельствуют исследования историков, Макбет был мудрым и благородным королем, после гибели (или убийства? — чему достоверных подтверждений нет) короля Дункана он правил 17 лет (1040—1057). У Шекспира Макбет — коварный, жестокий убийца и тиран, безудержная жажда власти, предательство и убийство законного короля приводят его к безумию, смерти жены — вдохновительницы злодеяний, и собственной гибели.

Геката — в древнегреческой мифологии богиня тьмы, мрака, магии и колдовства.

Три ведьмы — в начале XVII века в Европе, и в том числе по всей Англии, пылали костры, на которых сжигали женщин, обвиненных в колдовстве. Возможно, поэтому Шекспир в число персонажей трагедии вводит этих подручных нечистой силы (англ. *Three Witches*), оглашающих злосчастные пророчества Макбету. С одной стороны, ведьмам придана традиционная атрибутика нечисти, с другой — называя их в ряде случаев вещуньями (*the weird sisters* — вещие сестры), драматург представляет их в образе мифологических прорицательниц, определяющих судьбы людей.

С. 177. ...как два орудья рядом, / И каждое с двойным зарядом... — В XI веке, конечно, еще не было пушек (порох изобретен лишь в XIV веке). Такого рода анахронизмы у Шекспира нередки.

С. 178. *Тан* — старинный шотландский титул крупного феодала.

С. 180. ...Бесхвостой крысой прыгну... — Согласно поверью тех времен, ведьма могла превратиться только в бесхвостую крысу.

С. 189. ...Сегодня принцем Камберленда ставший... — В средневековой Шотландии «принц» — титул наследника престола.

С. 197. ...*И рыбку съесть, и лап не замочить?* — Старинная английская поговорка: «Кошки любят рыбу, да боятся лапки замочить» («*All cats love fish, but fear to wet their paws*»).

С. 202. ...*как Тарквиний, к ней стремится / Тишайшей тенью...* — Вероятно, имеется в виду сын Тарквиния Гордого, последнего, седьмого царя Древнего Рима, Секст Тарквиний, который обманом проник в дом жены Т. Г. Лукреции и силой овладел ею, после чего Лукреция покончила с собой.

С. 207. *Вельзевул* — другое написание *Веельзвул* (от ивр. *Бааль-Зевув*, «повелитель мух»); в христианской религии — один из злых духов, подручный дьявола.

С. 216. *Скон* — замок, в Средневековье место коронации королей Шотландии.

С. 240. ...*при короле / Английском Эдуарде*. — Эдуард Исповедник (1003—1066), английский король, правление с 1042-го по 1066 год.

С. 247. *Явление восьми королей...* — вероятно, имеются в виду будущие восемь шотландских королей династии Стюартов, правивших с конца XIV по начало XVII века; Банко представляется легендарным предком династии, однако в официальной историографии это имя не упоминается.

С. 247. ...*кто идет с державой / Двойной, а кто со скипетром тройным*. — В 1603 г. английский престол занял шотландский король Яков Стюарт, ставший королем Англии и Шотландии («двойная держава»), а также королем Ирландии («тройной скипетр»).

С. 281. *Зачем роль римлянина-дурака / Играть, на свой напарываясь меч?* — Здесь Макбет подразумевает Марка Антония, который покончил с собой, бросившись на меч. Известный способ самоубийства в Древнем Риме.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ОТЕЛЛИО. Перевод Бориса Пастернака</i>	5
<i>Александр Блок. Тайный смысл трагедии «Отелло» (К постановке в Большом драматическом театре)</i>	166
<i>МАКБЕТ. Перевод Владимира Гандельсмана</i>	173
<i>Владимир Гандельсман. Желание, мысль и время в «Макбете»</i>	286
<i>Примечания</i>	295

Литературно-художественное издание

Серия «Проверено временем»

Уильям Шекспир

ОТЕЛЛО

МАКБЕТ

Трагедии

Редактор

Лариса Спиридонова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Верстка

Светлана Спиридонова

Корректор

Елена Плёнкина

Подписано в печать 14.10.2017

Формат 70x108/32. Усл. печ. л. 13,3

Тираж 5000 экз.

Заказ №

ООО «Время»

117105, Москва, Варшавское шоссе, 3

Телефон (495) 954 10 82

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

ОАО «ИПП «Уральский рабочий»»

620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

СЕРИЯ
«ПРОВЕРЕНО ВРЕМЕНЕМ»

ИСААК БАБЕЛЬ
КОНАРМИЯ

ИСААК БАБЕЛЬ
ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК
ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА. НЕВЕДОМЫЙ ШЕДЕВР

МИХАИЛ БУЛГАКОВ
СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

ИВАН БУНИН
ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ

ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ
ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОВЕСТИ

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

ФЁДОР ДОСТОЕВСКИЙ
БЕДНЫЕ ЛЮДИ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН
«ОТГОВОРИЛА РОЩА ЗОЛОТАЯ...»

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР
СОЗВЕЗДИЕ КОЗЛОТУРА

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ
ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ
ДЕМОН

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ
ЛЕДИ МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА

ГИ ДЕ МОПАССАН
МИЛЫЙ ДРУГ

ГИ ДЕ МОПАССАН
ПЫШКА

О. ГЕНРИ
КОРОЛИ И КАПУСТА

ЭДГАР ПО
БОЧОНОК АМОНТИЛЬЯДО

АНТУАН-ФРАНСУА ПРЕВО
ИСТОРИЯ КАВАЛЕРА ДЕ ГРИЕ И МАНОН ЛЕСКО

АЛЕКСАНДР ПУШКИН
ДУБРОВСКИЙ. КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

АЛЕКСАНДР ПУШКИН
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

МИХАИЛ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

МАРК ТВЕН
**ЯНКИ ИЗ КОННЕКТИКУТА ПРИ ДВОРЕ
КОРОЛЯ АРТУРА**

ЛЕВ ТОЛСТОЙ
ХАДЖИ-МУРАТ

ИВАН ТУРГЕНЕВ
ОТЦЫ И ДЕТИ
